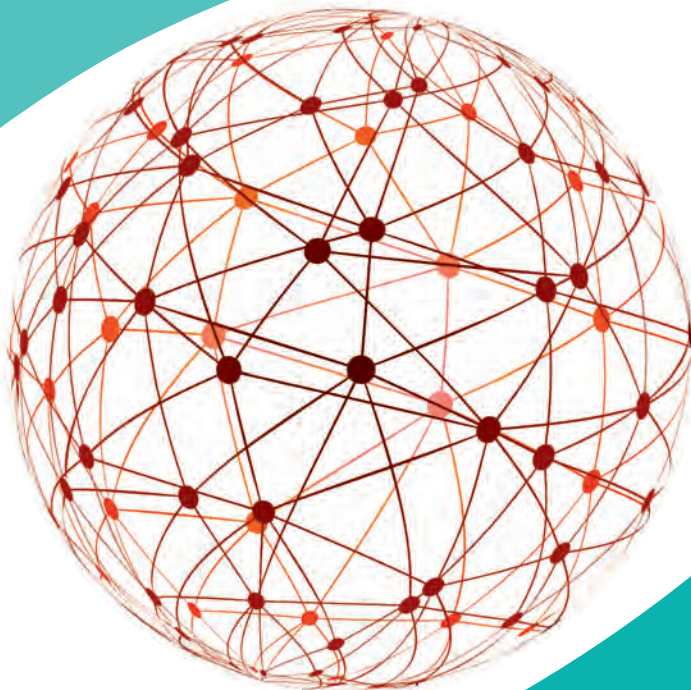
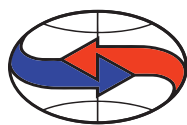

№ 1 (9) / 2020

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Институт стран СНГ

Научно-аналитический журнал

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

№ 1 (9)

Москва

2020

СОВЕТ УЧРЕДИТЕЛЕЙ

Затулин К. Ф., специальный представитель Государственной Думы РФ по вопросам миграции и гражданства, первый Заместитель Председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII созывов;

Глазьев С. Ю., академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации представитель Президента Российской Федерации в Национальном банковском совете;

Никифоров К. В., доктор исторических наук, историк-славист, директор Института славяноведения РАН;

Тишков В. А., доктор исторических наук, профессор, историк, этнолог, социальный антрополог, действительный член РАН;

Торкунов А. В., действительный член РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, ректор МГИМО МИД России, председатель Совета директоров АО «Первый канал».

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Егоров В. Г., доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения и геополитика транспорта» РУТ (МИИТ);

Кожокин Е. М., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО;

Кузнецов А. В., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ВРИО Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН;

Ли Юнцюань, директор института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии Общественных Наук;

Симонов К. В., кандидат политических наук, доцент Финансового университета при правительстве Российской Федерации, Основатель и генеральный директор ФНЭБ;

Хасбулатов Р. И., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белогорьев А. М., заместитель главного директора по энергетическому направлению, директор Центра стратегического анализа и прогнозирования развития топливно-энергетического комплекса;

Вардомский Л. Б., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН;

Дзарасов Р. С., доктор экономических наук, заведующий кафедрой политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Жильцов С. С., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России;

Конотопов М. В., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ИЭ РАН;

Кузнецова О. Д., доктор экономических наук, профессор кафедры истории экономических наук Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Лавренов С. Я., доктор политических наук, профессор Военного университета;

Медведев Д. А., кандидат политических наук, доцент кафедры национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина;

Олимов М. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета;

Панова Г. С., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение и кредит» Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России;

Рахимов М. А., доктор исторических наук, профессор, Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана;

Тавадян А. А., доктор экономических наук, профессор, Руководитель Центра экономических исследований Армении;

Устюжанина Е. В., доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономической теории Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Хейфец Б. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ;

Чуфрин Г. И., доктор экономических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления, Центр постсоветских исследований ИМЭМО РАН;

Штоль В. В., доктор политических наук, профессор, Член Научного совета при Совете Безопасности России, Член Центрального правления Российской ассоциации содействия ООН, Член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор – А. А. Мигранян, доктор экономических наук, профессор

Редактор – О. А. Борисова, научный сотрудник Института стран СНГ

Редактор-корректор – Е. А. Фадеева

Вёрстка – Л. М. Беленький

**Учредитель и издатель –
Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)**

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В условиях пандемии COVID-19 усиливаются негативные тренды развития экономической ситуации, обусловленной падением покупательского спроса и деловой активности из-за введения ограничений разного уровня в рамках системы противоэпидемических мер во всём мире. Сложность кризиса состоит в том, что он захватывает мировую экономику в целом, приобретая всеобщий характер.

Ситуация усугубляется тем, что она накладывается на небывалый уровень падения цен на нефть и снижение спроса на неё и другие энергоресурсы, вызванные разрывом сделки стран ОПЕК+. Волатильность энергетического рынка в большей степени влияет на экспортёров энергоресурсов, что актуализирует необходимость детального исследования факторов, дестабилизировавших мировой рынок нефти, перспективы новой сделки ОПЕК+ 2020 г. и механизмов регулирования спроса и предложения на нефтяном сегменте рынка.

В этом контексте, по мнению редакции, исследованию факторов международного сотрудничества, интеграционного взаимодействия и энергетической политики стран должно уделяться особое внимание. В сложившейся ситуации ценовых качелей на рынке нефти исследования геоэкономических и геополитических факторов, оказывающих влияние на интеграционные процессы и регионализацию, приобретают первостепенное значение.

Поэтому в текущем номере уделено внимание исследованиям факторов, процессов и эффектов сотрудничества в энергетическом секторе в форматах СНГ, ШОС, БРИКС, ЕАЭС и ЕС, а также исследованиям влияния китайского фактора на энергетический сектор региональной торговли. Отличительной особенностью данного номера «Геоэкономики энергетики» является то, что в нём представлены результаты исследований молодых учёных, принимающих участие в научно-исследовательских проектах Института стран СНГ.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ

- И. ЮШКОВ, Ю. ДРОЗДОВА. *Сделка ОПЕК+ 2020 года: предпосылки и интересы участников* 6

ГЕОПОЛИТИКА И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Д. ХАРИТОНОВА. *Геополитическое и геоэкономическое положение Макрана и его сотрудничество со странами ШОС в энергетической сфере* 21

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- С. ЛАВРЕНОВ. *Новый этап газовых отношений России и Молдавии* 41
- Е. ШАВИНА, В. ПРОКОФЬЕВ. *Взаимоотношения России и стран БРИКС в энергетической сфере* 56

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

- И. МАТВЕЕВ. *Оценка развития энергетики Китая и перспектив сотрудничества с Россией. Часть II* 72
- А. ГРОЗИН. *Казахско-китайское энергетическое партнёрство и рост синофобии в Казахстане* 88
- В. НОВИКОВ. *Абхазская нефть: политико-экономические аспекты* 111

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

- О. АРНУ. *Может ли Украина достичь энергетической независимости путём развития национальной атомной энергетики?* 125
- М. БАРАННИК. *Региональная интеграция как важный элемент российской внешней политики* 136

СОДЕРЖАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 147

Игорь ЮШКОВ
Юлия ДРОЗДОВА*

СДЕЛКА ОПЕК+ 2020 ГОДА: ПРЕДПОСЫЛКИ И ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ

В статье проведён анализ предпосылок для заключения сделки ОПЕК+ в 2020 г. Автор указывает на то, что политические действия разных стран, приводившие к дестабилизации нефтяного рынка, в прошлом давали ложные сигналы инвесторам. В итоге периоды высоких цен на нефть создали избыточные инвестиции и привели к перепроизводству нефти. Кризис затоваривания усугубился резким и глубоким падением спроса в начале 2020 г., вызванным карантинном в рамках борьбы с распространением COVID-19. Автор делает вывод о том, что падение цен в марте – апреле 2020 г. приведёт к естественной балансировке рынка, а падение спроса будет частично нивелировано манёвром добычи странами ОПЕК+.

Появление дисбалансов на мировом рынке нефти в 2000-х гг.

2020 г., безусловно, войдёт в историю как год беспрецедентного кризиса. Начавшись с пандемии коронавируса *COVID-19* в Китае в январе, проблемная ситуация перешла на весь мир. Из исключительно медицинской сферы кризис перешёл в экономику и создал большие проблемы в разных отраслях. В сфере энергетики 2020 г. станет таким же событием, как 1973 г., когда арабские страны объявили о нефтяном эмбарго для стран, поддерживавших Израиль в ходе войны Судного дня, или как исламская революция в Иране

ЮШКОВ Игорь Валерьевич, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: ushkovigor@gmail.com. SPIN-код: 5693-0136

ДРОЗДОВА Юлия Дмитриевна, бакалавр Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: juliadrozdova99@gmail.com

Ключевые слова: пандемия, кризис, ОПЕК+, нефть, США, сланцевая нефть, Россия, Саудовская Аравия.

* Научный руководитель – Юшков Игорь Валерьевич.

1979 г., в результате которой государство существенно сократило добычу нефти. Каждое из таких событий было классическим «чёрным лебедем», т. е. его невозможно было спрогнозировать, но оно изменило ситуацию в мире.

В нефтяной сфере проблемы возникли из-за перепроизводства нефти к началу 2020 г. и резкого сокращения её потребления в связи с карантинными мерами, используемыми в большинстве стран для борьбы с распространением *COVID-19*. Но фундамент нынешних проблем с перепроизводством нефти является закономерным следствием дисбалансов на мировом рынке, заложенных более 10 лет назад. Чтобы понимать, почему мир сейчас столкнулся с таким тяжёлым кризисом в нефтяной отрасли, нужно рассмотреть причины дисбаланса в системе производства и потребления углеводородов.

Условной точкой отсчёта для событий, которые привели к нынешнему кризису, можно считать 11 сентября 2001 г. Важно сразу оговориться, что упоминание данных событий делается не для построения в дальнейшем конспирологической теории, а для обозначения причины череды происшествий, которые имели экономические последствия. После террористического акта на территории США 11 сентября 2001 г. данное государство начало вести новую политику на Ближнем Востоке. Общие черты этой стратегии Дж. Буш-младший озвучил в ходе «Обращение к нации президента США» 29 января 2002 г. Он заявил: «Наша страна находится в состоянии войны, наша экономика испытывает спад, а цивилизованному миру грозят беспрецедентные опасности. Однако положение нашей страны никогда не было сильнее» [*President Delivers State of the Union Address, 2002*]. К тому моменту (с 7 октября 2001 г.) США уже начали военную операцию против «Талибана» в Афганистане. Буш заявил, то США и их союзники будут продолжать бороться с террористами по всему миру, а также странами, поддерживающими неугодные США режимы. Фактически теракт 11 сентября 2001 г. дал США возможность открыто распространять свою политику по всему миру. В своей речи в 2002 г. Буш заявил, что «Ирак по-прежнему открыто демонстрирует свою враждебность к Америке и поддержку террора» [*President Delivers State of the Union Address, 2002*], а в 2003 г. войска западной коалиции во главе с вооружёнными силами США начали вторжение в Ирак и свергли Саддама Хусейна.

Война в Ираке привела к существенному сокращению добычи нефти в этой стране, так как множество объектов нефтяной индустрии были уничтожены в ходе отступления войсками иракской армии. В результате добыча нефти в Ираке снизилась в 2003 г. на 36,5 % (с 103,9 млн т в 2002 г. до 60 млн т в 2003 г.) (рис. 1).

Вторжение США в Ирак часто трактовалось как попытка получения контроля над месторождениями страны, запасы нефти которой в 2003 г. составляли 8,4 % от общемирового объёма (4 место в мире) [*Bignel, 2011*]. Однако,

по другой версии, США было выгодно сокращение добычи нефти в Ираке и отсрочка её восстановления, так как это провоцировало рост цен на мировом рынке. Это, в свою очередь, ограничивало экономический рост Китая, который уже тогда был крупным импортёром энергоносителей [Симонов, 2007]. В пользу последней версии говорит то, что право на разработку ирак-

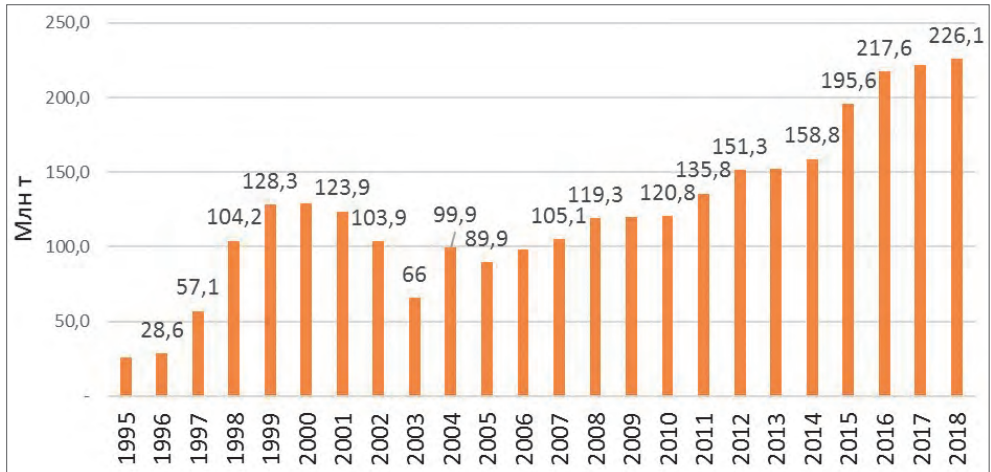

Рис. 1. Добыча нефти в Ираке, млн т

Источник: [BP Statistical Review of World Energy June 2019]

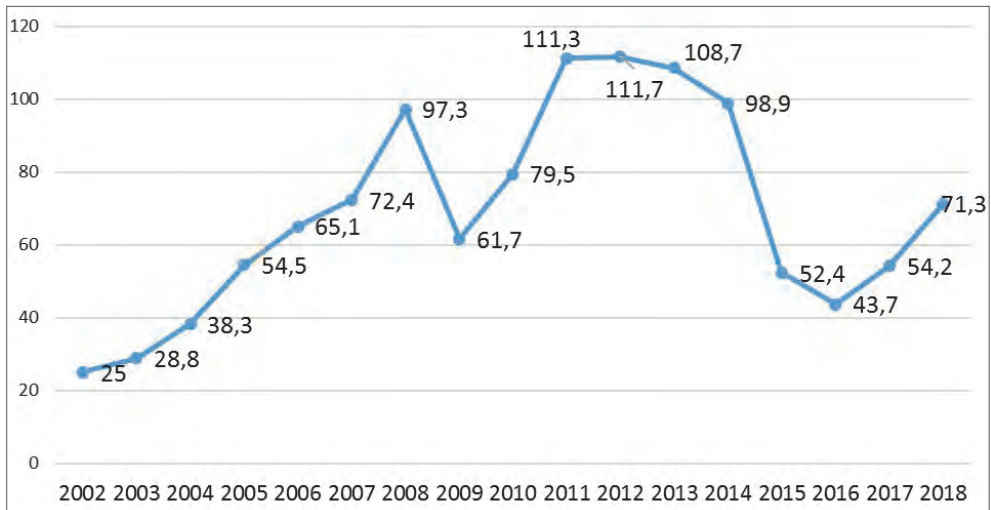

Рис. 2. Цены на нефть сорта Brent, долл.

Источник: [BP Statistical Review of World Energy June 2019]

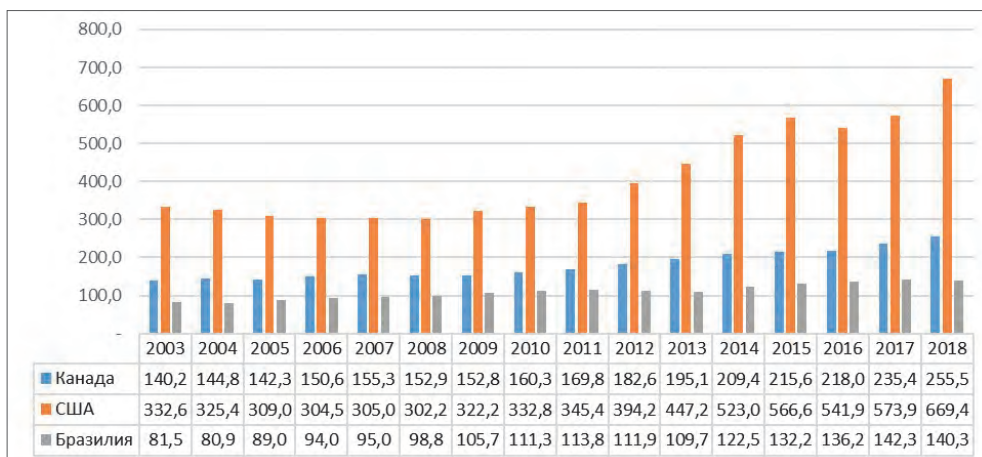

Рис. 3. Рост добычи нефти в отдельных странах с высокой себестоимостью производства, млн т

Источник: [BP Statistical Review of World Energy June 2019]

ских месторождений впоследствии получили преимущественно азиатские компании, а импорт нефти из Ирака в США оставался на низком уровне [U. S. Imports from Iraq of Crude Oil...].

Для нашего исследования важен сам факт роста цен на нефть после вторжения США в Ирак и падения добычи в это стране. За два года цены на нефть выросли почти в два раза (рис. 2), с 28,8 долл. в 2003 г. до 54,5 долл. в 2005 г. Далее цены росли до 2009 г., когда из-за глобального экономического кризиса произошло падение, но после этого цены вышли на новые пики, благодаря политике экономического смягчения США.

Рост цен на нефть привёл к увеличению объёмов инвестиций в добычные проекты по всему миру. При высоких ценах на нефть стали выгодны проекты добычи углеводородов с высокой себестоимостью. В частности, во всём мире стали запускаться проекты по добыче нефти на шельфе, в том числе сверхглубоководные проекты. В Канаде стала активно расти добыча нефти на участках битуминозных песков, в Бразилии – добыча нефти на глубоководном шельфе, а в США – производство нефти из труднопроницаемых коллекторов (сланцевая нефть) (рис. 3).

Важно подчеркнуть, что инвестиции в новые проекты происходили именно из-за высоких цен на мировом рынке нефти. Самый значительный рост добычи нефти в последние годы пришёлся на США. Добыча нефти тут в период с 2008 по 2018 г. увеличилась более чем в два раза. Это происходило частично из-за роста добычи на месторождениях в Мексиканском заливе,

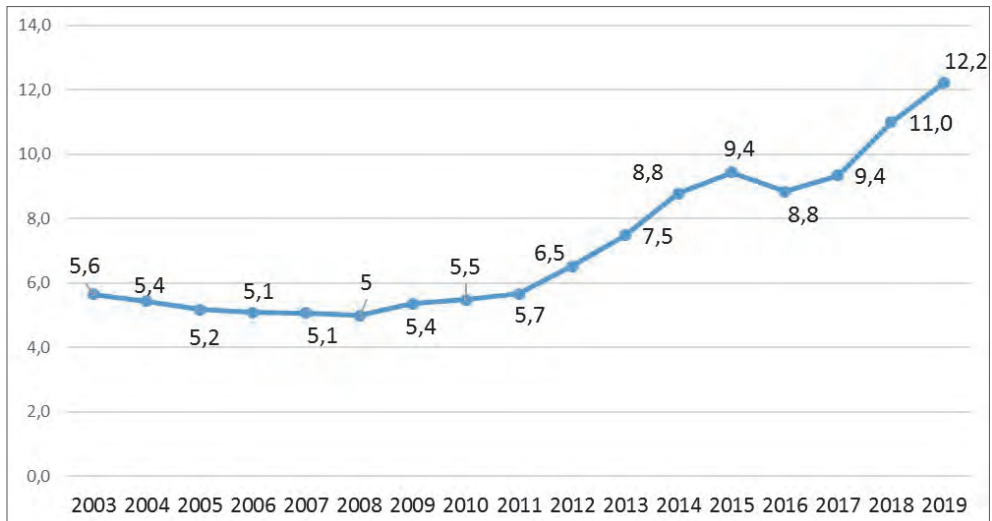

Рис. 4. Добыча нефти в США, млн барр. в сутки

Источник: [Energy Information Administration]

но преимущественно за счёт наращивания производства сланцевой нефти. По итогам 2019 г. на сланцевую нефть приходилось около 63 % производства всей нефти в США – 7,7 млн барр. в сутки (рис. 4).

Принятие инвестиционных решений по проектам в разных странах мира на фоне высоких цен на нефть привело к тому, что на рынке образовался существенный профицит. С 2014 г. переизбыток предложения стал влиять на цены, и они стали снижаться. С 108,7 долл. за баррель в 2013 г. котировки снизились до 52,4 долл. в 2015 г. и 43,7 долл. в 2016 г. за сорт марки *Brent* [S&P Global Platts Oil Service].

Первая сделка ОПЕК+

Падение цен на нефть из-за переизбытка предложения подняло вопрос о снижении добычи странами ОПЕК. Эта организация в целом и создавалась для манипуляции ценами с помощью маневрирования объёмами производства. Однако в современных условиях для того, чтобы повлиять на рынок, странам ОПЕК пришлось бы очень сильно снижать свою добычу, уступая место на мировом рынке нефти. Причём подросшие цены позволили бы другим производителям продолжить наращивать собственную добычу. Доля ОПЕК в мировой добыче в 2016 г. составляла только 43,2 %, поэтому в одиночку картель действовать не хотел.

На первом этапе Саудовская Аравия как лидер ОПЕК и страна, традиционно бравшая на себя основное бремя маневрирования производством внутри этой организации, заявила, что будет бороться за долю рынка. Позиция Саудовской Аравии была проста: себестоимость добычи нефти в королевстве и во многих странах ОПЕК низкая, в то время как в последние годы увеличилась добыча на проектах с высокой себестоимостью в странах, не входящих в ОПЕК. Поэтому Эр-Рияд заявлял о том, что картель не должен вмешиваться в рынок и нужно просто подождать, пока низкие цены на нефть не остановят добычу на дорогих проектах.

В январе 2016 г. цена нефти сорта *Brent* падала на бирже до 28 долл. за баррель. «Блицкриг» ближневосточных производителей против сланцевых компаний США и других высоко затратных проектов Саудовской Аравии не удался. А наличие высоких расходов саудовского бюджета приводило к активному «проеданию» Эр-Риядом резервов, так как их бюджет при низких ценах на нефть становится дефицитным. Поэтому в 2016 г. Саудовская Аравия поменяла стратегию и решила пойти на переговоры о сокращении добычи нефти для повышения цен на мировом рынке. Но подобная сделка становилась возможной только при условии участия других крупных производителей, не входящих в ОПЕК, стран, на которые приходится более 50 % мировой добычи.

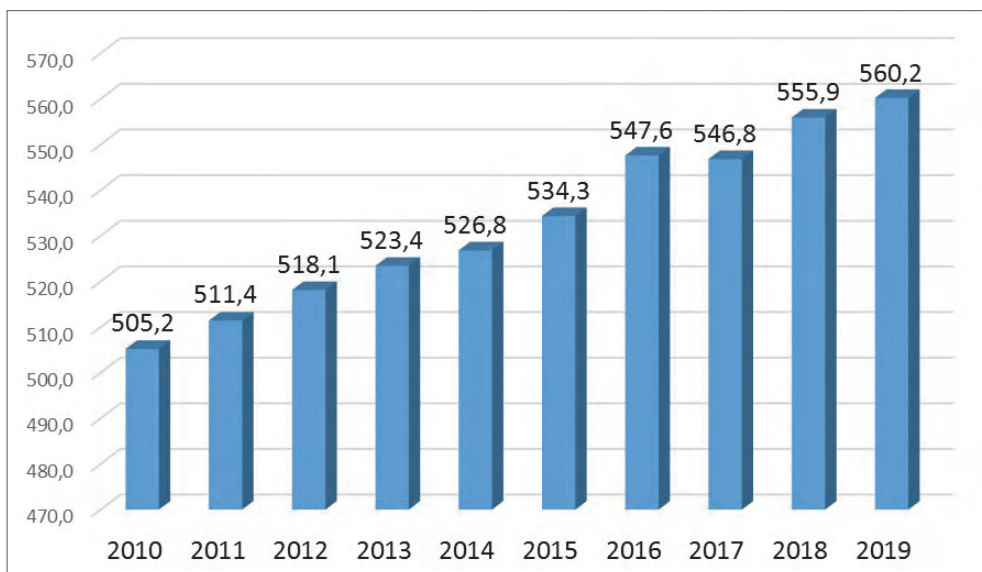

Рис. 5. Добыча нефти в России, млн т

Источник: [Министерство энергетики России.
Добыча нефтяного сырья]

Россию цены на нефть в 2015–2016 гг. также не устраивали, так как бюджет 2016 г. был сверстан, исходя из 50 долл. за баррель сорта *Urals*, а в 2016 г. средняя цена этой марки составила 41,9 долл. за баррель. Поэтому российское руководство вступило в переговоры с ОПЕК для координированного сокращения добычи нефти. В декабре 2016 г. было подписано соглашение расширенного состава ОПЕК, новый формат работы получил название «ОПЕК+». Участники договорились снизить объём производства нефти на 1,2 млн баррелей в сутки, до 32,5 млн баррелей. Россия должна была сократить производство на 300 тыс. барр. в сутки от уровня добычи октября 2016 г. Важно отметить, что наша страна вошла в соглашение с ОПЕК на комфортных условиях. Добыча нефти в РФ в октябре 2016 г. составляла 11,247 млн баррелей в день. От этого уровня Россия сокращала добычу на 300 тыс. баррелей до 10,947 млн баррелей в день (рис. 5)¹. Таким образом, даже выполняя условия соглашения добычи нефти в рамках ОПЕК+, Россия имела возможность увеличивать производство нефти по итогам года.

Важно ещё раз отметить, что сделка ОПЕК+ преследовала цель повысить цены на нефть, чтобы страны-участницы могли сверстать свои бюджеты без дефицита (в расчёт не берётся Венесуэла, для которой нужны слишком высокие цены на нефть для того, чтобы сверстать бездефицитный бюджет).

Усугубление кризиса на мировом рынке нефти в 2020 г.

В начале 2020 г. ситуация на мировом нефтяном рынке напоминала 2014–2015 гг. Из-за высоких цен на нефть, сложившихся благодаря усилиям участников соглашения ОПЕК+, в странах, не принимавших участие в координации производства углеводородов, продолжался рост добычи нефти. В США за период действия соглашения ОПЕК+ – с 2017 по 2019 г. включительно – добыча увеличилась примерно на 3,4 млн барр. в сутки. А в ноябре 2019 г. США достигли максимального показателя добычи нефти за всю свою историю – 12,866 млн барр. в сутки [*Energy Information Administration. U. S. Field Production of Crude Oil*].

Руководство США понимало, что перепроизводство может привести к падению цен, что негативно скажется на производстве сланцевой нефти, которая имеет высокую себестоимость. Поэтому в последние годы Вашингтон с помощью санкций устранил отдельных производителей нефти с мирового рынка, тем самым искусственно его балансируя. В частности, США вышли из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, действие которого предусматривало отмену санкций против Исламской республики. После выхода из сделки с Ираном, Вашингтон

¹ ОПЕК с партнёрами договорились о сокращении добычи нефти, 2016 // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3092277>, дата обращения 16.04.2020.

тон ввёл фактический запрет на покупку нефти у Тегерана. Это привело к сокращению добычи нефти в Иране примерно на 30 %. В 2019 г. США ввели фактически полный запрет на покупку иранской нефти. В настоящий момент достоверных данных об объёмах производства и экспорта иранской нефти нет.

В 2019 г. США ввели запрет на покупку нефти из Венесуэлы. Хотя пока американские регуляторы предоставляют лицензии на работу с венесуэльской нефтью отдельным компаниям. Однако логика действий США заключается в выдавливании с рынка других производителей, чтобы поддерживать цены на нефть. Применяя такую тактику, Вашингтон мог бы довольно успешно наращивать добычу нефти на протяжении многих лет. Но такие действия можно осуществлять только в период стабильного предложения и спроса на нефть. Поэтому в 2020 г. подобная стратегия перестала работать.

События 2020 г., которые привели к уникальному кризису на нефтяном рынке, развивались поэтапно, но на каждое из них повлиял такой фактор, как пандемия коронавируса. В январе вирус стал активно распространяться в Китае. Пекин стал бороться с заражением, вводя карантин, что привело к сокращению транспортного сообщения и остановке ряда промышленных предприятий. Как следствие, потребление нефтепродуктов упало. Производители углеводородов продолжали добывать нефть в тех же объёмах, что и прежде, что стало провоцировать переизбыток.

Более того, в 2019 г. Россия договорилась с остальными участниками ОПЕК+ о том, что добыча газового конденсата не будет учитываться при оценке производства нефти, что позволило нашей стране увеличить производство жидких углеводородов. В итоге цены на нефть со второй половины января начали снижаться.

В начале марта, когда должны были пройти переговоры участников соглашения ОПЕК+, цена на нефть опустилась ниже 50 долл. за баррель.

4 марта в Вене начались переговоры участников соглашения ОПЕК+. Позиции сторон в переговорах различались. Саудовская Аравия настаивала на том, что все участники должны сократить добычу ещё на 1,5 млн барр. в сутки от объёма первого квартала. В этом случае России нужно было бы сократить производство ещё на 250 тыс. барр. в сутки. Российская позиция заключалась в том, чтобы сохранить квоты на добычу нефти на прежнем уровне и продолжать наблюдать за развитием ситуации.

Российская делегация обосновывала свою позицию имеющимися на начало марта данными: коронавирус был распространён преимущественно в Китае и пандемии не было в Европе. Россия была готова терпеть относительно низкие цены на нефть, пока Китай не справится с *COVID-19*. А далее, по мере ликвидации вируса, КНР восстановила бы и потребление углеводородов. В случае реализации данного сценария маневрирование добычи принесло бы больше потерь, чем период низких цен, так как новости

о повышении квот на добычу привели бы к снижению цен в качестве психологической реакции игроков рынка.

Саудовская Аравия занимала другую позицию. Эр-Рияду нужны были более высокие цены на нефть, чем сохранялись на рынке в последние годы.

Во-первых, высокий уровень государственных расходов требовал соответствующих доходов. Бюджет королевства становится бездефицитным при цене на нефть около 85 долл. за баррель [Невельский, 2019].

Во-вторых, Саудовская Аравия в 2019 г. провела IPO своей компании *Saudi Aramco*, и теперь Эр-Рияду не хотелось бы, чтобы её акции стоили бы ниже, чем в момент размещения.

В-третьих, новое руководство Саудовской Аравии стремится максимально быстро монетизировать запасы своих углеводородов, так как воспринимает теорию «энергетического перехода» как серьёзную угрозу. Эта теория говорит об отказе мира от ископаемого топлива и переход на ВИЭ. В этом случае Саудовская Аравия останется с никому не нужными запасами нефти.

Исходя из данных тезисов, Эр-Рияд, вероятно, заранее готовил как предложение о сокращении добычи, так и ультиматум партнёрам по ОПЕК+, в случае, если те откажутся от дополнительного снижения производства нефти. Именно Саудовская Аравия, а не Россия на переговорах в Вене 4 марта поставила вопрос о фактическом расторжении соглашения о регулировании добычи в случае отказа от дополнительного сокращения на 1,5 млн барр. в сутки.

Россия не согласилась с такой постановкой вопроса и предпочла отказаться от сделки. Хотя формат ОПЕК+ был сохранён, 6 марта стало известно, что стороны не договорились о квотах на добычу на второй квартал 2020 г., а значит, каждый может добывать столько, сколько захочет. Эта новость в совокупности с последовавшими заявлениями Саудовской Аравии о том, что она с 1 апреля нарастит добычу нефти на 3 млн барр. в сутки и даст скидки потребителям по 8 долл. на баррель, привели к падению цен.

Отказываясь от предложенных Саудовской Аравией вариантов, российская сторона исходила из следующих аргументов. Отсутствие квот на добычу со второго квартала 2020 г. приведёт к падению цены, но саудовский бюджет будет нести издержки выше, чем Россия, так как наш бюджет свёрстан из среднегодовой цены на нефть сорта *Urals* – 42,4 долл. за баррель, т. е. в два раза ниже, чем для саудовской казны. Резервные фонды Саудовская Аравия «проест» быстрее, чем Россия. В Фонде национального благосостояния на 1 марта 2020 г. было накоплено 8,250 трлн руб. [Министерство финансов России. Суверенные фонды].

Существенную роль в решении России отказаться от предложения Эр-Рида сыграл глава «Роснефти» И. Сечин. С момента подписания соглашения ОПЕК+ он высказывал свою критику по поводу данного решения.

Главный аргумент «Роснефти» против соглашения заключается в том, что пока мы сделкой с ОПЕК сдерживаем добычу и повышаем цены, США пользуются результатами наших усилий и наращивают добычу. Таким образом, Россия и другие участники теряют рынки сбыта. У «Роснефти» есть возможность нарастить добычу, хоть и в небольших объёмах, но сделка ОПЕК+ выступает для компании реальным сдерживающим фактором.

И. Сечин ведёт активную лоббистскую деятельность, обращаясь с просьбами к президенту предоставить «Роснефти» льготные условия разработки месторождений. В случае наличия ограничений со стороны ОПЕК+, у оппонентов Сечина появляется аргумент о необходимости отказа в предоставлении льгот, так как России нельзя наращивать добычу нефти.

Сечин торпедировал сделку и с точки зрения аппаратной борьбы политических элит: сделка ОПЕК+ является проектом министра энергетики А. Новака. Существование сделки показывает успешность данного проекта.

После разрыва соглашения в начале марта началась борьба производителей нефти на истощение. В стандартных условиях (при сохранении обычного уровня потребления нефти в мире) она продолжалась бы более полугода. Однако в 2020 г. уже к апрелю стороны предпочли вновь заключить новую сделку о сокращении добычи. Можно выделить две причины для изменения стратегии всех производителей.

Во-первых, цены на нефть ниже 30 долл. за баррель сделали фактически все проекты добычи сланцевой нефти в США нерентабельными, и произ-

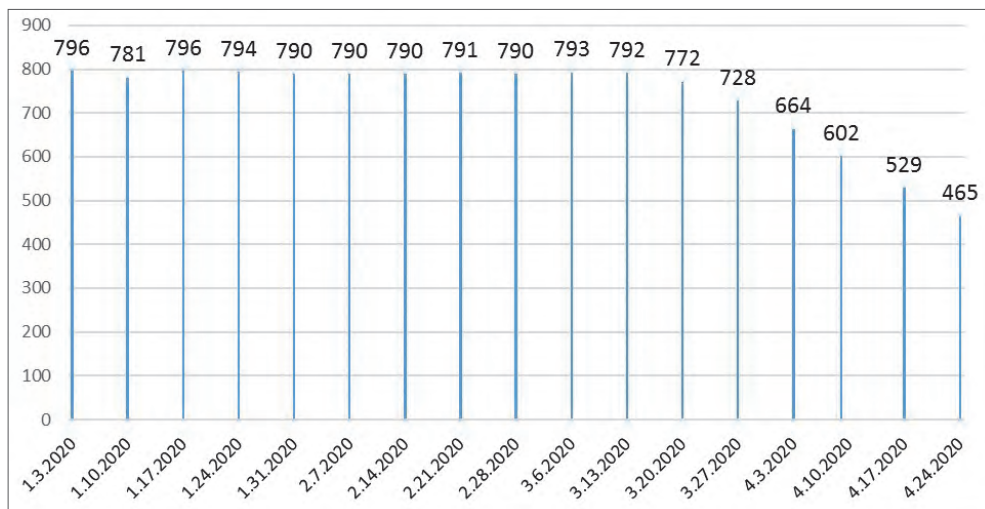

Рис. 6. Количество работающих в США буровых установок

Источник: [Rig Count Overview & Summary Count]

водство на них стало стремительно снижаться. Производство нефти в США с 13 млн барр. в сутки в начале марта упало до 12,2 млн барр. в сутки к 17 апреля. Количество буровых установок сокращается рекордными темпами. 24 апреля 2020 г. стало известно, что количество работающих в США буровых установок сократилось до 526 штук по сравнению с аналогичной датой прошлого года (рис. 6). А за неделю в апреле количество уменьшилось на 64 штуки [*Rig Count Overview & Summary Count*].

Особенностью добычи сланцевой нефти является необходимость постоянного бурения. Остановка буровой работы указывает на дальнейшее снижение объёма добычи.

Сокращение производства нефти крайне негативно для администрации Д. Трампа. Его политическая программа основана на создании рабочих мест в США в ходе новой индустриализации страны. Это происходит за счёт низких цен на электроэнергию, которые в свою очередь сохраняются за счёт переизбытка газа на внутреннем рынке США. А переизбыток газа удаётся поддерживать за счёт того, что убытки при его добыче компенсируются компаниями прибылью от добычи и продажи сланцевой нефти. Поэтому нынешнее сокращение производства нефти в США приведёт к появлению сотен тысяч безработных, что ставит под вопрос переизбрание Д. Трампа на новый президентский срок.

Поэтому в начале апреля 2020 г. Д. Трамп стал вести активные телефонные переговоры с руководителями России и Саудовской Аравии с целью вернуть их за стол переговоров формата ОПЕК+. Содержание переговоров не разглашается, возможно, лидеры стран обсуждали не только совместные действия по сокращению добычи, но и другие вопросы политического и экономического характера. Именно на этих переговорах мог происходить определённый размен. На это указывает тот факт, что Россия поменяла своё мнение по поводу участия США в сделке по сокращению добычи. Если на первом этапе переговоров В. В. Путин заявлял о том, что США так же, как и участники ОПЕК+ должны взять на себя жёсткие обязательства по сокращению добычи, а не давать прогноз о снижении по экономическим причинам, то на втором этапе Москва занимала уже более мягкую позицию и не настаивала на жёстких квотах для США.

Во-вторых, мартовские и апрельские переговоры происходили на фоне беспрецедентного снижения объёмов потребления нефти во всём мире. Коронавирус распространился по разным странам, и большинство из них стали вводить карантин для борьбы с инфицированием, что привело к ограничению передвижений. Снижение потребления в мире оценивается в 30 %. Вся «лишняя» нефть, объём которой в апреле оценивался в 25–15 млн барр. в сутки, закачивалась в нефтехранилища. Быстро возник риск того, что в случае сокращения добычи хранилища переполнятся к концу мая – середине июня. Тогда странам придётся экстренно останавливать около 30 %

своей добычи, а цены на нефть упадут до нуля, так как нефть просто некуда будет девать физически.

В итоге 12 апреля страны ОПЕК+ заключили новую сделку по сокращению добычи. Суммарно они должны снизить объём производства в мае — июне 2020 г. на 9,7 млн барр. в сутки, далее, до конца года сокращение составит 7,7 млн барр. в сутки, а с января до мая 2021 г. — 5,7 млн барр. в сутки. Россия должна сократить добычу на 2,5 млн барр в сутки от уровня первого квартала 2020 г. Если в 2016 г. сделка была нацелена на увеличение цены на нефть, то сделка 2020 г. призвана не допустить реализации негативного сценария: переполнения нефтяных хранилищ. Сокращение добычи отодвинет срок переполнения нефтехранилищ. Предполагается, что к этому времени спрос на нефть в Азии и Европе восстановится и переполнения не произойдёт.

Уровень добычи нефти участниками ОПЕК+ будет корректироваться в зависимости от восстановления потребления нефти, а также падения производства в США, Канаде и других странах с высокой себестоимостью производства. Однако даже после восстановления спроса цены на нефть будут оставаться на низком уровне продолжительное время, так как закачанная в больших объёмах нефть в хранилищах поступала туда по низким ценам. Пока мир не «проест» эти запасы, цены на нефть не восстановятся. Это приведёт к сокращению Фонда национального благосостояния в России и резервных фондов в других странах.

Следствием нынешнего курса станет сокращение добычи сланцевой нефти в США. Однако по мере восстановления цены будут возвращаться на прежний уровень. При этом себестоимость сланцевых проектов будет возрастать, так как банки будут включать в стоимость кредитных средств риски повторения нефтяного шока. США останутся «закрывающим поставщиком» для мирового рынка. Уровень цен будет таков, чтобы бы производство сланцевой нефти окупалось. Но есть риск того, что США попытаются и далее вытеснить производителей углеводородов с мировых рынков, чтобы дать возможность развиваться своим. В этом случае запустится новый цикл дисбалансов на мировом рынке, который приведёт к новым кризисам.

Список литературы

Министерство финансов России. Суверенные фонды. Фонд национального благосостояния // <https://www.minfin.ru/ru/statistics/fonds/>, дата обращения 17.04.2020.

Министерство энергетики России. Добыча нефтяного сырья // <https://minenergo.gov.ru/node/1209>, дата обращения 17.04.2020.

President Delivers State of the Union Address. The President's State of the Union Address. The United States Capitol. Washington, D. C. // <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>, дата обращения 15.04.2020.

BP Statistical Review of World Energy June 2019 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>, дата обращения 15.04.2020.

Energy Information Administration. U. S. Field Production of Crude Oil // <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=pets&s=mcrfpus2&f=m>, дата обращения 17.04.2020.

Oil Production in the United States // <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=MCRFPUS2&f=A>, дата обращения 16.04.2020.

Rig Count Overview & Summary Count // <https://bakerhughesrigcount.gcs-web.com/rig-count-overview>, дата обращения 17.04.2020.

S&P Global Platts Oil Service // <https://www.spglobal.com/platts/en/products-services/oil>, дата обращения 16.04.2020.

U. S. Imports from Iraq of Crude Oil and Petroleum Products // <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=MTTIMIZ2&f=A>, дата обращения 15.04.2020.

Симонов К. В. 2007. Глобальная энергетическая война. М.: Алгоритм. С. 155.

Невельский А. 2019. Дешёвая нефть тормозит экономику Саудовской Аравии // <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/03/810364-deshevaya-neft-ekonomiku-saudovskoi>, дата обращения 15.04.2020.

Bignel P. 2011. Secret Memos Expose Link between Oil Firms and Invasion of Iraq // <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/secret-memos-expose-link-between-oil-firms-and-invasion-of-iraq-2269610.html>, дата обращения 15.04.2020.

ОПЕК с партнёрами договорились о сокращении добычи нефти, 2016 // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3092277>, дата обращения 16.04.2020.

IGOR V. YUSHKOV,

Senior lecturer of Financial University under the Government of the Russian Federation.

Address: 49, Leningradsky Ave., 125993, Moscow, Russian Federation.

E-mail: ushkovigor@gmail.com

SPIN-code: 5693-0136

YULIA D. DROZDOVA*,

Bachelor of Financial University under the Government of the Russian Federation.

* Research advisor – Igor V. YUSHKOV

Address: 49, Leningradsky Ave., 125993, Moscow, Russian Federation.

E-mail: juliadrozдова99@gmail.com

OPEC + 2020 DEAL: BACKGROUND AND INTERESTS OF PARTICIPANTS

Keywords: pandemic, crisis, OPEC+, oil, USA, shale oil, Russia, Saudi Arabia.

Abstract

The article analyzes the prerequisites for concluding an OPEC+ deal in 2020. The author points out that the political actions of various countries that led to the destabilization of the oil market in the past gave false signals to investors. As a result, periods of high oil prices created excessive investment and led to overproduction of oil. The overstocking crisis was compounded by a sharp and deep drop in demand at the beginning of 2020, caused by quarantine in the fight against the spread of the COVID-19 virus. The author concludes that the fall in prices in March-April 2020 this will lead to a natural balancing of the market, and the fall in demand will be partially offset by the OPEC+ countries' production maneuver.

References

Russian Finance Ministry. Sovereign Wealth Fund. National Welfare Fund // <https://www.minfin.ru/ru/statistics/fonds/>, accessed 17.04.2020. (InRuss.)

Ministry of Energy of Russia. Production of Crude Oil // <https://minenergo.gov.ru/node/1209>, accessed 17.04.2020. (InRuss.)

President Delivers State of the Union Address. The President's State of the Union Address. The United States Capitol. Washington, D. C. // <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>, accessed 15.04.2020. (InEng.)

BP Statistical Review of World Energy June 2019 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>, accessed 15.04.2020. (InEng.)

Energy Information Administration. U. S. Field Production of Crude Oil // <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=pet&s=mcrfpus2&f=m>, accessed 17.04.2020. (InEng.)

Oil Production in the United States // <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=MCRFPUS2&f=A>, accessed 16.04.2020. (InEng.)

Rig Count Overview & Summary Count // <https://bakerhughesrigcount.gcs-web.com/rig-count-overview>, accessed 17.04.2020. (InEng.)

S&P Global Platts Oil Service // <https://www.spglobal.com/platts/en/products-services/oil>, accessed 16.04.2020. (InEng.)

U. S. Imports from Iraq of Crude Oil and Petroleum Products // <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=MTTIMIZ2&f=A>, accessed 15.04.2020. (InEng.)

Simonov K. V. 2007. Global Energy War. Moscow: Algorithm, 2007. P. 155. (InRuss.)

Nevelsky A. 2019. Cheap Oil Slows down the Economy of Saudi Arabia // <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/03/810364-deshevaya-neft-ekonomiku-saudovskoi>, accessed 15.04.2020. (InRuss.)

Biguel P. 2011. Secret Memos Expose Link between Oil Firms and Invasion of Iraq // <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/secret-memos-expose-link-between-oil-firms-and-invasion-of-iraq-2269610.html>, accessed 15.04.2020. (InEng.)

OPEC and Its Partners Agreed to Reduce Oil Production, 2016 // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3092277>, accessed 16.04.2020. (InRuss.)

Дарья ХАРИТОНОВА

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАКРАНА И ЕГО СОТРУДНИЧЕСТВО СО СТРАНАМИ ШОС В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

С учётом начала новой эры в энергетике в развивающихся экономиках государств Южной и Восточной Азии и постепенного перехода на более экологически чистые источники энергии (например, на природный газ) всё большее значение имеют новые транспортно-энергетические маршруты. Особое значение приобретает побережье Макрана, которое, по мнению автора, повысит своё геополитическое и геостратегическое значение в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Во многом этому будет способствовать соперничество двух азиатских держав – Китая и Индии, которые реализуют транспортные и инфраструктурные проекты на территории Макрана.

В частности, Нью-Дели принимает участие в развитии морского глубоководного порта Чахбехар. Пекин, в свою очередь, реализует крупнейший транспортно-инфраструктурный проект «Китайско-пакистанского экономического коридора» на территории Пакистана с выходом к глубоководному морскому порту Гвадар. Однако развитие данных проектов имеет переменный успех, который определяется множеством факторов. Если развитие иранского порта в основном зависит от его дальнейшего финансирования, то в развитии пакистанского порта на первый план выходят вопросы безопасности и системной борьбы с терроризмом и сепаратизмом на территории провинции Белуджистан.

Несмотря на это, на побережье Макрана присутствует потенциальная возможность реализации энергетических проектов – магистральных газопроводов «Мир», «Иран – Пакистан – Индия», развитие МГП «Север – Юг» в Пакистане. Автор отмечает, что мировой тренд по поставкам сжиженного природного газа коснулся и южноазиатских стран. Индия и Пакистан полагают, что получение

ХАРИТОНОВА Дарья Викторовна, заместитель заведующего Отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Полянка 7/10 стр. 3. E-mail: dariahar09@gmail.com. SPIN-код: 7555-4681

Ключевые слова: Пакистан, Россия, энергетика, нефть, природный газ, сотрудничество, СПГ, МГП «Иран – Пакистан – Индия», экономика.

СПГ по спотовым поставкам более выгодно, чем заключение долгосрочных контрактов ввиду нестабильности мировых цен на энергетические ресурсы и использования относительно небольших объёмов газа в настоящее время. Тем не менее, решение Ираном и Пакистаном внутренних вопросов безопасности на территории Макрана существенно повысит его имидж как нового транспортного и энергетического хаба.

Введение

В связи с высокой динамикой и непредсказуемостью развития международных отношений всё большее значение приобретают эффективные транспортные коммуникации, которые могут обеспечить альтернативные маршруты поставки энергетических ресурсов. В Южной Азии интерес к альтернативным маршрутам проявляют нетто-импортёры Индия и Пакистан, которые экспортируют большую часть энергетических ресурсов (нефть и природный газ). С помощью Пакистана другой азиатский нетто-импортёр энергетических ресурсов Китай стремится также обеспечить альтернативные маршруты поставок, реализуя при этом на территории исламской республики крупный транспортно-инфраструктурный проект «Китайско-пакистанский экономический коридор» (КПЭК). Его развитие происходит в рамках китайской концепции «Сообщества единой судьбы» и глобальной экономической инициативы «Один пояс — один путь», озвученных Председателем Коммунистической партии Китая (КПК) С. Цзиньпином в 2013 г. С того момента, географическая зона Макрана* входит в интересы китайского руководства. Это означает, что в среднесрочной перспективе полупустынная прибрежная полоса, расположенная вдоль побережья Аравийского моря и Оманского залива, приобретёт существенный геополитический вес и международное значение.

Геополитическое и геоэкономическое положение Макрана

Побережье Макрана имеет важное геополитическое и геоэкономическое значение не только для стран Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии, но и для такой крупной азиатской державы, как Китай (см. рис.). Несмотря на стратегическое положение Макрана относительно мировых транспортных энергетических коммуникаций, инфраструктура его побережья до сих пор не сильно развита. Отчасти это связано с географическим

* Макран представляет собой узкую прибрежную полосу побережья Индийского океана, которая расположена к западу от г. Джаска (провинция Хормозган в Иране), далее в провинции Белуджистан до района Ласбела, неподалёку от г. Карачи в Пакистане. Из 1000 км береговой линии Макрана около 750 км находится в Пакистане. В данную зону входят два стратегических морских порта — иранский Чахбехар и пакистанский Гвадар.

Морские транспортные коммуникации в Азии¹

фактором, его большой протяжённостью вдоль побережья Аравийского моря. Однако в данном регионе есть и другие значимые факторы, которые препятствуют его успешному развитию. Тем не менее владение конкурентными преимуществами в данном регионе в виде морских глубоководных портов даёт их обладателям (региональным державам) не только экономические выгоды, но и геополитическое преимущество. В этой связи в зоне Макрана представляют значительный интерес иранский морской порт Чахбахар и пакистанский морской порт Гвадар.

Чахбахар является единственным глубоководным морским портом Ирана, который имеет выход в Индийский океан. Стратегическое военнополитическое и экономическое положение Чахбахара определяет заинтересованность Исламской Республики Иран (ИРИ) в его непосредственном развитии. Его освоение сопряжено с иранской стратегией развития побережья Макрана, в рамках которой реализуется строительство крупного нефтехимического комплекса в районе города Джаск. Порт Чахбахар состоит из двух отдельных портов – Шахид Калантари и Шахид Бешехти. Модернизация порта Шахид Бешехти началась в 2007 г., в тот момент его мощность была увеличена до 8,5 млн т грузов в год.

¹ Морские транспортные коммуникации в Азии // <https://i.pinimg.com/originals/01/dd/82/01dd8256ae75cc1ee7d26fa95395a992.jpg>, дата обращения 11.03.2020.

В 2016 г. Индия, Афганистан и Иран подписали Трёхстороннее соглашение о транзите и торговле. Реализация данного соглашения предусматривает финансирование Нью-Дели строительства и введения в эксплуатацию порта Шахид Бехешти в Чахбехаре (два терминала и пять причалов), а также в течение 10 лет ведение оформления и обработки грузов. Соглашение о намерениях предоставляет и законодательную базу для отправки товаров в Афганистан. Документом также предусмотрено строительство железной дороги, которая соединит район месторождения железа Хаджигак в афганской провинции Бамиан с портом Чахбехар [Стобдан, 2018]. Отметим, что в тот момент Индия открыла кредитную линию на развитие порта Шахид Бехешти в размере 500 млн долл.

В настоящее время через порт ежегодно проходит свыше 8,5 млн т грузов, и Тегеран намерен значительно увеличить показатели к 2024 г. В феврале 2018 г. в ходе визита президента Ирана Х. Роухани в Нью-Дели было подписано соглашение о передаче в аренду индийской стороне порта Шахид Бехешти. Отметим, что 26 декабря 2018 г. Иран на основании Чахбехарского соглашения передал порт Шахид Бехешти под оперативное управление индийской компании *Indian Ports Global Ltd (IPGL)* на срок до 18 месяцев с возможностью пролонгации до 10 лет².

Одновременно с этим Индия провела технико-экономическое обоснование (ТЭО) и открыла кредитную линию для строительства железнодорожных путей в Иране до административного центра провинции Систан и Белуджистан города Захедан. По мнению эксперта индийского Института оборонных исследований и анализа Ф. Стобдана полная реализация проекта строительства порта в Чахбехаре и железнодорожных путей в провинции Систан и Белуджистан, не может быть в полной мере завершена без участия в проектах республик Центральной Азии [Стобдан, 2018].

Необходимо заметить, что в геополитическом плане Индия рассматривает иранский порт Чахбехар как возможность прямого доступа к природным ресурсам и рынкам товаров государств Центральной Азии и Афганистана ввиду динамичного экономического развития Индии. На данный момент товарооборот Индии с Центральной Азией не высокий и составляет около 1 млрд долл. Для качественного подъёма товарооборота необходимо наладить бесперебойное и безопасное транспортное сообщение. Это позволит обойти Пакистан, с которым Индия находится в конфликте и стать международной транспортно-экономической альтернативой китайскому проекту «Один пояс – один путь».

Для стран Центральной Азии развитие порта Чахбехар и строительство в будущем железнодорожной ветки в его направлении по коридору «Чахбе-

² Иран передал Индии в оперативное управление часть порта Чахбехар // <https://regnum.ru/news/economy/2545523.html>, дата обращения 02.02.2020.

хар – Ираншехр – Захедан – Мешхед» с выходом на туркменскую границу позволит сделать не только кратчайший сухопутный маршрут доставки грузов для морских перевозок, но и активизировать экономическое сотрудничество с Южной Азией. Отметим, что с открытием порта в Чахбехаре Узбекистан уже проявил интерес к выходу к Индийскому океану, заключив сделку с афганскими железными дорогами всего через два дня после открытия терминала Шахид Бехешти. Во многом это связано с внешнеполитической стратегией Республики Узбекистан при новом президенте Ш. Мирзиёеве и стремлении центральноазиатской республики выступить в качестве регионального лидера.

Иран, свою очередь, рассматривает морской порт Чахбехар как крупный военно-политический (военная база Корпуса Стражей Исламской революции) и торговый центр (альтернатива мелководного морского порта Бендер-Аббас). В зоне Макрана Тегеран также реализует другой проект – международный транспортный коридор (МТК) «Север – Юг», который в перспективе обеспечит поставки индийских товаров через Иран, Азербайджан и Россию в Европу. Два проекта (МТК «Север – Юг» и проектируемый транзитный коридор в Центральную Азию из Чахбехара) в долгосрочной перспективе могли бы быть объединены в единую транспортную сеть. Согласно некоторым экспертным оценкам, со вводом в эксплуатацию порта в Чахбехаре и МТК «Север – Юг» товарооборот Индии и Евразии может вырасти до 170 млрд долл. (60,6 млрд долл. – экспорт, 107,4 млрд долл. – импорт) [Стобдан, 2018]. Всё это повышает геоэкономическое значение морского порта Чахбехар и создаёт альтернативную китайской инициативе «Один пояс – один путь» сеть международных транспортных коммуникаций с перспективами поставок энергетических ресурсов. Тем не менее по сравнению с пакистанским морским портом Гвадар финансирование иранского порта Чахбехар остаётся на низком уровне.

В 2015 г. между Китаем и Исламской Республикой Пакистан (ИРП) было подписано соглашение о создании КПЭК, который направлен на соединение Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР с морским глубоководным портом Гвадар через всю территорию Пакистана с помощью разветвлённой сети шоссейных и железнодорожных дорог. КПЭК является составной частью глобальной инициативы Пекина «Один пояс – один путь». Его реализация включает различные экономические и транспортно-инфраструктурные проекты, которые соединят отдалённые западные города КНР с пакистанскими портами. Стоимость проекта КПЭК – 62 млрд долл. [Белокреницкий, 2019 : 14]. Реализация проекта позволит существенно сократить время доставки грузов (в том числе и энергетических ресурсов) от Гвадара до китайского города Кашгар в СУАР, где расстояние составляет 3 тыс. км. И ещё 3,5 тыс. км составляет путь от Кашгара до китайского побережья Тихого океана. Предполагается, что данный

путь будет более быстрым и безопасным для транспортировки энергоресурсов, чем поставки через Малаккский пролив.

Морской порт Гвадар передан правительством Пакистана китайской государственной компании из Гонконга *China Overseas Port Holding (COPHC)* в аренду на 40 лет. Данная компания получила полные права на администрирование порта, который является третьей крупнейшей морской гаванью Пакистана. Китайская сторона обязуется развить свободную экономическую зону: построить дороги, энергетические объекты, гостиницы и другую инфраструктуру. Например, построить заводы по переработке морепродуктов в промышленной зоне Гвадара.

В договоре также отмечается строительство международного аэропорта и электростанции, так чтобы первые партии китайских товаров из СУАР оказались на побережье Аравийского моря. По мнению бывшего советника по экономике главного министра Белуджистана К. Бенгали, 91 % доходов от деятельности морского порта Гвадар будут доставаться Пекину и только 9 % – Исламабаду. В Гвадаре работают тысячи китайских рабочих и материалы для строительства закупаются также в Поднебесной. Отметим, что в настоящее время через пакистанский порт Гвадар проходит свыше 30 млн т грузов ежегодно, что как минимум в три раза больше, чем через иранский порт Чахбехар. Планируется, что Китай сможет увеличить этот показатель до 400 млн т в год к 2045 г. Необходимо отметить, что в китайской инициативе «Один пояс – один путь» участвуют все континенты. Пекин осуществляет крупные транспортные и инфраструктурные проекты на общую сумму около 8 трлн долл. По мнению экспертов, в большей зависимости от КНР находятся: Джибути, Киргизия, Лаос, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Мальдивы и Черногория [Мануков, 2018]. Данные страны занимают выгодные геополитические и геостратегические позиции в Юго-Восточной Азии, Африке, Индийском океане, Центральной Азии и Европе.

Два государственных китайских предприятия *China Merchants Port Holdings* и *COSCO Shipping* осуществляют морскую торговлю КНР. Данные компании владеют долями акций не только в Азии и Африке, но и в европейских портах в Италии, Испании, Франции, Бельгии, Нидерландах и на острове Мальта. В греческом морском порту Пирей Китай владеет контрольным пакетом акций. Все эти порты уже в некоторой степени стали составной частью китайской инициативы «Один пояс – один путь». А за пределами евразийского континента китайские компании вложили инвестиции в самый высокодоходный терминал Бразилии *TCP Participações SA*, также выделено 2 млрд долл. на строительство и эксплуатацию порта на тихоокеанском побережье Перу. Таким образом, инициатива Председателя КНР Си Цзиньпина отражает долговременный, всеобъемлющий и геостратегический характер китайской внешней политики.

Заметим, что в ноябре 2019 г. США и их союзники Япония и Австралия выдвинули инициативу по созданию глобально-инфраструктурного проекта «Сеть голубых точек» (*Blue Dot Network*). Проект должен быть реализован под руководством Вашингтона в целях «устойчивого развития инфраструктуры в Индо-Тихоокеанском регионе и во всём мире» без участия Пекина [Добров, 2020]. Однако мы полагаем, что большинство стран мира поддержат уже осуществляющуюся китайскую инициативу «Один пояс – один путь» с учётом значительных прямых инвестиций из Поднебесной. Однако инвестиционное сотрудничество с КНР не проходит безболезненно для государств-реципиентов. Так, в 2019 г. Исламабад, находящийся в состоянии кризиса платёжного баланса, не смог оплатить долги Пекину по КПЭК.

Тем не менее Пакистан заинтересован в скорейшем выходе из экономического кризиса. В том числе посредством позиционирования себя как транзитного государства между Китаем, Афганистаном, Центральной Азией, Россией и странами Персидского залива с соответствующими экономическими дивидендами. Необходимо отметить, что в этом году в пакистанский порт Гвадар пришёл первый сухогруз с контейнерами для Афганистана³. Но порт Гвадар расположен в наименее населённой и безопасной пакистанской провинции Белуджистан.

Территория Белуджистана подвержена сепаратистским настроениям среди этнического меньшинства белуджей. Там базируется множество местных группировок, в том числе Освободительная армия Белуджистана; пакистанский Талибан и «Лашкар-э-Джангви» («Армия Джхангви») (организации запрещены в России)⁴. Данные организации обвиняют официальный Исламабад в нарушениях прав белуджей; в борьбе против политических активистов, призывающих к свободе для этнических белуджских районов провинции. Их заявления базируются на обвинениях правительства в эксплуатации природных ресурсов провинции, без предоставления даже базовых прав и услуг её местным жителям⁵. В связи с этим на объекты КПЭК периодически нападают представители указанных группировок. Например, в 2018 г. было совершено нападение на консульство Китая в Карачи (провинция Синд), а в провинции Белуджистан вообще перманентно происходят атаки террористов.

³ Через пакистанский порт Гвадар пошёл транзит в Афганистан // <https://eadaily.com/ru/news/2020/01/15/chez-pakistanskiy-port-gvadar-poshel-tranzit-iz-afganistana>, дата обращения 07.02.2020.

⁴ Напавшие на пятизвёздочный отель в Пакистане убиты спецслужбами // <https://www.bbc.com/russian/news-48238190>, дата обращения 08.02.2020.

⁵ Белуджские террористы убили 14 человек в Пакистане // <https://golosislama.com/news.php?id=36304>, дата обращения 08.02.2020.

Более того, экономически активное местное население Гвадара, занимающееся рыболовством, также выражает недовольство. Из-за модернизации порта жители были вынуждены переселиться [Мануков, 2018]. Данные проблемы не имеют однозначного решения и требуют от Исламабада принятия комплексных и системных мер по созданию системы безопасности как для местного населения, так и китайской иностранной рабочей силы. Учитывая ограниченные ресурсы Пакистана, этот вопрос мог бы быть решён в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Это способствовало бы в будущем её возрастающему военно-политическому и экономическому влиянию, драйверами которого стали бы государства-члены Организации.

Таким образом, в географической зоне Макрана сосредоточены интересы крупных азиатских игроков (Индии и Китая), претендующих на доминирование и контроль над глубоководными портами в Индо-Тихоокеанском регионе. Однако к влиянию на данный регион причастны не только Индия и Китай, но и страны Персидского залива. В частности, интерес к проектам на побережье Макрана проявили Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ) и Катар. Так, Абу-Даби, *во-первых*, поддерживает через Нью-Дели развитие иранского порта Чахбехар. Необходимо отметить, что в 2015 г. состоялся государственный визит премьер-министра Н. Моди в ОАЭ в тот момент, когда Пакистан передал в аренду землю в порту Гвадар [Annan, 2017]. *А во-вторых*, ОАЭ оказывает финансовую поддержку пакистанской оппозиции. Нью-Дели и Абу-Даби опасаются, что порт Гвадар в среднесрочной перспективе составит конкуренцию крупнейшему на Ближнем Востоке эмиратскому порту Джебель Али.

Учитывая данный расклад, другая ближневосточная монархия Катар рассматривает пакистанский морской порт Гвадар как перспективный экономический и политический проект в регионе Макрана для сотрудничества с более дружественными государствами (Китаем и Пакистаном). Более того, Доха в прошлом году инвестировала в экономику Пакистана 3 млрд долл., что в совокупности составило 9 млрд долл. Ожидается, что персидская монархия модернизирует объекты инфраструктуры: купит две газовые электростанции и ещё две построит. А также модернизирует национальный авиаперевозчик *Pakistan International Airlines*⁶.

Развитие энергетического сотрудничества Макрана со странами ШОС

Побережье Макрана является не только перспективным с точки зрения реализации крупных транспортных и инфраструктурных проектов, но

⁶ Битва инвестиций Катара и Саудовской Аравии: выигрывает Вашингтон // <https://eadaaily.com/ru/news/2019/01/30/bitva-investicij-katara-i-saudovskoy-aravii-vyigryvaet-washington>, дата обращения 07.02.2020.

и с точки зрения доставки энергетических ресурсов с Ближнего Востока в страны Индо-Тихоокеанского региона. Главным образом побережье Макрана предусматривает поставки энергетических ресурсов из ИРИ в Пакистан и Индию, тем более что в исламской республике идёт активный процесс геологоразведки и открытия новых месторождений Южного Парса⁷. Вместе с этим Тегеран стремится соединить побережье Макрана (порт Чахбехар) и г. Ираншехр посредством 290-километрового магистрального газопровода. Данный проект должен обеспечить газом промышленные предприятия на юге провинции Систан и Белуджистан, включая нефтехимические заводы, сталелитейные заводы и тепловые электростанции (ТЭС) в Чахбехаре и Конараке, завод по производству сжиженного природного газа (СПГ), а остальной газ будет поставляться в Оман и Пакистан.

В 2018 г. проект по строительству МГП «Ираншехр – Чахбехар» был активизирован при поддержке правительства ИРИ министерства обороны и министерства нефти Ирана. Отметим, что в конце апреля 2018 г. Китайская федерация нефтяной и химической промышленности (CPCIF) подписала с властями Ирана соглашение о создании крупного нефтехимического парка в провинции Систан-Белуджистан, что могло бы стать частью схемы урегулирования старых китайских нефтяных долгов в размере 18 млрд долл. Иранская сторона полагает, что участие Китая в разработке нефтехимического парка Чахбехар будет способствовать передаче технологий в Иран⁸. Однако в настоящее время проект не реализован до конца из-за отсутствия у иранского правительства инвестиций в данный проект.

Страны Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) являются одним из самых перспективных рынков из-за их стремительного экономического роста. С учётом диверсификации внешнеэкономических энергетических направлений государств-экспортёров энергоресурсов России и Ирана интерес представляют энергозависимые государства этого региона. Одним из них является Пакистан, участник Шанхайской организации сотрудничества.

Природный газ является перспективным энергетическим ресурсом в экономике ИРП для практически всех отраслей промышленности и сельского хозяйства. Тем более что избранное в 2018 г. правительство И. Хана нацелено на переход к большему использованию природного газа и снижению потребления продуктов нефти (мазута), особенно с учётом волатильности цены на неё. Тем не менее страна не является в полной мере платёжеспособной и находится в процессе выхода из финансово-экономического кризиса с помощью под-

⁷ В Иране обнаружили крупное месторождение газа // <https://neftegaz.ru/news/gas/499671-v-irane-obnaruzhili-kрупное-mestorozhdenie-gaza/>, дата обращения 09.02.2020.

⁸ Иран хочет начинать строительство нового газопровода до порта Чахбехар // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/195058-iran-khochet-nachinat-stroitelstvo-novogo-gazoprovoda-do-porta-chabakhar/>, дата обращения 09.02.2020.

держки международных структур. Необходимо отметить, что природный газ не является преобладающим в энергетической палитре Пакистана. Несмотря на явно растущее значение природного газа для экономики Пакистана, его поставки на сегодня скромны. Однако это не мешает Исламабаду стремиться к увеличению доли природного газа в экономике и вести переговоры о реализации энергетических проектов на территории Макрана.

Одним из проектов энергетического сотрудничества на побережье Макрана является строительство МГП «Мир» между Ираном и Пакистаном. В марте 2019 г., несмотря на политические сложности и давление США, произошла активизация переговоров по строительству МГП «Мир», по которому природный газ из Ирана будет поставляться в Пакистан. Однако уже в мае 2019 г. пакистанская сторона заявила о прекращении работ на пакистанском участке. Необходимо отметить, что Иран уже построил на своей территории газопровод протяжённостью около 900 км и сейчас ожидает, когда Пакистан построит газопровод протяжённостью 700 км на своей территории. Исламабад обязался завершить строительство МГП «Мир» до 2024 г. В октябре 2019 г. в Тегеран состоялся визит пакистанской делегации во главе с министром нефти и природных ресурсов Пакистана Ш. Х. Аббаси для проведения переговоров об ускорении реализации проекта поставок иранского газа в Пакистан. Ввиду острой нехватки средств на осуществление данного проекта, Исламабад выступил с предложением поставок иранского газа в виде СПГ через терминалы в Омане.

Тем не менее существуют и другие варианты энергетических проектов на территории Пакистана, в реализации которых заинтересована Россия. В том числе и строительство МГП «Иран – Пакистан – Индия» (ИПИ). Изначально проект обсуждался ещё в 1995 г. В то время по экономическим соображениям для его реализации был выбран сухопутный маршрут. Но осуществить проект тогда не удалось. В 2013 г. переговоры по проекту МГП ИПИ были остановлены с введением США односторонних экономических и финансовых санкций против Ирана в связи с ядерной программой.

К данному проекту вернулись только в 2017 г. после принятия в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе и снятия с Ирана части экономических и финансовых санкций. Это позволило значительно продвинуться в реализации данного проекта. Отметим, что в обновлённом варианте предполагается строительство не сухопутного, а морского маршрута МГП ИПИ. Это значительно повышает стоимость реализации проекта (до 10 млрд долл.), но несколько нивелирует риски, связанные с безопасностью. Так, в сухопутном варианте предполагалось, что МГП ИПИ будет проходить через пакистанскую провинцию Белуджистан. Однако из-за роста террористической активности в данном регионе Пакистана было принято решение об изменении маршрута газопровода.

В ноябре 2017 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании (МоВ) между министерством энергетики России и министерством нефти Ирана, который позволяет осуществлять поставки иранского газа в Индию. Предполагается, что ПАО «Газпром» будет участвовать в разработке четырёх месторождений Фарзад-А, Фарзад-Б, Северный Парс и Киш. Это позволит обеспечить проект МГП ИПИ надёжной ресурсной базой. В тоже время между ПАО «Газпром» и Национальной иранской нефтяной компанией был подписан МоВ о подготовке ТЭО проекта МГП ИПИ.

В марте 2018 г. состоялось первое заседание российско-иранской рабочей группы по сотрудничеству в сфере реализации проекта по строительству МГП ИПИ. Москва и Тегеран разрабатывают проект создания совместного предприятия, которое займётся не только строительством МГП, но и разработкой месторождений, которые станут ресурсным источником для него.

7 июня 2018 г. представитель МИД Пакистана М. Файзал сообщил о готовности подписать МоВ с Россией для проведения ТЭО строительства МГП ИПИ. Уже в сентябре 2018 г. данный МоВ был подписан между министерствами энергетики России и Пакистана⁹. Предполагается, что по этому проекту Москва будет поставлять Исламабаду от 5,5 до 10,0 млрд куб. м иранского газа в год. Планируется, что участок «Иран – Пакистан» МГП ИПИ будет введён в эксплуатацию в 2021–2022 гг. Стороны также договорились, что ПАО «Газпром» проведёт ТЭО МГП ИПИ в 2019 г. В феврале 2019 г. ПАО «Газпром» и пакистанская государственная нефтегазовая компания *Inter State Gas Systems* подписали меморандум о разработке технико-экономического основания проекта МГП ИПИ. Однако в январе 2020 г. министр нефти и природного газа Индии Д. Прадхан заявил, что его страна не намерена участвовать в проекте строительства морского газопровода ИПИ из-за Пакистана и вообще не хочет участвовать в каких-либо проектах с этой республикой. В Нью-Дели скептически относятся к реализации данного проекта ввиду рисков, связанных с безопасностью в пакистанском Белуджистане и финансово-экономическими санкциями в отношении Ирана. Индия больше отдаёт предпочтение развитию поставок сжиженного газа и собственной разведки и добычи на восточном побережье в Бенгальском заливе.

Ещё одним энергетическим проектом, представляющим интересы России на территории Пакистана, является МГП «Север – Юг». В октябре 2015 г. между Россией и Пакистаном было заключено межправительственное соглашение о строительстве магистрального газопровода (МГП) «Се-

⁹ Россия и Пакистан подписали меморандум по газопроводу «Иран – Пакистан – Индия». Аргумент для Индии? // <https://neftegaz.ru/news/view/175476-Rossiya-i-Pakistan-podpisali-memorandum-po-gazoprovodu-Iran-Pakistan-Indiya.-Argument-dlya-Indii>, дата обращения 11.02.2020.

вер – Юг». Проект подразумевает строительство МГП протяжённостью 1,1 тыс. км и пропускной способностью до 12,4 млрд куб. м из города Карачи, расположенного на побережье Макрана, до города Лахор. Город находится на северо-востоке страны, является одним из крупнейших торгово-экономических центров и вторым по численности населения. В административном центре провинции Пенджаб должны быть построены электростанции, работающие на этом газе. При этом следует учитывать, что агломерация Лахор испытывает острую нехватку энергоресурсов, поэтому в качестве топлива нередко используются автомобильные резиновые покрышки. В настоящее время в порту Касим города Карачи работают два терминала по импорту СПГ с общей мощностью по регазификации в 34 млн куб. м в день (12,4 млрд куб. м в год), но они работают не на полную мощность¹⁰.

Согласно проекту МГП «Север – Юг», в Лахоре планируется строительство газовых электростанций. Заметим, что гарантом соглашения с российской стороны выступил российский сырьевой холдинг «РТ – Глобальные ресурсы», который является дочерней компанией ГК «Ростех». Тем не менее договорённость о строительстве МГП «Север – Юг» была отложена до 2019 г. из-за односторонних западных санкций, наложенных на российскую компанию «РТ – Глобальные ресурсы»¹¹. В настоящее время ведутся переговоры по вопросу технико-экономического обоснования (ТЭО) данного проекта с оценкой капитальных и операционных затрат для урегулирования тарифных условий. Таким образом, данные энергетические проекты по реализации МГП находятся на стадии проработок и не имеют определённого срока окончания строительства.

В этом случае для удовлетворения своих энергетических потребностей Исламабад отдаёт предпочтение СПГ. Пакистан, ввиду увеличения закупки СПГ, при непосредственном участии нидерландских корпораций *Enrgo* и *Royal Vopak* ввёл в эксплуатацию в марте 2015 г. первый СПГ-терминал. Через него в страну поступает газ из Катара. Второй СПГ-терминал введён в эксплуатацию в конце ноября 2017 г. в порту Касим (г. Карачи). Его задача состоит в том, чтобы содействовать обеспечению потребности трёх тепловых газотурбинных электростанций в провинции Пенджаб. Заметим, что долгосрочный контракт на поставку во второй СПГ-терминал был заключён с итальянской *Eni* и среднесрочный контракт – со швейцарской *Gunvor*. Однако данные компании поставляют только 2 млрд куб. м газа в год.

¹⁰ ТМК вошла в проект строительства газопровода в Пакистане за 2 млрд долл. // <https://www.rbc.ru/business/11/01/2019/5c384a379a79472ff47e3503>, дата обращения 20.02.2020.

¹¹ Смена партнёра. Газопровод «Север – Юг» в Пакистане будет, но не с Ростехом // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/511353-smena-partnera-gazoprovod-sever-yug-v-pakistane-budet-no-ne-s-rostekhom/>, дата обращения 20.02.2020.

Остальную часть газа Исламабад закупает на споте. Тем не менее с начала 2018 г. цены на газ на спотовом рынке не устраивают руководство страны. Тогда было принято решение о заключении более дешёвых, чем на споте, прямых контрактов на поставки СПГ из Омана, Малайзии и России.

В 2017 г. между Россией и Пакистаном было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве в сфере поставок сжиженного природного газа. Однако пакистанская сторона в начале декабря 2017 г. утвердила, а в феврале 2018 г. уже подписала межправительственное соглашение о поставках СПГ из Омана. Согласно ему, Пакистан в рамках правительственного механизма удовлетворения энергетических потребностей страны может продвигать контракты на импорт СПГ и нефтепродуктов из Омана.

В тот момент экономическая ситуация в Исламской Республике Иран (ИРИ) до выхода США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в мае 2018 г. и в последующем одностороннего введения финансово-экономических санкций была более благоприятной для развития энергетического сотрудничества с Пакистаном. В такой ситуации в сентябре 2019 г. Пакистан пересмотрел своё отношение к российскому СПГ, тогда как ещё в мае этого года между ПАО «Газпром» и *Pakistan LNG Limited* не было договорённостей. Но уже в сентябре 2019 г. заместитель председателя Сената Пакистана С. Манддивалла выразил желание поставлять российский СПГ в Пакистан ввиду трудностей с поставками ПГ из Ирана (в связи с действующими американскими санкциями).

Россия рассматривает Пакистан как одно из перспективных направлений стратегического партнёрства в энергетической сфере. Реализация МГП «Север – Юг», скорее всего, будет отложена на среднесрочную или долгосрочную перспективу до решения ключевой ставки по тарифным позициям на прокачку ПГ. Для Пакистана более благоприятными, ввиду строительства СПГ-терминалов, являются поставки российского СПГ. На фоне нерешённых противоречий с трубопроводным газом они могут быть более конкурентоспособными по цене. Облегчить положение Исламабада в энергетической сфере можно только путём вхождения в капитал пакистанских нефтегазовых компаний, создания совместных предприятий с иностранными партнёрами или прямых инвестиций в добычу и разведку нефтегазовых месторождений. В любом случае исламская республика сможет решить энергетические проблемы после реализации части структурных проблем в национальной экономике.

Однако в таких условиях предварительных договорённостей с российской стороной Исламабад диверсифицирует государства-экспортёры. На данный момент в качестве поставщиков СПГ в исламскую республику выступают Катар и КСА. Доха в 2019 г. увеличила экспорт СПГ в Пакистан на 200 млн куб. футов в день. Отметим, что к этому моменту Исламабад уже импортировал 500 млн куб. футов в день в рамках 15-летнего контракта на

поставки. В перспективе Пакистан планирует принимать ещё 700 млн куб. футов в день в результате запуска второго СПГ-терминала в порту Касим¹².

Ввиду поставок СПГ как более перспективного направления развития нефтегазового бизнеса Эр-Рияд в лице национальной нефтяной компании *Saudi Aramco* в прошлом году впервые осуществил первую в своей истории поставку СПГ из Сингапура в Индию. В перспективе КСА собирается поставлять трейдинговый СПГ из юго-восточной Азии и в Пакистан. Заметим, что Эр-Рияд также рассматривает возможность участия в СПГ-проектах как в российской Арктике («Арктик СПГ – 2»), так и в Африке. Но в поставках СПГ существуют определённые риски. Они заключаются в темпах роста рынка, спроса и предложения, при учёте определённых факторов: цен на углеводороды (в разрезе межтопливной конкуренции), экономического роста, эффективности использования энергоресурсов, национальных законодательств по экологической политике.

Заключение

Индия с помощью геополитического и геоэкономического развития Макрана пытается решить больше политические задачи, чем экономические. Так, с помощью развития порта Чахбехар Нью-Дели пытается выйти на перспективный рынок Центральной Азии и Афганистана. Этому будет способствовать:

- осуществление операционного контроля над портом Шахид Бехешти в Чахбехаре;
- установление регулярного и частого сообщения между портами в Индии (Мандра, Кандла и Мумбаи) и Чахбехаром;
- будущее расширение железной дороги Чахбехар – Захедан – Мешхед до Герата в Афганистане и соединение г. Мазари-Шариф с Гератом [Стобдан, 2018].

Пакистан в развитии своего побережья Макрана с помощью Китая преследует в первую очередь экономические цели. Однако насколько они будут оправданы в экономическом плане для Исламабада, покажет время. Тем не менее в политическом плане дальнейшая полномасштабная реализация проекта КПЭК в перспективе будет способствовать ослаблению сепаратизма в провинции Белуджистан.

Однако побережье Макрана таит общие для Ирана, Пакистана и Индии вызовы и угрозы с учётом взаимосвязанной транспортной доступности между реализуемыми энергетическими проектами. *Во-первых*, две страны из трёх находятся в террористическом очаге (провинции Систан и Белуд-

¹² Кто сможет оспорить лидерство Катара на рынке СПГ? // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3133632&cid=6>, дата обращения 21.02.2020.

жистан в Иране и Белуджистан в Пакистане). Террористы связаны как с местными этническими меньшинствами по обе стороны границы, так и с движением Талибан в Афганистане и другими террористическими группировками, например «Исламским государством» (запрещённая в России террористическая организация).

Во-вторых, относительно государства-экспортёра энергоресурсов Ирана действуют односторонние американские финансово-экономические санкции. После выхода США в мае 2018 г. из СВПД по урегулированию ситуации вокруг Иранской ядерной программы, Вашингтон ввёл широкие санкции в отношении энергетического сектора и перевозки грузов, а также зарубежных финансовых институтов, которые проводят операции с Центральным банком Ирана и другими иранскими банками. Всё это привело к сокращению объёмов поставляемой Ираном нефти по официальным и неофициальным каналам до 1/3 в 2019 г. Следствием этого стала высокая инфляция на территории исламской республики и обесценивание национальной валюты – иранского риала.

Это создало Исламабаду условие для поиска новых экспортёров в условиях кризиса платёжного баланса. Тем не менее, Иран, даже в условиях санкционного давления США, стремится развивать энергетические проекты в регионе Макрана. В этом году он приступил к реализации проекта порта Бандар-э-Джаск и нефтепровода протяжённостью 1 тыс. км и стоимостью 1,8 млрд долл., который соединит Гурие в сельском округе Шоайбие-йе Гарби, в провинции Хузестан, с округом Джаск, в провинции Хормозган¹³. Проект реализуется при участии частной иранской *Petroleum Engineering and Development Company (PEDEC)* и Национальной иранской нефтяной компании (*NIOC*) и патронируется Корпусом стражей исламской революции. Необходимо заметить, что Россия также участвует в этом проекте. К проекту может присоединиться Китай, который выразил полную поддержку данному проекту и готов закупать нефть. Таким образом, Иран не только способствует энергетическому сотрудничеству с крупными азиатскими игроками, но и пытается решить проблему окончательного строительства МГП ИПИ.

Однако Индия и Пакистан находятся в индо-пакистанском конфликте из-за споров о территориальной принадлежности бывшего княжества (ныне индийского штата) Джамму и Кашмир. Из-за этого есть проблема реализации нефтегазовых проектов, например, МГП ИПИ, обозначенного выше. Для Нью-Дели обострение ситуации в Кашмире и столкновения с Пакистаном в 2018–2019 гг. важнее развития совместных энергетических проектов в регионе.

¹³ Запад может обеспокоиться из-за последнего энергетического проекта Ирана // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3245166>, дата обращения 04.03.2020.

В условиях глобальной конкуренции за транспортные энергетические коридоры в мире происходит развитие альтернативных маршрутов транспортной и энергетической коммуникации. Новые транспортные и энергетические проекты сталкиваются с множеством трудностей, начиная от обострения военно-политических конфликтов, заканчивая борьбой с мировым терроризмом и геополитическими амбициями азиатских держав.

Список литературы

Белокреницкий В. Я. 2019. Бангладеш обгоняет Пакистан. Временный парадокс или устойчивая тенденция социально-экономического развития? // Азия и Африка сегодня. № 4. С. 9–16. DOI: 10.31857/S032150750004377-6

Добров Д. 2020. США пытаются сдержать торговую экспансию Китая // <https://inosmi.ru/politic/20200204/246765502.html>, дата обращения 07.02.2020.

Мануков С. 2018. Пекин стремится подменить МВФ // <https://expert.ru/2018/03/14/pekin-stremitsya-podmenit-mvf/?ny>, дата обращения 06.02.2020.

Стобдан Ф. 2018. Индия предложила противовес китайской инициативе «Пояс и путь» – индийский дипломат // <https://eurasia.expert/indiya-predlozhila-protivoves-kitayskoj-initsiative-poyas-i-put/>, дата обращения 01.02.2020.

Annan I. 2017. «New Dubai»: How the Pakistani Port of Gwadar Threatens Regional Role of UAE? // <http://csef.ru/en/politica-i-geopolitica/326/novyj-dubaj-kakim-obrazom-pakistanskij-port-gvadar-ugrozhaet-regionalnoj-rol-i-uae-8202>, accessed 07.02.2020.

Белуджские террористы убили 14 человек в Пакистане // <https://golosislama.com/news.php?id=36304>, дата обращения 08.02.2020.

Битва инвестиций Катара и Саудовской Аравии: выигрывает Вашингтон // <https://eaily.com/ru/news/2019/01/30/bitva-investiciy-katara-i-saudovskoy-aravii-vyigryvaet-vashington>, дата обращения 07.02.2020.

В Иране обнаружили крупное месторождение газа // <https://neftegaz.ru/news/gas/499671-v-irane-obnaruzhili-krupnoe-mestorozhdenie-gaza/>, дата обращения 09.02.2020.

Запад может обеспокоиться из-за последнего энергетического проекта Ирана // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3245166>, дата обращения 04.03.2020.

Иран передал Индии в оперативное управление часть порта Чаббахар // <https://regnum.ru/news/economy/2545523.html>, дата обращения 02.02.2020.

Иран хочет начинать строительство нового газопровода до порта Чаббахар // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/195058-iran-khochet-nachinat-stroitelstvo-novogo-gazoprovoda-do-porta-chabakhar/>, дата обращения 09.02.2020.

Кто сможет оспорить лидерство Катара на рынке СПГ? // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3133632&cid=6>, дата обращения 21.02.2020.

Морские транспортные коммуникации в Азии // <https://i.pinimg.com/originals/01/dd/82/01dd8256ae75cc1ee7d26fa95395a992.jpg>, дата обращения 11.03.2020.

Напавшие на пятизвёздочный отель в Пакистане убиты спецслужбами // <https://www.bbc.com/russian/news-48238190>, дата обращения 08.02.2020.

Россия и Пакистан подписали меморандум по газопроводу «Иран – Пакистан – Индия». Аргумент для Индии? // <https://neftegaz.ru/news/view/175476-Rossiya-i-Pakistan-podpisali-memorandum-po-gazoprovodu-Iran-Pakistan-Indiya.-Argument-dlya-Indii>, дата обращения 11.02.2020.

Смена партнёра. Газопровод «Север – Юг» в Пакистане будет, но не с «Ростехом» // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/511353-smena-partnera-gazoprovod-sever-yug-v-pakistanе-budet-no-ne-s-rostekhom/>, дата обращения 20.02.2020.

ТМК вошла в проект строительства газопровода в Пакистане за 2 млрд долл. // <https://www.rbc.ru/business/11/01/2019/5c384a379a79472ff47e3503>, дата обращения 20.02.2020.

Через пакистанский порт Гвадар пошёл транзит в Афганистан // <https://eadaaily.com/ru/news/2020/01/15/cherez-pakistanskiy-port-gvadar-poshel-tranzit-iz-afganistana>, дата обращения 07.02.2020.

DARIA V. KHARITONOVA,

Deputy Head Division of Eurasian Integration and Shanghai Cooperation Organization Extension of the Institute of Commonwealth Countries.

Address: 7/10 b. 3, B. Polyanka str., Moscow, Russian Federation.

E-mail: dariahar09@gmail.com

SPIN-code: 7555-4681

GEOPOLITICAL AND GEOECONOMIC SETTING OF MAKRAN AND ITS COOPERATION WITH THE SCO COUNTRIES IN THE ENERGY SPHERE

Keywords: Pakistan, Russia, energy, oil, natural gas, cooperation, SNG, «Iran – Pakistan – India» (IPI) gas pipeline, economic.

Abstract

Given the beginning of a new era in energy in the developing economies of South and East Asia and the gradual transition to more environmentally friendly energy sources (for example, natural gas), new transport and energy routes are becoming increasingly important. Of particular importance is the coast of Makran, which, according to the author, will increase its geopolitical and geoeconomic importance in the medium and long term. In many ways, this will be facilitated by the rivalry of two Asian powers: China and India, which are implementing transport and infrastructure projects on the territory of Makran.

In particular, New Delhi is involved in the development of the deep sea port of Chahbahar. Beijing, in turn, implements the largest transport and infrastructure project of the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) in Pakistan with access to the deep-water seaport of Gwadar. However, the development of these projects has no permanent success, which is determined by many factors. If the development of the Iranian port mainly depends on its further financing, then the development of the Pakistani port primarily addresses security issues and the systemic fight against terrorism and separatism in the territory of the province of Balochistan.

Despite this, there is a potential possibility of implementing energy projects in the Makran zone – the Mir, Iran-Pakistan-India main gas pipelines (IHP), and the development of the North-South IHP in Pakistan. The author notes that the global trend in the supply of liquefied natural gas (LNG) has also affected South Asian countries. India and Pakistan believe that receiving LNG by spot deliveries is more profitable than concluding long-term contracts due to the instability of world energy prices and the use of relatively small volumes of gas at present. Nevertheless, Iran and Pakistan's decision on domestic security issues in the territory of Makran will significantly enhance its image as a new transport and energy hub.

References

Belokrenitsky V. Y. 2019. Bangladesh Overtakes Pakistan. A Temporary Paradox or a Steady Trend of Socio-Economic Development? // *Asia and Africa Today*. № 4. S. 9–16. DOI: 10.31857/S032150750004377–6 (InRuss.)

Dobrov D. 2020. The United States is Trying to Restrain China's Trade Expansion // <https://inosmi.ru/politic/20200204/246765502.html>, accessed 07.02.2020. (InRuss.)

Manukov S. 2018. Beijing Seeks to Replace the IMF // <https://expert.ru/2018/03/14/pekin-stremitsya-podmenit-mvf/?ny>, accessed 06.02.2020. (InRuss.)

Stobdan F. 2018. India Proposed a Counterweight to the Chinese Belt and Way Initiative – an Indian Diplomat // <https://eurasia.expert/indiya-predlozhila-protivoves-kitayskoy-initsiative-poyas-i-put/>, accessed 01.02.2020. (InRuss.)

Annan I. 2017. «New Dubai»: How the Pakistani Port of Gwadar Threatens Regional Role of UAE? // <http://csef.ru/en/politica-i-geopolitica/326/novyj-dubaj-kakim-obrazom-pakistanskij-port-gvadar-ugrozhaet-regionalnoj-rol-i-oae-8202>, accessed 07.02.2020. (InEng.)

Balochian Terrorists Killed 14 People in Pakistan // <https://golosislama.com/news.php?id=36304>, accessed 08.02.2020. (InRuss.)

The Battle of Qatar and Saudi Arabia Investments: Washington Wins // <https://eadaily.com/en/news/2019/01/30/bitva-investiciy-katara-i-saudojskoy-aravii-vyigryvaet-washington>, accessed 07.02.2020. (InRuss.)

A Large Gas Field Was Discovered in Iran // <https://neftegaz.ru/news/gas/499671-v-irane-obnaruzhili-krupnoe-mestorozhdenie-gaza/>, accessed 09.02.2020. (InRuss.)

The West May be Worried About the Latest Iranian Energy Project // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3245166>, accessed 04.03.2020. (InRuss.)

Iran Transferred Part of the Port of Chahbehar to India for Operational Management // <https://regnum.ru/news/economy/2545523.html>, accessed 02.02.2020. (InRuss.)

Iran Wants to Begin Construction of a New Gas Pipeline to the Port of Chahbehar // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/195058-iran-khochet-nachinat-stroitelstvo-novogo-gazoprovoda-do-porta-chabakhar/>, accessed 09.02.2020. (InRuss.)

Who Can Challenge Qatar's Leadership in the LNG Market? // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3133632&cid=6>, accessed 21.02.2020. (InRuss.)

Sea Transport Communications in Asia // <https://i.pinimg.com/originals/01/dd/82/01dd8256ae75cc1ee7d26fa95395a992.jpg>, accessed 11.03.2020. (InRuss.)

Those Who Attacked a 5-Star Hotel in Pakistan Were Killed by Special Services // <https://www.bbc.com/russian/news-48238190>, accessed 08.02.2020. (InRuss.)

Russia and Pakistan Signed a Memorandum on the «Iran – Pakistan – India» Gas Pipeline. An Argument for India? // <https://neftegaz.ru/news/view/175476-Rossiya-i-Pakistan-podpisali-memorandum-po-gazoprovodu-Iran-Pakistan-Indiya.-Argument-dlya-Indii>, accessed 11.02.2020. (InRuss.)

Change of Partner. The North-South Gas Pipeline in Pakistan Will be, but not With «Rostec» // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/511353-smena-partnera-gazoprovod-sever-yug-v-pakistane-budet-no-ne-s-rostekhom/>, accessed 20.02.2020. (InRuss.)

TMK Entered the Gas Pipeline Construction Project in Pakistan for 2 Billion Dollars // <https://www.rbc.ru/business/11/01/2019/5c384a379a79472ff47e3503>, accessed 20.02.2020. (InRuss.)

Transit to Afghanistan Went Through the Pakistani Port of Gwadar // <https://eadaily.com/en/news/2020/01/15/cherez-pakistanskiy-port-gvadar-poshel-tranzit-iz-afganistana>, accessed 07.02.2020. (InRuss.)

Сергей ЛАВРЕНОВ

НОВЫЙ ЭТАП ГАЗОВЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И МОЛДАВИИ

В статье рассматриваются основные тенденции российско-молдавских отношений в газовой сфере в начале 2020 г., обусловленные не только продолжением поставок российского газа в республику, но и потерей Молдавией значительной части транзитных денег в связи с вводом в строй «Турецкого потока», вследствие чего *Moldovatransgaz* был вынужден увеличить тариф на услугу, связанную с транспортировкой природного газа, в восемь раз, что легло дополнительным бременем на потребителей газа. Анализируются усилия молдавских властей по поиску альтернативных, помимо российского, вариантов поставок газа в республику, к числу основных из которых относится получение реверсивного газа из Трансбалканского магистрального газопровода через территорию Болгарии, Румынии и Украины, завершение строительства газопровода Яссы – Унгены – Кишинёв, а также оборудование собственных или аренда подземных хранилищ в соседних странах (прежде всего, на Украине), позволяющих обеспечить страховой запас газа на случай непредвиденных обстоятельств. Рассматриваются перспективы присоединения Молдавии к Третьему энергопакету ЕС, целью которого является выход Кишинёва на европейский энергетический рынок. Это обстоятельство может осложнить российско-молдавские отношения в текущем году. Препятствием на этом пути у Молдавии является большая совокупная задолженность перед «Газпромом», негативное отношение которого к Третьему энергопакету известно, а также особая позиция по этому вопросу Приднестровья. Энергобезопасность Приднестровья в значительной степени зависела от того, состоится ли газовый контракт между Россией и Украиной в конце 2019 г. Невозможность получать бесплатный газ из России ощутимо ударило бы по экономике республики. Соответственно, Тирасполь, безусловно, поддерживает позицию России в сфере газовых отношений.

ЛАВРЕНОВ Сергей Яковлевич, доктор политических наук, профессор, заведующий отделом Молдовы и Приднестровья Института стран СНГ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119180, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3. E-mail: lavrs2009@yandex.ru. SPIN-код: 1439-5583.

Ключевые слова: «Газпром», «Молдовагаз», *Moldovatransgaz*, альтернативные маршруты газопоставок, Третий Энергетический пакет, задолженность Молдавии за поставки «голубого» топлива.

Введение

Алармистские прогнозы относительно того, что Россия и Украина не придут к соглашению о транзите газа через территорию последней, не подтвердились. 30 декабря 2019 г. Москва и Киев подписали пакет документов, гарантирующих транзит российского газа через газотранспортную систему Украины сроком до 2025 г. Тем самым была устранена наиболее серьёзная угроза для газового сектора Молдавии, жёстко привязанного как к российскому газу, так и к украинскому транзиту.

Вместе с тем условия поставок российского газа через украинскую территорию существенно изменились. В первую очередь это выразилось в существенном снижении объёма транзитного газа через украинскую территорию. В частности, в 2020 г. объём транзита российского газа, поставляемого через ГТС Украины, составит лишь 65 млрд куб. м, тогда как в 2019 г. он равнялся 89,6 млрд куб. м¹ (в 2018 г. — 83 млрд куб. м.) [Королёва, 2019].

Причиной снижения стало то, что с 1 января 2020 г. вырос объём поставок через «Северный поток»*, несмотря на ограничение используемой мощности магистрального газопровода *OPAL*** вследствие сентябрьского 2019 г. вердикта Еврокомиссии. Если до 2020 г. через ГТС Украины проходил значительно больший объём газа по сравнению с *OPAL*, то с началом нового года наблюдается обратная картина.

Неоднозначная ситуация сложилась и в сфере российских газопоставок в Молдавию. С одной стороны, газораспределительное предприятие Молдавии «Молдовагаз» и российский «Газпром» продлили действующий контракт на поставку газа через Украину ещё на один год. При этом в 2020 г. республика закупает «голубое топливо» по льготной цене 173 долл. за тысячу куб. м (вместо 235 долл. в прошлом году). С другой, в связи с началом функционирования «Турецкого потока», перестал использоваться на полную мощность Трансбалканский газопровод, снабжавший газом Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию и Турцию.

Сокращение транзита российского газа, предназначенного для балканских стран, через территорию Молдавии существенно уменьшило её доходы от этого вида деятельности. До 2020 г. транзит газа на Балканы в среднем

¹ Транзит российского газа через Украину в 2019 г. увеличился на 3 % // <https://ria.ru/20200103/1563092053.html>, дата обращения 10.03.2020.

* «Северный поток» — магистральный газопровод между Россией и Германией проходящий по дну Балтийского моря. Является морской частью одной из веток системы газопровода Ямал — Европа. Помимо «Северного потока» в ветку входит газопровод «Грязовец — Выборг» в России и газопроводы *OPAL* и *NEL* в Германии.

** *OPAL* — сухопутное продолжение газопровода «Северный поток» по территории Германии, доставляющего газ из России в страны Евросоюза, минуя транзитные страны. Является одним из крупнейших инфраструктурных энергетических проектов в Германии.

приносил компаниям *Moldovatransgaz* и *Tiraspoltransgaz* (контролируемой властями Левобережья) годовой доход около 50–60 млн долл. В 2020 г. транзит российского природного газа через территорию Молдавии, по сравнению с 2018 г., снизился, по оценке «Молдовагаза», более чем 17 раз².

В связи с этим, *Moldovatransgaz* был вынужден увеличить тариф на услугу, связанную с транспортировкой природного газа, примерно в восемь раз³, тогда как на Украине такой же тариф вырос лишь на 30 %.

Столь взрывное повышение тарифа вызвало негативную реакцию молдавской общественности, критикующей главную газораспределительную компанию республики за низкую эффективность и различного рода злоупотребления. Действительно, в последние годы чистая прибыль молдово-российского АО «Молдовагаз» существенно снизилась. Участились случаи возбуждения уголовных дел молдавскими правоохранительными органами по факту правонарушений различными структурными подразделениями компании. В частности, по оценке представителей правоохранительных органов, филиалы «Молдовагаза» (в том числе, *Bălți-Gaz*, *Ialoveni-Gaz*, *Moldovatransgaz*, *Șoldănești-Gaz* и др.) нанесли компании ущерб на 20 млн леев. Молдавской прокуратурой выявлена также мошенническая схема, нанёсшая ущерб «Молдовагазу» более чем на 1 млн евро [Мошенническая схема... 2019].

В целом, ситуация с эффективностью «Молдовагаза» будет зависеть как от принятых мер по реструктуризации компании, так и от того, как будет осуществляться реализация проектов «Северный поток – 2», «Турецкий поток», новых газовых проектов Греции и Болгарии, проекта поставок газа восточного Средиземноморья в Европу *East Med*^{*}, поставок в Европу СПГ с полуострова Ямал, начавшего свою работу МГП «Сила Сибири».

Проблема диверсификации газовых поставок сохраняет актуальность

В настоящее время Молдавия получает газ из магистрального Трансбалканского газопровода, который является частью экспортного магистраль-

² Транзит российского газа через территорию Молдавии резко сократился // <https://v-moldove.ru/novosti-ekonomika/tranzit-rossiiskogo-gaza-cherez-territoriu-moldovy-rezko-sokratilsia/#>, дата обращения 14. 03. 2020.

³ Запуск газопровода «Турецкий поток» приведёт к потере Молдавией 1 млрд леев транзитных выплат // <https://ava.md/2020/01/10/zapusk-gazoprovoda-tureckiy-potok-privedet/>, дата обращения 15.02.2020.

* Восточно-Средиземноморский трубопровод (*East Med*) – планируемый морской и наземный газопровод с пропускной способностью 10 млрд куб. м в год, соединяющий шельфовые месторождения восточной части Средиземного моря с материковой Грецией через Кипр и Крит. Предполагается транспортировать природный газ с морских месторождений в Грецию, а также, в сочетании с трубопроводами *Poseidon* и *IGB*, в Италию и другие европейские страны. В настоящее время находится в стадии проектирования.

ного газопровода «Союз». Он берёт начало в Оренбурге, проходит через территорию Украины, далее — по южной границе Молдавии, затем в районе Орловки снова выходит на территорию Украины, и оттуда — в Румынию и Болгарию. Особенностью поставок по этому маршруту является то, что газ с Украины первоначально поступает на территорию Приднестровья, а затем уже идёт в Кишинёв и на юг республики. Потенциально Молдавия может получать газ также по-другому, менее мощному газопроводу Богородчаны — Черновцы — Ананьев. Он заходит на территорию Молдавии на севере, в районе Алексеевки, а выходит в Шолданештском районе. Однако эксплуатационные возможности этого газопровода позволяют обеспечить газом только север республики и частично Кишинёв. Максимальная пропускная способность газопровода составляет до 5 млн куб. м газа в день, тогда как Молдавия в отопительный сезон нуждается не менее чем в 7 млн [Вопрос о поставках газа... 2019]. Как следствие, данный вариант не может рассматриваться в качестве альтернативного.

Учитывая риски в обеспечении потребителей Молдавии природным газом по традиционному маршруту транспортировки через территорию Украины, Кишинёв не оставил поиск иных, помимо России, источников газоснабжения.

Так, ещё в прошлом году «Молдовагаз» при поддержке правительства Молдавии, Европейского союза, «Газпрома» и партнёров из Болгарии, Румынии и Украины в короткие сроки осуществил реконструкцию национальных транспортных сетей и подписал необходимые международные договоры и соглашения, позволяющие осуществлять газоснабжение Молдавии в реверсивном режиме через Трансбалканский магистральный газопровод.

В настоящее время Молдавия в случае необходимости может обеспечиваться природным газом по второму, альтернативному транспортному маршруту, идущему от «Турецкого потока» через систему трансбалканских магистральных газопроводов через Турцию, Болгарию, Румынию и Украину. «Голубое топливо» «Молдовагаз» может принимать на границе Румыния — Украина (ГИС* Исакча/ ГИС Орловка) [Газ зимой — вопрос национальной безопасности Молдавии, 2019].

Для обеспечения необходимых поставок газа посредством румынских магистралей «Укртрансгаз» и «Молдовагаз» согласовали технические решения, которые должны обеспечить надёжность этого маршрута. С 1 января 2020 г. для использования трансбалканских трубопроводов по направлению Юг — Север (реверс по трубопроводу Транзит-1) проводятся работы по созданию постоянной мощности для импорта газа из Румынии объёмом 1,5 млрд куб. м в год.

* ГИС — газоизмерительная станция.

Транспортировка голубого топлива от точки Исакча-1 — Орловка должна осуществляться по магистральным газопроводам «Раздельная — Измаил» и «Шебелинка — Днепропетровск — Кривой Рог — Измаил». Для обеспечения работы в реверсном режиме необходима модернизация пограничных газоизмерительных станций «Гребеники» (Украина) и «Каушаны» (Молдавия). Украинская сторона планирует построить дополнительные обводные линии газопроводов и завершить реконструкцию ГИС «Гребеники» к концу нынешнего года [Поставки газа из Румынии, 2019].

Помимо этого, возможным решением газовой проблемы является строительство собственных или аренда подземных хранилищ в соседних странах (прежде всего, на Украине), позволяющих обеспечить страховой запас газа на случай непредвиденных обстоятельств. С этой целью в сентябре 2019 г. Молдавия запросила у ЕС кредит для покупки и хранения 400 млн куб. м газа [Степанов, 2019а] и одновременно поставила в Брюсселе вопрос о выделении средств для создания собственного хранилища природного газа, в котором хранилось бы приобретённое на конкурентных рынках «голубое» топливо⁴.

Продолжаются в вялотекущем режиме переговоры Кишинёва и Киева относительно реверсивных, в случае необходимости, поставках Украиной газа через северные районы Молдавии. Киев неоднократно выражал свою заинтересованность в подобном сценарии, пытаясь убедить контрагента в целесообразности закупок реверсивного газа.

В частности, С. Макогон, директор украинского оператора газотранспортной системы, заявил, что Молдавия могла бы покупать природный газ из ЕС на 16 % дешевле, чем у «Газпрома», используя для поставок газовую транспортную инфраструктуру Украины. В этом случае, по его мнению, цена на газ не превысит 146 долл. [Степанов, 2019б].

Действительно, летом газ на разных биржевых площадках Европы, колеблется в пределах 116–120 долл. за 1 тыс. куб. м. Однако внешняя привлекательность цены не отменяет ряда важных аспектов, связанных с газовыми поставками. Контракт с «Газпромом» предусматривает только графики оплаты, а не авансовых платежей, в то время как закупка газа на бирже в обязательном порядке предполагает выплату аванса.

Учитывая расходы на транспортировку (доставка газа к территории Молдавии обойдётся в ещё плюс 80 долл. к базовой цене). Кроме того, около 85 % от общего объёма потребления газа Молдавии приходится на зимний период, когда стоимость «голубого топлива» на европейских хабах возрастает. Существует ещё один нюанс: при работе с «Газпромом» у Ки-

⁴ Власти Молдавии ведут переговоры об аренде мощностей подземных хранилищ газа на Украине // https://biz.censor.net.ua/news/3138104/vlasti_moldovy_zainteresovalis_arendoyi_ukrainskih_hranilisch_gaza, дата обращения 09.03.2020.

шинёва есть возможность пересмотра цены в сторону её понижения, что продемонстрировал нынешний контракт между «Газпромом» и «Молдовагазом».

Соответственно, европейский газ вплоть до последнего времени не мог в рамках ценовой политики составить конкуренцию российскому. Однако нынешняя тенденция к падению цен на газ в связи с нарастанием кризисных явлений в мировой экономике может изменить ситуацию.

Тем не менее при «украинском сценарии» Молдавия будет закупать у Киева всё тот же российский газ, который поменяет лишь собственника [Газ зимой – вопрос национальной безопасности Молдавии, 2019].

Предложение Киева предполагает аренду украинских газохранилищ, следствием чего станет дополнительное удорожание конечной цены на газ. Вместе с тем, Кишинёв не исключает этот маршрут из числа альтернативных источников газоснабжения. Он может быть актуализирован в случае непредвиденных обстоятельств и при условии выделения займов Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР).

В настоящее время наиболее вероятным резервным вариантом для Молдавии являются поставки газа посредством трансбалканского коридора (с использованием возможностей «Турецкого потока») реверсом через территорию Болгарии и Румынии. Уязвимой стороной этого варианта является необходимость серьёзных инвестиций в модернизацию газотранспортной инфраструктуры Молдавии с целью её адаптации к реверсным поставкам.

Дополнительные работы по модернизации приграничных компрессорных станций для бесперебойных поставок газа в этом случае предстоит осуществить также Болгарии и Румынии. На данный момент через трансбалканский коридор технически возможно получать 12,4 млн куб. м газа в день для потребителей Молдавии, тогда на зимний период Молдавия нуждается в объёме, составляющем как минимум 15,5 млн куб. м.

Помимо этого, данный реверсный вариант ставит под вопрос целесообразность строительства газопровода «Яссы – Унгены – Кишинёв», на строительство которого уже затрачены десятки миллионов евро. Именно этот проект до последнего рассматривался в качестве одного из главных альтернативных маршрутов для поставок «голубого» топлива в Молдавию.

Протяжённость газовой магистрали Яссы – Унгены, сданной в эксплуатацию 27 августа 2014 г. составила 43,2 км, а пропускная способность – 1,5 млрд куб. м в год. Следующий этап газопровода предполагает продление газопровода до Кишинёва, а на румынской территории – до Онешть – Лецкань для подключения газокomppressorной станции. Дата запуска газопровода неоднократно переносилась, в настоящее время прогнозная дата обозначена в первой половине 2020 г. В частности, министр экономики и инфраструктуры Молдавии А. Усатый в одном из последних интервью

заявил, что существуют все предпосылки для того, чтобы газопровод Яссы – Унгены был завершён к лету текущего года⁵.

Однако завершение второго этапа проекта включает в себя не только строительство газопровода, но и трёх газораспределительных станций, а также центра управления в г. Гидигич, ответственность за оборудование которых несёт румынская компания *Transgaz*. Как известно, по газопроводу Яссы – Унгены – Кишинёв Румыния, по оценочным прогнозам, может поставлять в Молдавию до 1,5 млрд куб. м газа (от 4 до 6 млн куб. м в день).

Однако для Кишинёва более значимо, что через подключение к румынской газовой системе для Молдавии облегчается доступ к европейской газовой системе. Соответственно, строительство газопровода Унгены – Кишинёв представляет собой важный шаг с точки зрения диверсификации источников и маршрутов энергоснабжения, способствует энергетической безопасности, модернизации и развитию существующей энергетической инфраструктуры, с последующим подключением Молдавии к европейскому энергетическому рынку⁶.

Отдельно стоит проблема газоснабжения Приднестровья, энергобезопасность которой в значительной степени зависит от того, состоится ли газовый контракт между Россией и Украиной.

Невозможность получать бесплатный газ из России ощутимо ударило бы по экономике республики. В этом случае у Приднестровья осталась бы гипотетическая возможность обеспечивать потребности в газе, получая его из ЕС, минуя Молдавию, через территорию Украины. Однако в этом случае это означало бы не только закупку газа по рыночным ценам, но и создание жёсткой зависимости Приднестровья как от молдавских, так и украинских властей со всеми вытекающими политическими последствиями.

Едва ли не единственный способ непризнанной республики встретить возможный кризис с газоснабжением предполагал заблаговременное формирование материального резерва и перевод системы теплоснабжения на жидкое топливо с помощью Молдавской ГРЭС.

Молдавия и Третий энергопакет

Осложнению российско-молдавских отношений в газовой сфере в нынешнем году может способствовать намерение Кишинёва выполнить ряд мер по присоединению к Третьему энергопакету. Как известно, Молдавия в качестве полноправного члена Договора об энергетическом сообществе

⁵ Усатый: Есть все предпосылки, чтобы газопровод Яссы – Унгены был завершён в срок // <https://point.md/ru/novosti/ekonomika/usatyi-est-vse-predposylki-chtoby-gazoprovod-iassy-ungeny-byt-zavershen-v-srok>, дата обращения 20.03.2020.

⁶ Там же.

ЕС обязалась внедрить законодательство Европейского Союза, в том числе Третий энергопакет, вступивший в силу 3 сентября 2009 г. Имплементация Третьего энергопакета предполагает либерализацию газового и электрического рынков Молдавии. Ключевым положением Третьего энергопакета является ограничение монополии поставщиков газа и электричества, блокирующих деятельность в этой сфере конкурирующих энергетических компаний. Это означает, что поставкой, транспортировкой и распределением газа должны заниматься разные компании.

Российский концерн «Газпром», которому принадлежит 51 % акций компании *Moldovagaz*, а значит, и половина газопроводов в Молдавии, выступал последовательно против принципа свободы транзита, на котором настаивает Энергетическое сообщество ЕС, поскольку это требует обязательного доступа третьей стороны к трубопроводам концерна.

Если *Moldovagaz* решит заниматься исключительно продажей газа, то свои газопроводы, половина которых принадлежит российскому концерну «Газпром», она должна будет или продать, или, оставаясь собственником, передать в управление независимому системному оператору.

Не форсируя события, Кишинёв тем не менее идёт последовательно по пути реализации Третьего энергетического пакета ЕС в Молдавии. Первый шаг предполагал оценку совместимости соответствующего законодательства Молдавии с положениями Третьего энергопакета о внутреннем энергетическом рынке с целью преодоления разночтений и выявленных пробелов. Несмотря на то, что Молдавия добилась определённых успехов в гармонизации своего законодательства с европейским, до последнего времени она ощутимо отставала в их практической реализации.

Тем не менее ЕС проводил поощрительную политику в отношении неё, которая заключалась в финансировании её начинаний в рамках программы поддержки секторальной политики «Поддержка реформы энергетического сектора» (проект *AT-SPSP* Энергетика)⁷.

В текущем году Национальное агентство по регулированию в энергетике Молдавии (НАРЭ) намерено утвердить проект плана по разделению оператора системы транспортировки природного газа «Молдаватрансгаз» в соответствии с Третьим энергопакетом⁸. Этот план предполагает меры по обеспечению независимости операторов газотранспортной системы в соответствии с положениями Закона о природном газе⁹. Самым сложным, по

⁷ ЕС поможет Молдавии внедрить Третий энергопакет // https://noi.md/ru/news_id/49805, дата обращения 14.03.2020.

⁸ НАРЭ готовит план отделения «Молдаватрансгаз» в соответствии с Третьим энергопакетом // <https://point.md/ru/novosti/ekonomika/nare-gotovit-plan-otdeleniia--34-moldovatransgaz-34-v-sootvetstvii-s-iii-energopaketom>, дата обращения 04.03.2020.

⁹ Какие изменения ожидаются в 2020 г. в *Moldovagaz* // <https://noi.md/ru/jekonomika/kakie-izmeneniya-ozhidayutsya-v-2020-godu-v-moldovagaz>, дата обращения 01.03.2020.

мнению экспертов, станет решение вопроса о том, кто будет владеть и управлять газопроводами.

С похожими проблемами в ходе внедрения Третьего энергопакета столкнулась в своё время Литва, которой удалось вытеснить «Газпром» со своего энергетического рынка. Однако, в отличие от Молдавии, у неё не было многомиллиардного долга перед «Газпромом», а также нерешённого территориального вопроса¹⁰.

Молдавии же, учитывая негативное отношение России к Третьему энергетическому пакету, придётся столкнуться с немалыми препятствиями. Дело не только в том, что присоединение к Энергетическому пакету предполагает значительные инвестиции в развитие газораспределительной инфраструктуры, где она может в определённой степени рассчитывать на финансовую помощь ЕС, в том числе и в сфере использования возобновляемых источников энергии. В связи с этим будет рассмотрена корректировка законодательства с целью создания более благоприятных условий для потенциальных инвесторов в Республике Молдавия.

В настоящее время у «Газпрома» сохраняется сильный рычаг воздействия на Кишинёв в виде задолженности *Moldovagaz* перед «Газпромом».

Проблема расчётов за газ

Необходимо отметить, что каждый год, начиная с 2008 г., «Газпром» инициирует судебные процессы против *Moldovagaz* в арбитражном суде и выигрывает их. Основную задолженность молдавской стороны составляет долги Приднестровья, которое с 2006 г. не оплачивает российский газ, поставляемый в непризнанную республику. Долг ПМР не отражается в отчётах *Moldovagaz*, а официальный Кишинёв не признаёт эту задолженность. Тем не менее, согласно Закону № 173 от 22 июля 2005 г. «Об основных положениях особого правового статуса населённых пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)» констатируется, что «Приднестровье является неотъемлемой составной частью Республики Молдавия» [Закон № 173 «Об основных положениях...», 2005].

Это предоставляет «Газпрому» формально-юридическое основание взыскивать с *Moldovagaz* накопленные долги. Так, в декабре 2019 г. «Газпром» в очередной раз подал в Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации о взыскании долга с *Moldovagaz* в размере 246,1 млн долл. за природный газ, поставленный в 2017 г. В свою очередь, несмотря на то, что в финансовой отчётности

¹⁰ Брюссель для троих. Готова ли Молдавия к особому формату отношений с ЕС // <https://newsmaker.md/rus/novosti/bryussel-dlya-troih-gotova-li-moldova-k-osobomu-formatu-otnosheniy-s-es-34780/>, дата обращения 11.02.2020.

«Газпрома» за 9 месяцев 2019 г. долги *Moldovagaz* были квалифицированы как ожидаемые убытки от кредитования, в отчёте за четвёртый квартал 2019 г. «Газпром» заявил, что это прямой долг Республики Молдовы.

Так, в 2019 г. международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации принял новый иск «Газпрома» о взыскании с *Moldovagaz* долга в размере 329,55 млн долл. за природный газ, поставленный в 2016 г. 5 августа 2019 г. суд удовлетворил требования российского концерна.

Ситуация для Молдавии в расчётной сфере, как уже говорилось, осложняется уменьшением поступлений от транзита российского газа через её территорию [Киселёв, 2017]. Транзитные платежи в определённой степени компенсировали затраты на приобретение газа.

Проблема задолженности Кишинёва вполне на легальных основаниях может быть использована «Газпромом» для торможения процесса интеграции молдавской энергетической системы в европейское пространство. При этом проблема и погашения «исторической» задолженности «Молдовагаза» так и не будет решена. Проблема усугубляется нарастанием долга *Moldovagaz* за текущие платежи и необходимостью модернизации самой компании.

Наконец, в попытке присоединения Молдавии к Третьему Энергетическому пакету неизбежно поднимется спорный вопрос, связанный с особой позицией газового оператора в Приднестровье «Тираспольтрансгазом».

Заключение

Таким образом, Молдавия, несмотря на продление контракта с «Газпромом» на поставки российского газа в республику, продолжает поиски альтернативных газовых маршрутов, которые не ограничиваются строительством газопровода Яссы – Унгены – Кишинёв. Одной из стратегических целей молдавского руководства является не только диверсификация маршрутов газовых поставок, но и выполнение обязательств в рамках Третьего энергетического пакета ЕС, что позволило бы Кишинёву войти на европейский энергетический рынок, оптимизировав условия по обеспечению своей энергетической безопасности.

Список литературы

Закон № 173 от 22 июля 2005 г. «Об основных положениях особого правового статуса населённых пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)» // <http://lex.justice.md/index.php?action=view&id=313004&lang=2&view=doc>, дата обращения 05.02.2020.

Киселёв И. 2017. Россия – Молдавия: расчёты за газ требуют урегулирования // <https://www.ritmeurasia.org/news-2017-02-02-33226774-28162>, дата обращения 15.02.2020.

Королёва А. 2019. Вопрос с транзитом газа через Украину почти решён // <https://expert.ru/2019/12/20/gaz/>, дата обращения 12.03.2020.

Степанов Г. 2019а. Молдавия просит у ЕС срочный кредит для покупки и хранения 400 млн куб. м газа // <https://noi.md/ru/jekonomika/moldova-prosit-u-es-srochnyj-kredit-dlya-pokupki-i-hraneniya-400-mln-kub-m-gaza?prev=1>, дата обращения 11.02.2020.

Степанов Г. 2019б. В Moldovogaz пояснили, почему не покупают газ в ЕС или на Украине // <https://noi.md/ru/jekonomika/v-moldovogaz-poyasnili-pochemu-ne-pokupayut-gaz-v-es-ili-na-ukraine>, дата обращения 17.03.2020.

Вопрос о поставках газа стал одним из ключевых в повестке визита нового премьер-министра Молдовы И. Кику в Москву, 2019 // Молдово-приднестровский регион. № 7–8. С. 6.

Газ зимой – вопрос национальной безопасности Молдавии, 2019 // Молдово-Приднестровский регион. № 7–8. С. 13.

Мошенническая схема в «Молдовагаз», 2019 // Молдово-Приднестровский регион. № 7–8. С. 10.

Поставки газа из Румынии, 2019 // Молдово-Приднестровский регион. № 5–6. С. 13.

Румынская Transgaz выделит более 13,4 млн евро, 2019 // Молдово-приднестровский регион. № 5–6. С. 18.

Брюссель для троих. Готова ли Молдавия к особому формату отношений с ЕС // <https://newsmaker.md/rus/novosti/bryussel-dlya-troih-gotova-li-moldova-k-osobomu-formatu-otnosheniy-s-es-34780/>, дата обращения 11.02.2020.

Власти Молдавии ведут переговоры об аренде мощностей подземных хранилищ газа на Украине // https://biz.censor.net.ua/news/3138104/vlasti_moldovy_zainteresovalis_arendoyi_ukrainskih_hranilisch_gaza, дата обращения: 09.03.2020.

ЕС поможет Молдавии внедрить Третий энергопакет // https://noi.md/ru/news_id/49805, дата обращения 14.03.2020.

Запуск газопровода «Турецкий поток» приведёт к потере Молдавией 1 млрд леев транзитных выплат // <https://ava.md/2020/01/10/zapusk-gazoprovoda-tureckiy-potok-privedet/>, дата обращения 15.02.2020.

Какие изменения ожидаются в 2020 г. в *Moldovagaz* // <https://noi.md/ru/jekonomika/kakie-izmeneniya-ozhidayutsya-v-2020-godu-v-moldovagaz>, дата обращения 01.03.2020.

НАРЭ готовит план отделения «Молдоватрансгаз» в соответствии с Третьим энергопакетом // <https://point.md/ru/novosti/ekonomika/nare-gotovit-plan-otdeleniia-34-moldovatrangaz-34-v-sootvetstvii-s-iii-energopaketom>, дата обращения 04.03.2020.

Транзит российского газа через территорию Молдавии резко сократился // <https://v-moldove.ru/novosti-ekonomika/tranzit-rossiiskogo-gaza-cherez-territoriu-moldovy-rezko-sokratilsia/#>, дата обращения 14.03.2020.

Транзит российского газа через Украину в 2019 г. увеличился на 3 % // <https://ria.ru/20200103/1563092053.html>, дата обращения 10.03.2020.

Усатый: Есть все предпосылки, чтобы газопровод Яссы – Унгены был завершён в срок // <https://point.md/ru/novosti/ekonomika/usatyi-est-vse-predposylki-chtoby-gazoprovod-iassy-ungeny-byl-zavershen-v-srok>, дата обращения 20.03.2020.

SERGEY Y. LAVRENOV,

D. Sc. (Politics), Professor, Head of Department of Moldova and Transnistria of the Institute of CIS.

Address: 7/10 b. 3 B. Polyanka str., Moscow, 119180, Russian Federation.

E-mail: lavrs2009@yandex.ru

SPIN-code: 1439-5583

NEW STAGE OF RUSSIA AND MOLDOVA GAS RELATIONS

Keywords: «Gazprom», «Moldovagaz», «Moldovatrangaz», alternative gas supply routes, III Energy package, Moldova's debt for the supply of «blue» fuel.

Abstract

The article examines the main trends in Russian-Moldovan relations in the gas sphere in early 2020, due not only to the continuation of Russian gas supplies to the Republic, but a loss of Moldova a significant part of the transit money in connection with the commissioning of the Turkish stream, in this connection, Moldovatrangaz was forced to increase the tariff for services related to the transportation of natural gas, eight times that have placed an added burden on gas consumers. Analyzes the efforts of the Moldovan authorities in the search for alternative, in addition to Russian, the options of gas supplies to the Republic the main of which is receiving reverse gas from the TRANS-Balkan gas pipeline through the territory of Bulgaria, Romania and Ukraine, the completion of the pipeline Iasi-Ungheni-Chisinau, as well as the equipment of own or lease of underground storage facilities in neighboring countries (primarily in Ukraine), which allow to provide an insurance reserve of gas in case of unforeseen circumstances. The prospects of Moldova's joining the third EU energy package are analyzed, which may complicate Russian-Moldovan relations this year, the goal of which is to reach the European energy market in Chisinau. However, Moldova's major aggregate debt to Gazprom, whose negative attitude to the Third energy package is well known, is an obstacle to this process, as is the special position of Transnistria on this issue. The energy security of Transnistria, to a large extent, depended on holding the gas contract between Russia and Ukraine in late 2019, the inability to get free gas from Russia would be a severe blow to the economy of the Republic. Accordingly, Tiraspol certainly supports Russia's position in the sphere of Russian-gas relations.

References

Law № 173 from 22.07.2005: «About Main Notes about Special Legal Status of Settlements of Left Bank of Dnestr (Transnistria)» // <http://lex.justice.md/index.php?action=view&id=313004&lang=2&view=doc>, accessed 05.02.2020. (InRuss.)

Kiselev I. 2017. Russia-Moldova: Gas Payments Need to be Settled // <https://www.ritmearasia.org/news-2017-02-02-33226774-28162>, accessed 15.02.2020. (InRuss.)

Korolyova A. 2019. The Issue of Gas Transit Through Ukraine is Almost Resolved // <https://expert.ru/2019/12/20/gaz/>, accessed 12.03.2020. (InRuss.)

Stepanov G. 2019a. Moldova Asks the EU for an Urgent Loan for the Purchase and Storage of 400 Million Cubic Meters of Gas // <https://noi.md/ru/jekonomika/moldova-prosit-u-es-srochnyj-kredit-dlya-pokupki-i-hraneniya-400-mln-kub-m-gaza?prev=1>, accessed 11.02.2020. (InRuss.)

Stepanov G. 2019b. Moldovagaz Explained Why They do not Buy Gas in the EU or in Ukraine // <https://noi.md/ru/jekonomika/v-moldovagaz-poyasnili-pochemu-ne-pokupayut-gaz-v-es-ili-na-ukraine>, accessed 17.03.2020. (InRuss.)

The Issue of Gas Supplies Has Become One of the Key Issues on the Agenda of the Visit of the New Prime Minister of Moldova I. Kiku to Moscow, 2019 // Moldova-Trans-Dniester region. № 7–8. P. 6. (InRuss.)

Gas in Winter – a Question of Moldova’s National Security, 2019 // Moldova-Trans-Dniester region. № 7–8. P. 13. (InRuss.)

Fraudulent Scheme in Moldovagaz, 2019 // Moldova- Trans-Dniester region. № 7–8. P. 10. (InRuss.)

Gas Supplies from Romania, 2019 // Moldova- Trans-Dniester region. № 5–6. P. 13. (InRuss.)

Romanian Transgaz Will Allocate More than 13,4 Million Euros, 2019 // Moldova-Trans-Dniester region. № 5–6. P. 18. (InRuss.)

Brussels in threes. Is Moldova Ready for a Special Format of Relations with the EU // <https://newsmaker.md/rus/novosti/bryussel-dlya-troih-gotova-li-moldova-k-osobomu-formatu-otnosheniy-s-es-34780/>, accessed 11.02.2020. (InRuss.)

Moldovan Authorities Are Negotiating to Lease Underground Gas Storage Facilities in Ukraine // https://biz.censor.net.ua/news/3138104/vlasti_moldovy_zainteresovalis_arendoyi_ukrainskih_hranilisch_gaza, accessed 09.03.2020. (InRuss.)

EU Will Help Moldova to Implement the Third Energy Package // https://noi.md/ru/news_id/49805, accessed 14.03.2020. (InRuss.)

The Launch of the Turkish Stream Gas Pipeline Will Cause Moldova to Lose 1 Billion Lei in Transit Payments // <https://ava.md/2020/01/10/zapusk-gazoprovodatureckiy-potok-privedet/>, accessed 15.02.2020. (InRuss.)

What Changes Are Expected in 2020 in Moldovagaz // <https://noi.md/ru/jekonomika/kakie-izmeneniya-ozhidayutsya-v-2020-godu-v-moldovagaz>, accessed 01.03.2020. (InRuss.)

ANRE is Preparing a Plan for the Moldovatransgaz Branch in Accordance with the Third Energy Package // <https://point.md/ru/novosti/ekonomika/nare-gotovit-plan-otdeleniia-34-moldovatransgaz-34-v-sootvetstvii-s-iii-energopaketom>, accessed 04.03.2020. (InRuss.)

The Transit of Russian Gas Through the Territory of Moldova Has Sharply Decreased // <https://v-moldove.ru/novosti-ekonomika/tranzit-rossiiskogo-gaza-cherez-territoriu-moldovy-rezko-sokratilsia/#>, accessed 14.03.2020. (InRuss.)

Russian Gas Transit Through Ukraine Increased by 3 % in 2019 // <https://ria.ru/20200103/1563092053.html>, accessed 10.03.2020. (InRuss.)

Usatii: There Are All Prerequisites for the Yassy-Ungeny Gas Pipeline to Be Completed on Time // <https://point.md/ru/novosti/ekonomika/usatyi-est-vse-predposylki-chtoby-gazoprovod-iassy-ungeny-byi-zavershen-v-srok>, accessed 20.03.2020. (InRuss.)

Евгения ШАВИНА
Виктор ПРОКОФЬЕВ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС С РОССИЕЙ

Энергетическое взаимодействие стран БРИКС носит дискретный, разобщённый характер. Страны связывает исключительно торговля нефтепродуктами, при этом инвестиционный портфель мало касается совместных проектов в энергетике. Китай активно реализует проекты в Бразилии, индийские инвесторы проявляют интерес к российским проектам с высокой отдачей и готовы перенять опыт и технологии при строительстве объектов в Индии. Для союза государств БРИКС важно развитие взаимоотношений в энергетической сфере для формирования общего видения энергетической политики и повышения устойчивости к кризисам путём согласованных взаимных действий. Реализация совместных проектов в энергетике и смежных отраслях позволит повысить уровень экономического сотрудничества и развития стран объединения. Это является особенно важным для России в условиях волатильности на мировых рынках нефти и санкционной политики стран Запада. Авторами проведён анализ энергетического потенциала стран БРИКС с точки зрения направлений взаимодействия России с каждой из стран союза. Основным торговым партнёром на сегодняшний день остаётся Китай, который импортирует значительный объём российских энергоресурсов. Российско-китайское сотрудничество активно развивается и по линии реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов. С остальными странами отношения в энергетической сфере развиты не так сильно ввиду географической удалённости. Несмотря на это, правительства стран ведут энергетический диалог и принимают различные меры для укрепления взаимоотношений.

ШАВИНА Евгения Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова, старший научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ. *Адрес:* Российская Федерация, г. Москва, 119180, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3. *E-mail:* evgeniyashavina@gmail.com. *SPIN-код:* 7310-5921.

ПРОКОФЬЕВ Виктор Анатольевич, магистр РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина. *Адрес:* Российская Федерация, г. Москва, 119991, Ленинский пр-т, д. 65. *E-mail:* ghjr12@mail.ru. *SPIN-код:* 1430-7719

Ключевые слова: энергетика, БРИКС, нефть, природный трубопроводный газ, сжиженный газ (СПГ), нефтепродукты, экспорт, инвестиции, сотрудничество.

Введение

Глобальные энергетические проблемы, политизация энергетической сферы во многих странах порождает необходимость согласованной энергетической политики в рамках БРИКС. При налаживании отношений в энергетике, и нефтегазовой отрасли в частности, важно учитывать специфику союза БРИКС, а именно присутствие в группе как крупных экспортёров, так и крупных импортёров энергии [Рязанова, 2019 : 120].

Первое место среди экспортёров принадлежит России. Однако стоит отметить, что российское энергетическое сотрудничество в рамках БРИКС имеет весьма узконаправленный вектор. В настоящее время из стран союза единственным крупным партнёром России является Китай (табл. 1) [BP Statistical Review, 2019 : 14–41]. Низкий уровень взаимной торговли с остальными странами объединения объясняется, с одной стороны, территориальной удалённостью, а с другой – слабыми историческими и культурными связями.

С 2020 г. начался экспорт газа по ответвлению газопровода «Сила Сибири», есть перспектива роста экспорта СПГ, несмотря на то, что сейчас природный газ практически не участвует в торговых операциях в рамках БРИКС. Исключение составляют небольшие объёмы поставок российского СПГ в Китай. Новым рынком для России является Индия. Однако индийские государственные компании нацелены в первую очередь на сотрудничество в нефтяной сфере [Родионова, Черняев, Шувалова, 2017 : 180].

БРИКС может стать эффективной площадкой для развития сотрудничества в энергетике. Россия может использовать данный механизм не только для выстраивания двусторонних отношений в сфере энергетики, но и для реализации общей политики, соответствующей национальным интересам. Так, отечественные компании могут рассчитывать на китайские и индий-

Таблица 1

Показатели внешней торговли энергоресурсами России со странами БРИКС, 2018 г.

Экспорт	Китай	Индия	Бразилия	ЮАР
Нефть сырая, млн т	77,6	2,2	–	–
Нефтепродукты, тыс. т	4900	1100	640	40
Природный газ, млрд куб. м	1,3 (СПГ)	–	–	–
Уголь, млн т	17,1	2,9	1,0	–
Электроэнергия, млрд кВт.ч	3,0	–	–	–
Импорт	Отсутствует			

Источник: [Распределение экспорта товаров России по странам...].

Таблица 2

Энергетический баланс стран БРИКС в 2017-2018 гг., млн т н. э.

2017	Нефть	Газ	Уголь	Атомная	Гидроэн.	ВИЭ	Всего
Китай	610,7	206,7	1890,4	56,1	263,6	111,4	3139
Индия	227,1	46,2	415,9	8,5	30,7	21,7	750,1
Россия	151,5	370,7	83,9	46	41,9	0,3	694,3
Бразилия	136,1	32,4	16,6	3,6	83,9	21,4	293,9
ЮАР	27,5	3,8	84,3	3,6	0,2	2,4	121,8
2018	Нефть	Газ	Уголь	Атомная	Гидроэн.	ВИЭ	Всего
Китай	641,2	243,3	1906,7	66,6	272,1	143,5	3273,5
Индия	239,1	49,9	452,2	8,8	31,6	27,5	809,2
Россия	152,3	390,8	88	46,3	43	0,3	720,7
Бразилия	135,9	30,9	15,9	3,5	87,7	23,6	297,6
ЮАР	26,3	3,7	86	2,5	0,2	2,8	121,5

ские инвестиции, необходимые для освоения проектов в Арктике. Кроме этого, проекты глубоководной добычи нефти на шельфе Бразилии позволят отечественным компаниям получить свою долю продукции, расширить рынок сбыта, а также получить опыт использования иностранных технологий. Взаимодействие стран с ЮАР перспективно преимущественно в угольной сфере [Харитоновна, 2019а: 30], южноафриканские власти активно использовали концессионный механизм для привлечения лучших специалистов по преобразованию угля, в том числе методом Фишера – Тропша в период апартеида.

Определение областей сотрудничества строится на анализе энергетического баланса стран, представленного в табл. 2 [BP Statistical Review, 2019 : 9], [Статистический ежегодник, 2019].

Как видно из табл. 2, энергетика Китая, Индии и ЮАР основана на собственной угольной базе, в перспективе планируется эксплуатация атомных электростанций. Бразилия использует энергию гидроэлектростанций в силу прибрежного расположения, а также возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Таким образом, целесообразно изучить ресурсную базу стран, входящих в союз, определить их политику в сфере энергетики, провести анализ реализуемых проектов и на основе этой информации предложить пути сотрудничества стран БРИКС с Россией.

Состояние и перспективы развития энергетики Китая

В настоящее время на китайскую экономику приходится 17,7 % мирового потребления энергоносителей. Китайская экономика ежегодно растёт на 6–8 %, численность населения также имеет тенденцию к росту после снятия запрета «1 семья – 1 ребёнок». Указанные факторы порождают спрос на энергоресурсы и прежде всего нефтепродукты, которые дешевле газа и при этом имеют больший гомологический ряд, что позволяет производить разнообразные полимеры и нефтепродукты с высокой добавленной стоимостью. Собственных топливных ресурсов КНР недостаточно для обеспечения запросов развивающейся промышленности.

Китай начал импортировать нефть с 1993 г. В 2004 г. объём импорта нефти составил 100 млн т (доля России составила 7,4 %), в 2014 г. уже – 310 млн т (доля России возросла до 9,7 %), в 2019 г. импорт составил рекордные 500 млн т (13,4 % поставила Россия) (табл. 3). По прогнозу *EIA* к 2030 г. удельный вес импортируемой нефти увеличится на 60 % [*Country Analysis Briefs*, 2015 : 3].

Самым крупным разрабатываемым нефтяным месторождением Китая является Дацинский нефтегазоносный бассейн в провинции Хэйлуцзян. Добыча осуществляется на морских платформах в Южно- и Восточно-Китайском морях. Активно осваиваются месторождения сланцевой нефти и газа, а также бурение сверхглубоких скважин (Таримский нефтегазовый бассейн) [*Игнатьева*, 2020].

Таблица 3

Значение и динамика основных показателей энергетики Китая за 2008–2018 гг.

Показатель	2008	2010	2014	2016	2018	2008–2018
<i>Нефть, млн т</i>						
Добыча	190,4	203,0	211,4	199,7	189,1	0,3 %
Потребление	384,7	455,5	539,3	587,0	641,2	4,9 %
Переработка	6828	8408	10155	11084	12441	5,9 %
Мощность НПЗ	10360	12323	15253	14855	15655	4,9 %
<i>Природный газ, млрд куб. м</i>						
Добыча	80,9	96,5	131,2	137,9	161,5	7,9 %
Потребление	81,9	108,9	188,4	209,4	283,0	13,0 %
Импорт по трубе	—	3,4	30,3	36,8	47,9	14 раз
Импорт СПГ	4,6	13,0	27,3	36,8	73,5	29,3 %

Источник: [*BP Statistical Review*, 2019 : 14–41]

Таблица 4

Страны-импортёры сырой нефти в Китай в 2014–2018 гг.

Страна	Импорт в 2014 г., млн т	Доля, %	Импорт в 2018 г., млн т	Доля, %
Саудовская Аравия	49,7	16,1	83,3	16,5
Ангола	40,6	13,2	47,4	9,4
Россия	33,1	10,7	77,6	15,4
Оман	29,7	9,6	33,9	6,7
Ирак	28,6	9,3	51,8	10,2
Иран	27,5	8,9	14,8	2,9
Венесуэла	13,8	4,5	11,4	2,3
ОАЭ	11,6	3,8	15,3	3,0
Кувейт	10,6	3,4	22,7	4,5
Колумбия	10,1	3,3	13,1	2,6
Бразилия			40,2	7,9
<i>Общий вес</i>	255,3	82,8	400,0	79,1
<i>Импорт нефти</i>	308,4	100	505,7	100
<i>Объём добычи нефти</i>	211,4	—	190,1	—

Источник: [GACC. China's Total Export & Import Values by Country/Region, January – February, 2020]

Китайский импорт сырой нефти составляет от 55 % до 65 % потребления, поэтому топливно-энергетическое взаимодействие с КНР является ключевой задачей как самого Китая, так и стран экспортёров. Главные поставщики нефти для Китая – страны Ближнего Востока. Нестабильность ситуации в регионе привела к диверсификации поставок и заключению долгосрочных контрактов на поставку нефти и газа из Анголы, России, Венесуэлы, Колумбии (табл. 4).

В январе 2020 г. экспорт российской нефти в Китай, по данным ФТС, упал на 30 % по сравнению с январём 2019 г. Россия отгрузила нефти в Китай на 2 млрд долл. против 2,8 млрд долл. в 2019 г., объём экспорта снизился на 36 %. Частично падение обусловлено ужесточением эпидемиологического режима на производственных объектах нефтегазовых предприятий, частично произошла замена российской нефти на более дешёвую саудовскую [Побирченко, 2016 : 61]. Цена нефти марки *Arab Light* в среднем на 6 долл. ниже, чем *Brent* в результате мер ценовой войны Эр-Рияда против Москвы, после того как российские компании нарушили сделку по сокращению добычи нефти ОПЕК+.

По мнению аналитиков *The Wall Street Journal*, поставки саудовской нефти имеют физические ограничения. По данным *Argus*, стоимость фрахта

танкера объёмом 2 млн барр. сырой нефти на сутки в январе – феврале 2020 г. составила 200–300 тыс. долл. против 33 тыс. долл. в конце 2019 г. Кроме того, одним из результатов торговой войны с США в 2019 г. явилось то, что крупнейшая китайская государственная нефтехимическая компания *Sinochem* одним из условий тендера на поставку нефти сделала то, что компания-участник не должна находиться под санкциями США. В марте США ввели санкции против *Rosneft Trading* и *TNK Trading* за торговлю венесуэльской нефтью. В результате китайская компания формально не имеет права закупать нефть у ПАО «НК „Роснефть“».

До сих пор Китай остаётся лидером среди импортёров российской нефти. За ним идут Нидерланды с показателем 1,3 млрд долл., затем – Германия – около 1 млрд долл. и Италия – 0,6 млрд долл. В 2019 г. Россия поставила Китаю 47 % трубопроводной нефти и треть поставок через порты.

Китай диверсифицирует источники поставок энергоресурсов [Харитонов, 2019b: 132]. По итогам 2019 г. Китай вышел на второе место среди иностранных инвесторов в Казахстане. Основные направления инвестиций – добыча, переработка и транспортировка углеводородов, а также разработка урановых месторождений [Шелепов, 2017]. Был построен газопровод «Центральная Азия – Казахстан» мощностью 40 млрд куб. м. В 2011 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между «Казатомпромом» и Китайской Гуандунской ядерно-энергетической корпорацией в атомной отрасли [Мастепанов, 2019: 6–10]. К 2030 г. поставки уранового топлива из Казахстана могут покрыть до 40 % потребностей АЭС Китая. Замещение нефти и газа атомной энергией приведёт к ужесточению конкуренции за поставки топлива, кроме того, ГК «Росатом» будет идти на уступки, чтобы удержаться в Китае.

В 2018 г. Китай импортировал из Туркмении 33,3 млрд куб. м, из Узбекистана – 6,3 млрд куб. м, из Казахстана – 5,4 млрд куб. м. По данным ВР, Россия поставляла только сжиженный газ объёмом 1,3 млрд куб. м, что составляет менее 2 %.

Ежегодно с 1996 г. проходит Энергетический диалог России и Китая. Среди ключевых событий можно выделить несколько: в 2011 г. начал свою работу отвод ВСТО трубопровод «Сковородино – Дацин», по нему ежегодно экспортируется от 15 до 30 млн т нефти; в 2014 г. ПАО «Газпром» и *CNPC* подписали договор о поставке газа в объёме 380 млрд куб. м (обсуждение условий договора проходило в течение 10 лет).

Помимо этого, планируется что ПАО «Газпром» предоставит Китаю услуги в области оптимизации сети транспортировки газа и строительства подземных хранилищ газа (ПХГ). Сотрудничество в газовой сфере пока ограничено – в структуре потребления энергоресурсов природный газ составляет всего 2,1 %. Китайское правительство планирует к реализации 14-ю энергетическую пятилетку (2021–2025 гг.), в рамках которой будет

расширено получение энергии из возобновляемых источников, а также тепла и энергии из газа.

Сотрудничество КНР и России в энергетике усиливается благодаря территориальной близости стран, что важно при транспортировке углеводородов. Поддержание благоприятных отношений с Китаем позволяет российским экспортёрам обеспечить стабильный долгосрочный сбыт продукции, а также привлечь инвестиции для реализации новых проектов [Шавина, 2019 : 140].

Китайские нефтегазовые компании способствуют продвижению национального сервиса, исключение составляют разовые работы иностранных компаний, использующие новейшие технологии. Так, освоение китайского шельфа обеспечивается технологиями и техникой, созданной научно-производственным комплексом *CNOOC* (Китайская национальная офшорная нефтяная компания). Китайский сервис ценится и на российском рынке. Китайская сейсмическая компания *Bureau of Geophysical Prospection* ведёт сейсморазведку месторождений в Западной Сибири. Взаимодействие обеих стран усилилось после введения санкций.

Потенциал энергетики Бразилии и сотрудничество с Россией

Энергетика Бразилии на 66 % обеспечивается гидроэлектростанциями большой мощности (свыше 100 Мвт), на 18 % – возобновляемыми источниками энергии (ветровые и солнечные электростанции, геотермальные), 8 % приходится на газ, оставшиеся 8 % – энергия, полученная из нефти, угля и ядерная энергия.

Нефтегазовые месторождения сосредоточены преимущественно на шельфе Бразилии (94,9 %), также есть небольшой запас на континенте (5,1 %). Крупнейшие шельфовые месторождения – Эспириту-Санту (7,7 % запасов углеводородов Бразилии) и Сан-Паулу (3,8 % запасов). Месторождения на суше сосредоточены в штатах Сержипи (1,6 % суммарных запасов), Риу-Гранди-ду Норти (1,5 %) и Баия (1,4 %).

Для совместного освоения со странами БРИКС могут быть рассмотрены крупные бассейны *Santos* и *Campos*. Данные бассейны имеют сложное геологическое строение: морское дно имеет глубину 2 км, далее идёт солевой слой 5 км толщиной. Запасы всего бассейна превышают 3000 млн т, однако требуют значительных капитальных вложений.

В 2010 г. был принят закон о тендерах на разработку месторождений глубоководного шельфа на условиях СРП, важным условием является участие *Petrobras* в качестве оператора и его 30 % доля в проекте. С 2016 г. участие *Petrobras* в новых проектах с предсолевым слоем стало необязательно в силу сложности процедур контроля и необходимости привлечения иностранных инвесторов.

Среди участников проектов Бразилии международные нефтегазовые компании: *ExxonMobil*, *Shell*, *BP*, *Total*, *Chevron*, *Equinor*. Активное участие принимают китайские компании, так в 2013 г. было подписано СРП на разработку месторождения *Libra* с начальными извлекаемыми запасами 700 млн т с консорциумом компаний, состоящим из *Petrobras* (40 %), *Shell* (20 %), *Total* (20 %), *CNOOC* (10 %) и *CNPC* (10 %). Добыча стартовала в 2017 г. и составила 2,5 млн т в год. Для освоения нескольких блоков месторождений в бассейне *Santos* было создано совместное предприятие компаний *Repsol* и китайской компанией *Sinopec* – *Repsol Sinopec Brasil* [Ежов, 2018 : 191].

В 2018 г. было добыто 135,5 млн т нефти, из которых треть была экспортирована (49,6 млн т; рост, по сравнению с 2017 г., составил 23,2 %). Для первичной переработки в 2018 г. было импортировано 6,9 млн т нефти. Основные направления экспорта: Китай (42,4 %), США (17,1 %), Индия (9,2 %), Чили (8,6 %), Испания (6,8 %), Уругвай (4,2 %). Поставщиком нефтяного сырья является Саудовская Аравия (62 %), Алжир (20 %), Нигерия (14 %), Ирак (4 %).

Бразилия является нетто-импортёром нефтепродуктов. На местных НПЗ ежегодно сокращается производство, в структуре производства и потребления преобладают дизельное топливо (38–40 %) и автомобильный бензин (25–28 %). Экспортируется в основном топочный мазут для заправки морских судов в Сингапур (13 %), США (13 %), Кюрасао (5 %) и Нидерланды (5 %). Закупка нефтепродуктов (дизельного топлива и автомобильного бензина высокой степени очистки и экологичности) осуществляется у США (47 %), Алжира (14 %), Нидерландов (9 %) и России (3 %).

Что касается российско-бразильского сотрудничества, то для России важно наращивание поставок нефтепродуктов в Бразилию, которые ничем не уступают зарубежным аналогам. Сдерживающим фактором является географическая отдалённость и вытекающее из этого транспортное плечо. Поскольку товарооборот между странами не растёт, но в то же время бразильские компании оказывают конкурентоспособные услуги по доставке и экспедированию грузов, в т. ч. танкерами, для стимулирования импорта российских нефтепродуктов следует снизить цену на 5–10 %, что сделает выгодными российские продукты для Бразилии [Лобирченко, 2016 : 58].

Перспективным направлением сотрудничества является обмен опытом при строительстве и реконструкции НПЗ в Бразилии. Компания *Petrobras* планирует построить два НПЗ по производству высококачественного керосина и дизельного топлива: НПЗ *Bacabeira* (15 млн т в год на первом этапе, 30 млн т на втором этапе) и НПЗ *Caucaia* (15 млн т в год).

Как было отмечено выше, китайские инвесторы чрезвычайно активны в ряде стран БРИКС. Так КНР стала главным поставщиком капи-

таловложений в бразильскую экономику. В 2018 г. 35 % прямых иностранных инвестиций (ПИИ), привлечённых в Бразилию, пришлось на китайские компании, причём треть инвестиций направлена на кооперацию в области добычи углеводородов на бразильском шельфе [Соломонов, 2019 : 53]. России следует присмотреться к бразильским проектам для получения дополнительных доходов и продвижения своих энергетических целей.

Энергетическое взаимодействие ЮАР и России

ЮАР удовлетворяет свои энергетические потребности за счёт разработки месторождений углей и урана. В 2013 г. на западе страны открыто газовое месторождение Ибхубеси в бассейне р. Оранжевая, запасы которого оценены в 45 млрд куб. м.

Россия поддерживает благоприятные отношения с ЮАР. В 2017 г. было подписано соглашение между АО «Росгеология» и южноафриканской нефтегазовой госкорпорацией «Петро-Эс-Эй» о сотрудничестве в области разведки и разработки углеводородного сырья на шельфе ЮАР. ГК «Росатом» осуществляет разведку и добычу урановой руды, а также занимается строительством атомных электростанций в стране. В 2014 г. было подписано межправительственное соглашение о партнёрстве в атомной промышленности, в рамках которого предусматривается строительство 9 энергоблоков суммарной мощностью 9,6 ГВт. Дочерней структурой ГК «Ренова» реализована первая очередь по строительству солнечных энергоустановок для южноафриканского холдинга *Dawn Group* [Клавдиенко, 2019 : 85]. В ходе рабочей встречи министров энергетики России и ЮАР в Кейптауне в 2018 г. была достигнута договорённость о поставках сжиженного природного газа в ЮАР.

Анализ структуры товарооборота России с ЮАР свидетельствует о преобладании продовольственных товаров и сырья для их производства, а также сельскохозяйственной продукции. По данным ФТС России в 2019 г. в ЮАР было экспортировано 0,04 млн т нефтепродуктов из битуминозных пород, 0,002 млн т дизельного топлива, 0,035 млн т жидкого топлива. ЮАР закупает у России 0,02 млн т топлива с содержанием серы от 1 до 2 % и 0,004 млн т — от 2 % до 2,8 %.

Отметим, что сотрудничество России с ЮАР в энергетической сфере находится в самой начальной стадии, хотя межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области энергетики было подписано ещё в марте 2013 г. Его наиболее перспективными направлениями считаются геологоразведка, добыча и переработка полезных ископаемых, строительство энергетических объектов, включая ГЭС, сооружение нефте- и газопроводов. Но конкретных проектов пока очень мало [Мастепанов, 2016 : 8].

Совместные инвестиционные проекты России и Индии в энергетике

В 60-х гг. XX века СССР помог Индии найти нефть в штате Ассам. За 2008–2018 гг. Индия увеличила балансовые запасы нефти в 1,2 раза, добычу – до более 33 млн т в год, потребление – в 1,4 раза за счёт роста импорта в 2,1 раза. Весь газ в Индии получают при эксплуатации нефтяных месторождений. За последние 10 лет разведанные запасы газа увеличены в 1,2 раза, добычи и потребления – в 1,6 раза. Одновременно импорт газа достиг почти 3 млрд куб. м.

Индийские государственные нефтегазовые компании заинтересованы в сотрудничестве в нефтяной сфере с российскими компаниями. Сотрудничество началось ещё в 2011 г., когда индийская *Imperial Energy* начала разработку месторождения в Томской области. Негативный опыт работы в России в результате сложных геологических условий и высокой налоговой нагрузки привели к сокращению активности индийских инвесторов [Тихонов, 2020].

В 2017 г. после успешного вхождения в проект «РН-Ванкор» индийские компании проявляют повышенный интерес к российской Арктике и проектам на шельфе Охотского моря. В ООО «РН-Ванкор» 50,1 % принадлежит ПАО «НК „Роснефть“», 23,9 % – консорциуму индийских инвесторов, состоящих из *Oil India Limited* (возглавляет консорциум), *Indian Oil Corporation Limited* и *Bharat PetroResources Limited*, 26 % приобрела *ONGC*. Индийские компании изъявили желание участвовать в новом проекте «Восток Ойл». Компания *ONGC* во время переговоров предложила ПАО «НК „Роснефть“» доли в своих проектах по нефтепереработке и в газовом секторе в Индии. Указанные проекты интересны для России, поскольку позволяют масштабировать отечественные разработки и поставлять нефть другим странам [Акарашов, 2017 : 225].

Текущее взаимодействие двух стран осуществляется на основе поставок российской нефти через порт Новороссийск в Индию. В 2020–2025 гг. Индия рассчитывает на поставку сжиженного газа с острова Сахалин. Совместные проекты позволят повысить энергетическую безопасность Индии и укрепить позиции российских компаний в Азии.

Заключение

Проведённое исследование свидетельствует о том, что минерально-сырьевая база топливно-энергетического комплекса стран БРИКС активно развивается. Доля подтверждённых запасов/добычи (от мировых) государств БРИКС незначительна: нефть – 11,1/22,4 %, природный горючий газ – 28,7/22,6 %, уголь – 43,4/65,4 %. Страны-участники имеют

взаимодополняющие минерально-сырьевые ресурсы, которые позволят решать вопросы дефицита минерального сырья и продуктов их переработки в рамках взаимовыгодных международных торгово-экономических связей.

Объединение БРИКС существует уже более десяти лет, а вопрос о его дальнейшем развитии становится всё более дискуссионным [Шавина, Браткова, 2017 : 367]. Одни эксперты считают, что БРИКС может стать основой нового миропорядка, другие — что объединение стран символично и не способно оказывать существенное влияние на мировые процессы, третьи рассматривают группировку в основном как антизападную коалицию. Существует большое количество факторов, которые способны как сплотить, так и разобщить БРИКС [Шатская, 2019].

Энергетика играет значительную роль в содействии социальному и экономическому развитию стран БРИКС. На фоне глобальной трансформации энергетики перед странами БРИКС стоят задачи как по выстраиванию оптимальных конфигураций функционирования собственных энергетических систем с учётом экономико-демографических процессов, так и по определению своего перспективного места и роли на глобальных рынках.

Основными направлениями сотрудничества стран в рамках БРИКС в области энергетики могут стать:

- 1) взаимные инвестиции в энергетические проекты (для России это важно при освоении новых территорий Арктики и разработке месторождений трудноизвлекаемых запасов);
- 2) обмен опытом и технологиями [Дежина, 2015 : 22];
- 3) наращивание поставок углеводородов в рамках союза (экспорт нефти и СПГ из России в Индию, рост поставок в Китай) [Шавина, 2019 : 146];
- 4) разработка единого видения и проведения согласованной энергетической политики на региональных и глобальных энергетических рынках, что важно для недопущения манипулирования ценами и ведёт повышению устойчивости национальных экономик.

Все страны БРИКС заинтересованы в укреплении и расширении взаимного сотрудничества и выражают готовность прилагать совместные усилия в достижении поставленных целей. На данный момент очень важно, чтобы страны группировки перешли от заявлений к реальным действиям и начали воплощать свои планы. Если им удастся это сделать, то группировка БРИКС обретёт все шансы на дальнейшее успешное существование. Сегодня особо важно уделить внимание перспективам энергетического сотрудничества стран БРИКС и стабилизации рынка энергоресурсов в условиях преодоления последствий пандемии *COVID-19*.

Список литературы

Распределение экспорта товаров России по странам. Федеральная Таможенная Служба России // <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:3482735142999177::NO>, дата обращения 20.03.2020.

Статистический ежегодник мировой энергетики Enerdata // <https://yearbook.enerdata.ru/coal-lignite/coal-world-consumption-data.html>, дата обращения 20.03.2020.

BP Statistical Review of World Energy 2019 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>, дата обращения 20.03.2020.

Country Analysis Briefs. China. US Energy Information Administration 2015 // https://www.energy.gov/sites/prod/files/2016/04/f30/China_International_Analysis_US.pdf, дата обращения 20.03.2020.

The General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC). China's Total Export & Import Values by Country/Region, January-February 2020 (in USD). 2020 // <http://english.customs.gov.cn/Statics/0db3b72a-433b-4376-b1ef-78a5c169f0fc.html>, дата обращения 20.03.2020.

Акарашов И. С. 2017. Россия – Индия: необходимо повышать уровень доверия – Вестник Российского университета дружбы народов. Т. 9. № 3. С. 222–233.

Дежина И. Г. 2015. Страны БРИКС: направления научной кооперации – Мировая экономика и международные отношения. № 9. С. 14–23.

Ежов В. В. 2018. Китайско-бразильское энергетическое сотрудничество – Международные отношения. № 2. С. 188–192.

Клавдиенко В. П. 2019. Возобновляемая энергетика в странах БРИКС: контуры мейнстрима – Инновации. № 4 (246). С. 82–87.

Мастепанов А. М. 2016. Сотрудничество стран БРИКС в энергетической сфере как фактор прогнозирования мирового энергопотребления – Бурение и нефть. № 1. С. 5–12.

Побирченко В. В., Сеницына Н. Д. 2016. Изменение роли ТЭК в экономике России под влиянием ценовых факторов мирового энергетического рынка – Национальная безопасность России: актуальные аспекты. № 5–1. С. 53–58.

Родионова И. А., Черняев М. В., Шувалова О. В. 2017. Оценка потенциала БРИКС в мировой энергетике – Фундаментальные исследования. № 6. С. 175–185.

Рязанова М. О. 2019. Факторы многостороннего энергетического сотрудничества стран БРИКС – Российский внешнеэкономический вестник. № 5. С. 116–127.

Рязанова М. О. 2014. Энергетическое взаимодействие в рамках БРИКС – Вестник МГИМО. № 6 (39). С. 108–117.

Соломонов А. П. 2019. Развитие мировой нефтепереработки под влиянием структурных изменений в топливно-энергетическом балансе – Вестник Евразийской науки. Т. 11. № 6. С. 53.

Харитонова Д. В. 2019а. БРИКС и энергосотрудничество в рамках «Большой Евразии» – Геоэкономика энергетики. № 4 (8). С. 16–32.

Харитонова Д. В. 2019б. Нефтегазовая энергетика Китая: состояние и перспективы – Геоэкономика энергетики. № 2 (6). С. 127–138.

Шавина Е. В. 2019. Экспортная инфраструктура российского нефтегазового сектора и её развитие в современных условиях – Геоэкономика энергетики. № 2 (6). С. 138–146.

Шавина Е. В. 2015. Усиление инновационного сотрудничества России со странами БРИКС как основа дальнейшего экономического развития в условиях обострения геополитической обстановки – Экономика образования. № 1 (86). С. 4–11.

Шавина Е. В., Браткова В. С. 2017. Усиление инвестиционного сотрудничества России со странами БРИКС на современном этапе – Новые вызовы и перспективы развития российской экономики. С. 363–368.

Шатская И. И. 2019. Научно-техническое сотрудничество в рамках стран БРИКС – Вестник Юридического института МИИТ. № 3 (27). С. 16–26.

Шелепов А. В. 2017. Обеспечение устойчивости экономического роста: вызовы и возможности национальные банки развития стран БРИКС: возможности сокращения дефицита инвестиций в инфраструктуру – Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 12. № 4. С. 7–31.

Игнатьева А. 2020. Китай впервые допустит зарубежные компании к геолого-разведке // <https://neftegaz.ru/news/dobycha/516770-kitay-vpervye-dopustit-zarubezhnye-kompanii-k-razvedke-i-dobyche-nefti-i-gaza/>, дата обращения 20.03.2020.

Тихонов С. 2020. Индия готова инвестировать в нефтегазовые проекты в России // <https://rg.ru/2020/01/15/india-gotova-investirovat-v-neftegazovye-proekty-v-rossii.html>, дата обращения 20.03.2020.

Ibhubesi Gas Field, Orange Basin // <https://www.offshore-technology.com/projects/ibhubesi-gas-field-orange-basin/>, дата обращения 20.03.2020.

Evgeniya V. SHAVINA,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and History, Plekhanov Russian University of Economics, Senior Researcher of the Economic Research Department of the Institute of CIS.

Address: 7/10 b. 3 B. Polyanka str., Moscow, 119180, Russian Federation.

E-mail: evgeniyashavina@gmail.com

SPIN-code: 7310-5921

Viktor A. PROKOF'EV,

Master's Degree Student of National university of Oil and Gas (Gubkin University).

Address: 65, Leninsky Ave., Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: ghjr12@mail.ru.

SPIN-code: 1430-7719

ENERGY POTENTIAL AND DIRECTIONS OF COOPERATION OF BRICS COUNTRIES WITH RUSSIA

Keywords: energy, BRICS, oil, natural pipeline gas, liquefied natural gas (LNG), petroleum products, exports, investments, cooperation.

Abstract

The energy interaction of the BRICS countries is discrete, disjointed. Countries link exclusively trade in petroleum products, with the investment portfolio not concerned with joint energy projects. China is actively implementing projects in Brazil, Indian investors are showing interest in Russian projects with high returns and are ready to accept experience and technology in the construction of facilities in India. For the BRICS Union of States, it is important to develop mutual relations in the energy sector in order to form a common vision of energy policy and increase resilience to crises through coordinated mutual actions. Implementation of joint projects in the energy sector and related industries will increase the level of economic cooperation and development of the union countries. This is especially important for Russia in conditions of volatility in world oil markets and the sanctions policy of Western countries. The authors analyzed the energy potential of the BRICS countries in terms of areas of interaction between Russia and each of the Union countries. The main trading partner today remains China, which imports a significant amount of Russian energy resources. Russian-Chinese cooperation is also actively developing through the implementation of joint infrastructure and investment projects. With other countries, relations in the energy sector are not

so developed due to geographical remoteness. Despite this, the leadership of the countries are conducting an energy dialogue and are taking various measures to strengthen relations.

References

Distribution of Russian Goods Exports by Country. The Federal Customs Service of Russia // <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:3482735142999177::NO>, accessed 20.03.2020. (InRuss.)

Statistical Yearbook of World Energy Enerdata // <https://yearbook.enerdata.ru/coal-lignite/coal-world-consumption-data.html>, accessed 20.03.2020. (InRuss.)

BP Statistical Review of World Energy 2019 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>, accessed 20.03.2020. (InEng.)

Country Analysis Briefs. China. US Energy Information Administration 2015 // https://www.energy.gov/sites/prod/files/2016/04/f30/China_International_Analysis_US.pdf, accessed 20.03.2020. (InEng.)

The General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC). China's Total Export & Import Values by Country/Region, January-February 2020 (in USD). 2020 // <http://english.customs.gov.cn/Statics/0db3b72a-433b-4376-b1ef-78a5c169f0fc.html>, accessed 20.03.2020. (InEng.)

Akarashov I. S. 2017. Russia – India: It Is Necessary to Raise the Level of Trust – The Herald of the Russian University of Peoples' Friendship. T. 9. № 3. P. 222–233. (InRuss.)

Dejana I. G. 2015. BRICS Countries: Areas of Scientific Cooperation – World Economy and International Relations. № 9. P. 14–23. (InRuss.)

Jezhov V. V. 2018. China-Brazil Energy Cooperation – International Relations. № 2. P. 188–192. (InRuss.)

Claudienko V. P. 2019. Renewable Energy in BRICS Countries: Contours of the Mainstream – Innovation. № 4 (246). P. 82–87. (InRuss.)

Mastepanov A. M. 2016. BRICS Cooperation in the Energy Sector as a Factor in Forecasting Global Energy Consumption – Drilling and Oil. № 1. P. 5–12. (InRuss.)

Pobirchenko V. V., Sinitsina N. D. 2016. Changing the Role of the Power Plant in the Russian Economy Under the Influence of Price Factors of the World Energy Market – Russia's National Security: Topical Aspects. № 5–1. P. 53–58. (InRuss.)

Rodionova I. A., Chernyaev M. V., Shuvalova O. V. 2017. Assessment of BRICS' Potential in Global Energy – Fundamental Research. № 6. P. 175–185. (InRuss.)

Ryazanova M. O. 2019. Factors of Multilateral Energy Cooperation of the BRICS Countries – The Russian Foreign Economic Gazette. № 5. P. 116–127. (InRuss.)

Ryazanova M. O. 2014. Energy Interaction Within the BRICS Framework – MGIMO Gazette. № 6 (39). P. 108–117. (InRuss.)

Solomonov A. P. 2019. The Development of the World Oil Refining under the Influence of Structural Changes in the Fuel and Energy Balance – The Journal of Eurasian Science. Т. 11. № 6. P. 53. (InRuss.)

Kharitonova D. 2019a. BRICS and Energy Cooperation Within the Framework of «Greater Eurasia» – Geoeconomics of Energy. № 4 (8). P. 16–32. (InRuss.)

Kharitonova D. 2019b. China Oil and Gas Energy: State and Prospects – Geoeconomics of Energy. № 2 (6). P. 127–138. (InRuss.)

Shavina E. 2019. Export Infrastructure of the Russian Oil and Gas Sector and Its Development in Modern Conditions – Geoeconomics of Energy. № 2 (6). P. 138–146. (InRuss.)

Shavina E. 2015. Strengthening Russia's Innovative Cooperation with the BRICS Countries as the Basis for Further Economic Development in the Context of the Worsening Geopolitical Situation – Economy of Education. № 1 (86). P. 4–11. (InRuss.)

Shavina E., Bratkova V. 2017. Strengthening Russia's Investment Cooperation with the BRICS Countries at the Current Stage – New Challenges and Prospects for the Development of the Russian Economy. P. 363–368. (InRuss.)

Shatskaya I. I. 2019. Scientific and Technical Cooperation within the BRICS Countries – The Herald of the MIIT Law Institute. № 3 (27). P. 16–26. (InRuss.)

Shelepov A. V. 2017. Ensuring the Sustainability of Economic Growth: The Challenges and Opportunities of the BRICS National Development Banks: Opportunities to Reduce the Deficit of Infrastructure Investment – Herald of International Organizations: Education, Science, New Economy. Т. 12. № 4. P. 7–31. (InRuss.)

Ignatieva A. 2020. China Will Allow Foreign Companies to Conduct Geological Exploration for the First Time // <https://neftegaz.ru/news/dobycha/516770-kitay-vpervye-dopustit-zarubezhnye-kompanii-k-razvedke-i-dobyche-nefti-i-gaza/>, accessed 20.03.2020. (InRuss.)

Tikhonov S. 2020. India is Ready to Invest in Oil and Gas Projects in Russia // <https://rg.ru/2020/01/15/india-gotova-investirovat-v-neftegazovye-proekty-v-rossii.html>, accessed 20.03.2020.

Ibhubesi Gas Field, Orange Basin // <https://www.offshore-technology.com/projects/ibhubesi-gas-field-orange-basin/>, accessed 20.03.2020. (InEng.)

Игорь МАТВЕЕВ

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИКИ КИТАЯ И ПЕРСПЕКТИВ СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ

Часть 2

Основными целями данной научной работы являются определение оснований и оценка возможностей для дальнейшего развития энергетического сотрудничества России и Китая. Для их достижения были последовательно решены несколько задач. На первом этапе изучены текущая ситуация в энергетике КНР, перспективы развития ключевых секторов в долгосрочном периоде, выполнены соответствующие прогнозные расчёты. Затем определены и зафиксированы рамочные параметры ввоза базовых энергоносителей в КНР, оценены возможности России по их обеспечению. Сформулированы заключения о выходе Китая на уровень самообеспеченности по углю, об увеличении разрыва между внутренним производством и потреблением жидкого и газообразного топлива из-за сложностей, связанных с разработкой национальных залежей в условиях роста спроса, о замедлении темпов расширения суммарной установленной мощности крупных ГЭС и АЭС, относительно динамичном развитии сектора ВИЭ, который не в состоянии полноценно заместить ископаемое топливо. Показано, что действующая модель импорта углеводородов в Китай характеризуется высоким уровнем уязвимости перед внешними факторами.

Сделан вывод, что указанные обстоятельства формируют благоприятные условия для расширения энергетического сотрудничества обеих стран, наращивания выпуска на территории России продукции высоких переделов и объёма многосторонней торговли. Автором высказана идея о целесообразности решения Россией нескольких задач, в том числе, таких как стягивание пространства, развитие регионов Сибири и Дальнего Востока, расширение российской транспортной и энергетической инфраструктуры с целью оптимизации поставок энергоносителей внутри страны и других государств-членов

МАТВЕЕВ Игорь Евгеньевич, кандидат экономических наук, Исполнительный директор Автономной некоммерческой организации «Международный центр устойчивого энергетического развития» под эгидой ЮНЕСКО (МЦУЭР). Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117292, ул. Кедрова, д. 8, корп. 2. E-mail: matveev.vniki@yandex.ru SPIN-код: 4530-4240

Ключевые слова: энергетика, Россия, Китай, запасы, производство, потребление, нефть, газ, уголь, электроэнергия, возобновляемые источники энергии, импорт, экспорт, торговля энергоресурсами, концепция, стратегия энергетического сотрудничества.

ЕАЭС, увеличение вывоза излишков топливно-энергетических товаров на китайский, монгольский, корейский, японский и другие рынки.

Для повышения эффективности энергетического сотрудничества России и Китая предлагается разработать концепцию, на основе которой в дальнейшем будут созданы доктрина, затем — стратегия, включающая разносторонние планы и программы, взаимоувязанные в географическом и отраслевом измерениях. Поиск и формулирование идей, создание проектов концепций является одним из направлений дальнейшей научной работы.

Производство энергоносителей

В период с 2000 г. по 2018 г. производство первичной энергии выросло примерно в три раза. Добыча твёрдого топлива увеличилась в 2,6 раза, природного газа — в 6 раз, нефти — примерно на 15 %.

Анализ добычи в годовом исчислении свидетельствует о том, что национальное производство углей увеличивалось в период до 2013 г. В 2014–2017 гг. зафиксировано небольшое снижение, но в 2018 г. показатели отрасли восстановились*. Одной из причин нестабильности стала государственная реформа угольного сектора, нацеленная на повышение эффективности действующих шахт и карьеров, закрытие небольших низкотехнологичных производств. В 2017–2018 гг. из эксплуатации выведены 534 производств и количество компаний сократилось до 3,373. Их суммарная мощность находилась на уровне, достаточном для обеспечения национального спроса в полном объёме и оценивалась в 3,5 млрд т у. т.** в год. Несколько крупных фирм ещё не достигли проектных показателей, их потенциал роста — 22,5 млн т у. т. в год. Характеристика крупных угледобывающих провинций приведена в табл. 1.

Объём извлечения из недр жидких углеводородов расширялся до середины второго десятилетия, затем начал постепенно сокращаться. Спад обусловлен истощением крупных сухопутных месторождений, разработка которых началась ещё в 60-х гг. прошлого века. Освоение новых залежей (наиболее перспективные находятся на шельфе — в Бохайском заливе и Юж-

* В 2018 г., согласно данным ВР, добыча оценивалась в 1,8 млрд т н. э.**, т. е. около 2,6 млрд т у. т. Это значительно отличается от данных «Бюро национальной статистики КНР» (3,55 млрд т). Расхождение обусловлено различием методов учёта, другими факторами.

** т н. э. (тонна нефтяного эквивалента) — единица энергии, используемая в международной энергетической промышленности. 1 т н. э. представляет собой энергию, получаемую при сжигании одной тонны (метрической тонны) нефти; эта единица рассматривается как эквивалент приблизительно 7,4 барреля нефти, либо 1270 куб. м природного газа, либо 1,4 т угля. 1 т н. э. является эквивалентом 41,868 ГДж (*GJ*), либо 39,683 млн Btu (*MM Btu*) или декатермов, либо 11,630 МВт·ч (*MWh*).

*** т у. т. (тонна условного топлива) — единица учёта органического топлива, применяемая для сопоставления эффективности различных видов топлива и суммарного учёта их. За единицу у. т. принимается 1 кг топлива с теплотой сгорания 7000 ккал/кг (29,3 Мдж/кг).

Таблица 1

**Производство угля в основных добывающих регионах Китая в 2016–2018 гг.,
млн т у. т.**

Название провинции	Год		
	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Внутренняя Монголия	838	879	926
Шаньси	816	854	833
Шэньси	512	570	623
Синьцзян	158	167	150
Гуйчжоу	167	166	133
Шаньдун	128	129	122
Аньхой	122	117	115
Хэнань	119	117	114

Источник: [*Deutsche Kraftwerkskohleneinführen...* 2019]

но-Китайском море) сдерживалось по экономическим соображениям [*China-International energy...* 2015].

Производство газа стабильно нарастало небольшими темпами. Низкоуглеродный сектор (крупные ГЭС, АЭС и сфера ВИЭ) характеризовался устойчивой и активной динамикой.

В 2000–2018 гг. структура доходной части энергобаланса изменилась. Доли угля и нефти сократились, а удельные веса газа, энергии воды, атома и ВИЭ увеличились. Данные, характеризующие национальное производство углеводородов и электроэнергии, выработанной на базе крупных ГЭС, АЭС и ВИЭ-станций, представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

**Производство первичных энергоносителей в КНР
в 2000 г., 2010 г., 2015 г. и 2018 г., млн т н. э.***

Год	Показатель						
	Нефть	Газ	Уголь	ГЭС	АЭС	ВИЭ	Всего
2000 г.	162,6	23,6	707,3	50,3	3,8	0,7	948,3
2010 г.	203,0	83,0	1665,3	161,0	16,7	15,9	2144,9
2015 г.	214,6	116,7	1825,6	252,2	38,6	64,1	2511,7
2018 г.	189,1	138,9	1828,8	272,1	66,6	143,5	2639,0

* Таблицы 2, 3, график на рис. 1 составлены автором по данным *British Petroleum Statistical Review of World Energy*, 2018 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf>, дата обращения 16.12.2019.

Таблица 3

**Структура доходной части энергобаланса КНР в 2009 г. и 2018 г.,
удельный вес, %**

Показатель	Год		
	2009 г.	2018 г.	Изменение, п. п.*
Уголь	78,2	70,2	−8,0
Нефть	9,6	7,0	−2,7
Газ	3,8	5,1	1,4
ГЭС	7,1	10,0	2,9
АЭС	0,8	2,5	1,6
ВИЭ	0,6	5,3	4,7

Энергобаланс и импорт энергоресурсов

В начале XXI века темпы роста производства первичной энергии отставали от аналогичного показателя для потребления, что привело к снижению уровня самообеспеченности хозяйства. В 2000 г. нехватка первичной энергии (производство минус потребление) составила относительно небольшую величину −60 млн т н. э. (около 7 % совокупного спроса). В 2010 г. данный показатель приблизился к 350 млн т н. э. (14 %), а в 2018 г. — превысил

* П. п. (Процентный пункт) — единица, применяемая для сравнения величин, выраженных в процентах.

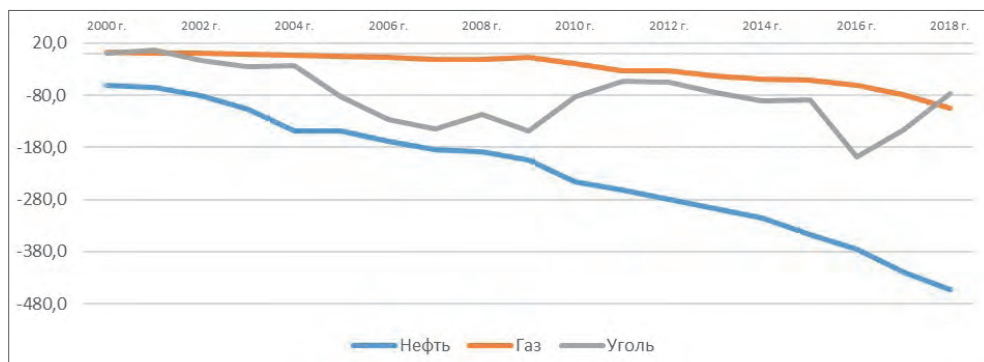

Рис. 1. Балансы КНР по нефти, газу и углю (производство минус потребление) в 2000–2018 гг., млн т н. э.

Таблица 4

Внешняя торговля твёрдым топливом КНР в 2016–2018 гг., млн т у. т.

Показатель	Год			
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Изменение в 2017–2018 гг.
Импорт	183,4	188,6	186,7	–2,1
Энергетические угли	124,1	118,7	121,7	3,0
Коксующиеся угли	59,3	69,9	64,7	–5,2
Экспорт	18,8	16,2	14,8	–1,4
Энергетические угли	7,4	5,8	3,8	–2,0
Коксующиеся угли	1,2	2,3	1,1	–1,2
Кокс	10,2	8,1	9,9	1,8

Источник: [Deutsche Kraftwerkskohleneinfuhren... 2019]

630 млн т н. э. (19 %). В итоге в 2000–2018 гг. энергетическая зависимость страны от внешних рынков в абсолютном выражении увеличилась в 10 раз. Данные, характеризующие баланс КНР по нефти, газу и углю (производство минус потребление), в графическом виде приведены на рис. 1.

Для обеспечения внутреннего спроса страна была вынуждена наращивать импорт, в основном нефти и нефтепродуктов.

До середины 2000-х гг. угольная отрасль развивалась динамично и отчасти хаотично. Необходимость ввоза твёрдого топлива обуславливалась логикой международной торговли, позволяющей, *во-первых*, снизить транспортные затраты при организации снабжения регионов страны и отраслей, *во-вторых*, осуществлять экспорт собственной продукции (сырья, кокса). Данные, характеризующие внешнюю торговлю твёрдым топливом, представлены в табл. 4.

В наступившем веке зафиксированы два относительно коротких периода нарастания разрыва между производством и потреблением: 2005–2010 гг. и 2015–2018 гг. Нехватка достигла максимальных значений в 2007 г. (145 млн т н. э.) и 2016 г. (около 200 млн т н. э.). В 2018 г. показатели удалось сблизить, дисбаланс составил 78 млн т н. э. (в пересчёте на угольный эквивалент 110–115 т, что составило 4–5 % национальных потребностей).

В дальнейшем, вероятно, импорт угольной продукции будет сокращаться по следующим причинам:

- государственный курс на снижение доли угля в экономике с целью уменьшения антропогенной нагрузки на окружающую среду*;

* В 2018 – первой половине 2019 гг. новые меры регулирования деятельности крупных морских портов, направленные на сокращение вредных выбросов, привели к сокращению поставок углей из Австралии, которые были частично компенсированы ввозом топлива из России и Индонезии.

- рост мощности и эффективности угольной отрасли после завершения её реорганизации;
- сокращение теневого сектора (т. н. компаний-«зомби») в угледобыче, металлургии;
- снижение транспортных издержек внутри страны в ходе дальнейшего развития инфраструктуры.

В 90-е гг. КНР обеспечивала хозяйство газом собственными силами. В 2003 г. была зафиксирована слабая потребность в импорте (менее 4 % внутреннего потребления). В 2008 г. указанный показатель увеличился до 17 %, в 2015 г. — до 48 %. В 2018 г. потребление превысило производство на 115 млн т н. э. (130 млрд куб. м), при этом соотношение добычи и импорта приблизились к 1:1. По ввозу газа Китай обогнал Японию и стал мировым лидером [Газовая революция в Китае... 2016]. В долгосрочной перспективе возможно увеличение добычи газа из традиционных и нетрадиционных источников и сокращение зависимости от внешних поставок. Потенциал КНР по добыче сланцевого газа оценивается в 30 млрд куб. м в год и более¹.

В 2018 г. ввезено 124 млрд куб. м, что на 30 % больше, чем годом ранее. Из них с использованием трубопроводного транспорта из Туркмении, Узбекистана и Мьянмы доставлено 52 млрд куб. м (40 % суммарных поставок).

Отметим, в декабре 2019 г. начались поставки трубопроводного газа из России по ГТС «Сила Сибири». Её проектная мощность в 38 млрд куб. м в год будет достигнута через несколько лет.

Остальной газ поступил в виде СПГ. Крупнейшими поставщиками стали Австралия (31 % суммарного импорта газа), Катар (12 %), Малайзия (8 %) и Индонезия (7 %). Россия направила две первые опытные партии СПГ в июле 2018 г. (с завода «Ямал СПГ» по «Северному морскому пути») и по итогам указанного года заняла 11-ю строку в списке китайских импортёров (около 1,3 млрд куб. м, примерно 1 % суммарного ввоза).

В региональном измерении лидировали государства Центральной Азии. В структуре суммарного импорта газа их удельный вес — около 40 %. На долю Австралии и Океании приходилось 25 %, Юго-Восточной Азии и стран АСЕАН — 14 %, Ближнего и Среднего Востока — 10 %, Африки — 3 %.

В нефтяном секторе ситуация развивалась в более негативном ключе. В начале 2000-х гг. разрыв между внутренним производством и потреблением оценивался в 60–80 млн т в год (зависимость от импорта — 25 %). В 2018 г. нехватка жидкого топлива достигла 450 млн т (70 %), которую страна компенсировала внешними закупками.

¹ Китай рассчитывает к 2020 г. увеличить объём добычи сланцевого газа до 30 млрд куб. м // <https://neftegaz.ru/news/dobycha/216009-kitay-rasschityvaet-k-2020-g-uvlichit-obem-dobychi-slantsevogo-gaza-do-30-mlrd-m3/>, дата обращения 16.12.2019.

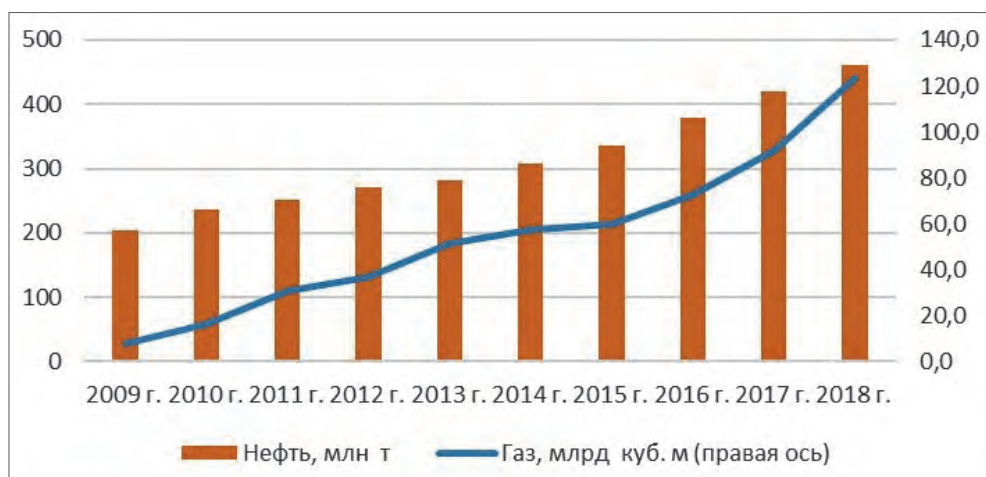

Рис. 2. Импорт нефти и газа в Китай в 2009–2018 гг.

Источники: [China Crude Oil: Imports, 2019], [UN Comtrade Database], [Workman, 2019]

Таблица 5

**Основные страны-экспортёры нефти в Китай в 2017 и 2018 гг.,
удельный вес, %**

Страна	Год	
	2017 г.	2018 г.
Всего	100,0	100,0
Россия	14,2	15,8
Сауд. Аравия	12,4	12,4
Ангола	12,0	10,4
Ирак	8,8	9,4
Оман	...	7,2
Бразилия	5,5	6,8
Иран	...	6,3
Кувейт	...	5,0
Великобритания	2,0	...
Прочие	45,0	26,7

Источники: [Workman, 2019], [China Crude Oil: Imports, 2019]

Таблица 6

Основные страны-экспортёры газа в Китай в 2017 и 2018 гг., удельный вес, %

Страна	Год	
	2017 г.	2018 г.
Всего	100,0	100,0
Туркмения	34,5	35,9
Австралия (СПГ)	25,8	25,5
Катар (СПГ)	11,2	10,1
Малайзия (СПГ)	6,3	6,3
Индонезия (СПГ)	4,6	5,3
Узбекистан	3,7	3,2
Мьянма	3,6	2,3
Папуа Новая Гвинея (СПГ)	3,3	2,6
США (СПГ)	2,3	2,4
Прочие	4,7	8,6

Источники: [BP Statistical Review... 2019]
[China Natural Gas: Imports, 2019], [UN Comtrade Database]

На первый взгляд географическая структура ввоза оставалась диверсифицированной. В 2018 г. удельный вес стран составил (только крупные поставщики, в стоимостном измерении, доля в%): России – 16, Саудовской Аравии – 12, Анголы и Ирака – по 10, Омана – 7 %. В сумме – это более половины импорта, но ситуация меняется при рассмотрении показателей ввоза в укрупнённом масштабе – региональном разрезе.

При подобном подходе выявляется высокая зависимость КНР от поставок топлива из государств Ближнего и Среднего Востока (44 %). Для Южной Америки и Африки аналогичный показатель равен 15 и 14 % соответственно [China Oil: Imports, 2018] [Workman, 2019].

Данные, характеризующие импорт нефти и газа в КНР, представлены в графическом виде на рисунке 2, в таблицах 5, 6.

1. Российская Федерация в списке стран-поставщиков жидких углеводородов в Китай занимает лидирующие позиции в течение нескольких последних лет [Иванов, Матвеев, 2017]. Нефть и нефтепродукты доставлялись по различным каналам: по нефтепроводу «ВСТО» через ответвление МНП на Дацин и из порта «Козьмино» с использованием железнодорожного и морского транспорта, направлялись с территории Казахстана (в рамках обменных операций и по казахстанским нефтетранспортным маршрутам) и Монголии. Перспективы расширения ввоза связаны с увеличением про-

пускной способности трубопроводных систем «Россия – Китай», «Россия – Казахстан – Китай», железных дорог, расширением сотрудничества стран ЕАЭС, СНГ, «СНГ плюс».

2. В XXI веке в Китае по мере развития энергетики и реализации промышленной политики, направленной на повышение энергоэффективности действующих компаний и сокращение количества энергоёмких производств, внутренний спрос на электроэнергию полностью обеспечивался за счёт собственных мощностей. КНР ввозила незначительное количество электроэнергии – менее 1 % национального производства. В начале второго десятилетия основными экспортёрами являлись Гонконг (72 % суммарного ввоза) и Россия (28 %), в 2018 г. – Россия (80 %) и Мьянма (20 %). Поставки из Российской Федерации в абсолютном выражении составили (млрд кВт ч/год): в 2010 г. – 1,0, в 2011 г. – 1,2, в 2012 г. – 2,6, в 2013 г. – 3,5, в 2014 г. – 3,4, в 2015 г. – 3,3, в 2016 г., – 3,3, в 2017 г., – 3,3, в 2018 г. – 3,1. В итоге в 2010–2018 гг. отечественный экспорт увеличился в три раза и стабилизировался на приблизительной отметке 3 млрд кВт.ч в год [*UN Comtrade Database*].

Таким образом, в последние 15–20 лет разрыв между производством и потреблением жидких и газообразных углеводородов стабильно увеличивался. Это привело к усилению зависимости экономики от внешних поставок, которая по нефти и нефтепродуктам достигла 70 % внутреннего спроса, по газу – 50 %. В долгосрочной перспективе указанные показатели, вероятно, будут расти на 1–3 п. п. в год при сохранении текущих тенденций развития энергетики и хозяйства в целом. В перспективе у КНР сохраняется возможность резкого увеличения добычи газа, но текущие оценки ситуации не позволяют сделать заключение о высокой вероятности этого события.

Высокая мощность угольной отрасли позволила стране полностью обеспечивать внутренний спрос. Потребность в импорте обусловлена тактическими соображениями. В ретроспективе импорт углей не превысил 15 % их потребления (в 2007 г. импорт оценивался в 9 %, в 2018 г. – 4–7 %). В дальнейшем с окончанием реорганизации/модернизации горнодобывающей промышленности, расширением транспортной инфраструктуры и оптимизацией процессов внутреннего перераспределения энергоносителей (между энергоизбыточными и энергодефицитными регионами) просматривается выход страны на полное самообеспечение твёрдым топливом, увеличение объёмов поставок на экспорт.

Заключение

Китай располагает крупными залежами ископаемого топлива. По формальным показателям период истощения действующих месторождений оценивается по углю и газу – не менее 38 лет, нефти – 18 лет. В среднесроч-

ной перспективе следует ожидать расширения ресурсной базы и внутреннего производства. Развитие углеводородного сектора будет зависеть от таких внутренних факторов, как динамика работ по исследованию слабоизученных и неизученных участков суши и морского шельфа, ход освоения и адаптации технологий бурения глубоких, сверхглубоких и протяжённых скважин, гидроразрыва пласта, других способов извлечения труднодоступных залежей. В числе внешних факторов можно указать международную политическую ситуацию, конъюнктуру на мировом и региональных рынках энергоносителей, научно-технический прогресс, неуклонно трансформирующийся общество.

В XXI веке в КНР производство первичной энергии увеличивалось высокими темпами, но они оказались недостаточными для самообеспечения. Добыча жидких углеводородов достигла максимальных значений в середине второго десятилетия и затем начала сокращаться. Производство газа расширилось неравномерно (на 7–15 % в год), и его нехватка в экономике (как и нефти) непрерывно нарастала.

Прорыв в развитии (с низкой базы) осуществлён в секторах крупных ГЭС (в 2000–2018 г. установленная мощность выросла в 5 раз), АЭС (в 18 раз) и ВИЭ (мощность оборудования увеличилась в 150 раз). В структуре производства энергии удельный вес низкоуглеродного сектора достиг 15–18 %.

В настоящее время собственными силами КНР обеспечивает примерно 1/3 внутреннего спроса на жидкое топливо, 1/2 – на газ, почти полностью – на уголь. В целом внутреннее производство первичной энергии на 15–20 % ниже её потребления.

За последние два десятилетия спрос на первичную энергию возрос в три раза и приблизился к стадии «насыщения» (в конфуцианской этике – этапу «сбора плодов»). Базовым энергоносителем оставалось твёрдое топливо, доля которого в структуре расходной части энергобаланса характеризовалась понижательной тенденцией. В 2018 г. удельный вес угля составил менее 60 % (в 2009 г. – около 70 %), нефти, низкоуглеродных источников (крупных ГЭС, АЭС, ВИЭ), газа – примерно 20 %, 15 % и 7 % соответственно.

Вероятно, в долгосрочной перспективе потребление первичной энергии будет возрастать на 2–3 % в год и менее и в 2035 г. приблизится к 3,5–4,0 млрд т н. э. в год.

Уголь сохранит свою ключевую функцию, но его потребление будет расти низкими темпами, в отдалённой перспективе – сокращаться. Нельзя исключить и иной вариант. При получении Китаем промышленно эффективных и экологически «чистых» способов использования твёрдого топлива, его добыча и, соответственно, расход возрастут. Этот фактор формирует одну из основных «развилок» на пути развития национальной энергетики.

Просматривается рост спроса на нефть и нефтепродукты, формируемый потребностями в основном двух секторов – химической/нефтехимической

промышленности и транспорта. Через 15–20 лет, при условии выполнения государственного плана по переводу наземного транспорта на электрическую тягу и других долгосрочных программ, нацеленных на ресурсосбережение и повышение энергоэффективности экономики, потребление жидких углеводородов начнёт сокращаться.

Расширение (в 2035 г. – примерно в два раза) внутреннего потребления газа диктуется необходимостью снижения объёма выбросов вредных веществ в окружающую среду. Рассчитывать на резкий рост национальной добычи пока не приходится, но этот вопрос требует постоянного контроля в будущем.

Вероятно, будет наблюдаться замедление динамики развития гидроэнергетики (крупных ГЭС) по причинам природного и социального характера и атомной энергетики – из-за сужения мировых запасов уранового сырья, удорожания добычи изотопа уран-235 и, соответственно, производства ядерного топлива. В 2023 г. в структуре потребления первичной энергии доля указанных секторов не превысит 10 %.

Высоким потенциалом развития обладает возобновляемая энергетика (без учёта крупных ГЭС). С технической точки зрения вклад ВИЭ в доходную часть энергобаланса имеет разумный предел и, возможно, будет ограничен 10–15 %. Основные факторы – низкий КПД генерирующего оборудования, нестабильность производства электроэнергии, сложность диспетчеризации энергосистемы при наличии гипертрофированного сектора ВИЭ, отсутствие эффективных технологий аккумулирования энергии. В период после 2040 г. для хранения энергии Китай предполагает использовать такой ресурс, как суммарная ёмкость автомобильных аккумуляторов, установленных на наземном транспорте, но это дело отдалённого будущего (в 2000-х гг. подобный эксперимент проводился в Дании на отдельном острове, и его результаты были отрицательными).

Таким образом, имеются основания заключить, что в ближайшие 15–25 лет зависимость экономики КНР от ввоза жидких и газообразных энергоносителей усилится. Импорт нефти в абсолютном выражении может приблизиться к уровню в 600 млн т в год. По газу импортный потенциал страны оценивается в пределах от 50 млрд куб. м в год и до 300–400 млрд куб. м в год. Столь широкий диапазон обусловлен высоким уровнем неопределённости в развитии национальной газовой отрасли. Ввоз угля будет сокращаться с большой долей вероятности. Основные причины – масштабная модернизация и рост эффективности добывающих производств, совершенствование организационной структуры промышленности (создание энерго-производственных кластеров), развитие внутренней транспортной и электроэнергетической инфраструктуры. В отдалённом временном периоде тенденция роста спроса на первичную энергию сменится на противоположную.

Современная модель ввоза в КНР ископаемого топлива несовершенна. Основная часть нефти, нефтепродуктов (4/5 суммарного импорта) и газа (более половины) поступает с использованием морского транспорта.

Указанное обстоятельство свидетельствует о высокой уязвимости физических поставок сырья и, соответственно, зависимости экономики КНР от политических факторов, ведь подавляющее большинство морских маршрутов и «узких» мест в них контролируются США и другими странами-членами НАТО (Аденский залив, Малаккский пролив и другие). Риски существуют и в финансовой сфере. Значительная часть торговых операций осуществляется в юрисдикции западных стран (расчёты ведутся с использованием доллара США и вычислительных мощностей, расположенных на территории Северной Америки, Западной Европы). Эти факторы расширяют «окно возможностей» для России и других стран ЕАЭС/СНГ.

В ретроспективе расширение импорта углеводородного сырья из России сдерживалась по ряду причин, в том числе из-за ограниченных возможностей транспорта (нефтепроводов и газопроводов, железных дорог, морских терминалов, СПГ-инфраструктуры).

В конце второго десятилетия после ввода в эксплуатацию МНП «ВСТО» и модернизации морских терминалов, расположенных на Дальнем Востоке, Россия превратилась в ведущего поставщика нефти и нефтепродуктов (в 2018 г. — около 60 млн т в год, т. е. 15 % суммарного ввоза в КНР этих видов топлива).

В газовой сфере сотрудничество только начинает разворачиваться. Начиная с 2017 г. китайская корпорация *CNPC* закупала топливо на заводе «Ямал СПГ» (около 1 % суммарного импорта газа). В декабре 2019 г. завершено строительство ГТС «Сила Сибири». Выход системы на проектную мощность в 38 млрд куб. м в год запланирован на середину следующей декады. При достижении данного показателя Россия может стать крупнейшим торговым партнёром КНР и в этом рыночном сегменте.

Дальнейшее развитие энергетического сотрудничества двух государств возможно при реализации новых проектов в сфере транспорта. В их числе можно отметить следующие: газопровод «Сила Сибири – 3» (необходим России для вывоза газа с ряда сахалинских проектов с целью выполнения утверждённых планов разработки залежей), ГТС «Сила Сибири – 1», создание новых мощностей по сжижению газа («Ямал СПГ», «Сахалин – 2», «Арктик СПГ – 2», «Дальневосточный СПГ»), расширение пропускной способности комбинированных маршрутов, проходящих через территории стран ЕАЭС и Монголии, морские порты российского Дальнего Востока, в перспективе – Северного морского пути.

Наряду с экспортом углеводородного сырья просматривается возможность увеличения вывоза отечественной электроэнергии не только в Китай, но и другие государства региона (Монголию, КНДР, Республику Корея,

Вьетнам, Японию). Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о создании на территории России магистральной линии дальней передачи электроэнергии, ориентированной в направлении «Восток – Запад» и включающей линии и вставки постоянного тока. Подобный проект может придать дополнительный импульс развитию регионов Сибири и Дальнего Востока, отечественной науки и техники, энергетики и экономики в целом. На базе долготного эффекта расширятся возможности для перераспределения и экономии этого ресурса в рамках ЕАЭС, СНГ.

Оценить экономическую эффективность указанных проектов пока не представляется возможным. Главной причиной является отсутствие долгосрочных планов энергетического сотрудничества России и Китая. В первую очередь речь идёт о концепции, из которой затем «вырастают» доктрины и стратегии, взаимосвязанные в отраслевом и региональном измерениях.

Обоснованность и научная ценность полученных результатов

Выводы и рекомендации, сформулированные в данном научном исследовании, представляются обоснованными. Достоверность результатов прогнозирования можно полагать достаточно высокой, несмотря на относительную простоту математического аппарата.

В качестве основных аргументов в поддержку данных заключений приведём следующие.

Во-первых, анализ и моделирование основаны на статистической базе, публикуемой компанией *British Petroleum* (крупнейший акционер ПАО «Роснефть») в течение почти 70 лет.

Как показывает авторский многолетний опыт исследования, допуски, содержащиеся в её методике, не оказывают значительного влияния на научный результат, предполагающий получение рамочных оценок и осмысление тенденций. Безусловно, отраслевым специалистам известны случаи резких изменений показателей *BP*, например, в части доказанных запасов топлива (в отдельных государствах, в первую очередь странах Закавказья и Центральной Азии). Подобные отклонения могут иметь политический «привкус». Вместе с тем аккуратный анализ подобных «всплесков» и «скачков», сопоставление их с данными международной и национальной статистики позволяют «нащупать» адекватный показатель.

При проведении подобных исследовательских работ требуется учитывать также ряд специфических факторов, оказывающих влияние на достоверность результатов научного поиска. Например, в некоторых, если не во многих добывающих странах мира, данные о запасах и производстве углеводородов являются государственной тайной. По этой причине априори не следует надеяться на высокую точность используемых статистических и иных данных.

Во-вторых, процесс развития любой крупной системы энергообеспечения является размеренным и инерционным. Ход вещей могут переломить лишь события чрезвычайной важности – глубокий и затяжной долгосрочный спад мирохозяйственной конъюнктуры, войны, революции, масштабные социальные протесты, техногенные и экологические катастрофы.

Даже великие научные открытия, например получение новой промышленной технологии использования атомной энергии, производства метана из газогидратов, газификации углей и т. д., не в состоянии скачкообразно изменить ситуацию, резко скорректировать производство и потребление энергоносителей, конфигурацию маршрутов международной торговли топливом.

Научная ценность полученных результатов заключается в попытке «осмотреть будущее». Осмыслить тенденции, выявить рамочные параметры, отметить области неопределённости, обозначить направления трансформации китайской энергетики и российско-китайского сотрудничества на основе широкого круга источников информации, путём построения простых моделей без «оглядки» на официальные показатели, представленные КНР международному сообществу.

Список литературы

British Petroleum Statistical Review of World Energy, 2018 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf>, дата обращения 18.12.2019.

China Crude Oil: Imports // <https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/crude-oil-imports>, дата обращения 19.12.2019.

UN Comtrade Database // <https://comtrade.un.org/data/>, дата обращения 19.12.2019.

Deutsche Kraftwerkskohleneinfuhren 2019 um 17 % zur ckgegangen – Stromerzeugung aus Steinkohle hat sich in nur 3 Jahren halbiert // <https://www.kohlenimporteure.de>, дата обращения 20.12.2019.

Иванов А. С., Матвеев И. Е. 2017. Россия на мировом рынке энергоресурсов. – Бурение и нефть. № 2. С. 11–15. // <https://burneft.ru/archive/issues/2017-02/10>, дата обращения 19.12.2019.

Workman D. 2019. Top 15 Crude Oil Suppliers to China // <http://www.worldstop-exports.com/top-15-crude-oil-suppliers-to-china/>, дата обращения 17.12.2019.

Китай рассчитывает к 2020 г. увеличить объём добычи сланцевого газа до 30 млрд куб. м // <https://neftegaz.ru/news/dobycha/216009-kitay-rasschityvaet-k-2020-g-uvlichit-obem-dobychi-slantsevogo-gaza-do-30-mlrd-m3/>, дата обращения 17.12.2019.

IGOR E. MATVEEV,

Candidate of Economic Sciences, Executive Director of the Autonomous Non-profit Organization «International Center for Sustainable Energy Development» Under the Auspices of UNESCO (ICERD).

Address: 8, b. 2, Kedrova str., Moscow, 117292, Russian Federation.

E-mail: matveev.vniki@yandex.ru

SPIN-code: 4530-4240

ASSESSMENT OF CHINA'S ENERGY SECTOR AND PROSPECTS FOR RUSSIA–CHINA ENERGY COOPERATION

Keywords: China-Russia energy cooperation, energy resources, power demand, power supply, oil, gas, coal, renewable resources, trading, collaboration concept.

Abstract

The main goals of this article are to determine the grounds and assess opportunities for development of cooperation between Russia and China in energy sector. It reviews the current situation in energy sector of China, primary energy production and consumption by fuel, import of basic energy sources, potential of Russian export to the China. Article says that China is self-sufficiency in coal. In the future, it is highly likely, that the gap between oil and gas production and consumption will open higher, expansion of the installed capacity of large hydropower plants and nuclear power plants will slowdown. Development of the renewable energy sector will be successful, but they are not be able even to partly replace fossil fuels. Current China's import routes of energy supply are not fully secure.

These circumstances are positive factors for development energy cooperation between China and Russia. The idea is that in this way Russia may solutions a few problems: expanding the national infrastructure, growing of mutual energy supplies to EAEU member states, increasing of export to China, Mongolia, Resp. Korea, Japan and other markets. The necessity of planning of energy cooperation between Russia and China as well as is noted. Create a concept, the doctrine and the strategy of energy cooperation between China and Russia is need. Formulation of ideas, creation of draft concepts is one of the areas of further author's research.

References

British Petroleum Statistical Review of World Energy, 2018 // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf>, accessed 18.12.2019. (InEng.)

China Crude Oil: Imports // <https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/crude-oil-imports>, accessed 19.12.2019. (InEng.)

UN Comtrade Database // <https://comtrade.un.org/data/>, accessed 19.12.2019. (InEng.)

German Steam Coal Imports Declined in 2019, 17 % Electricity Generation from Coal Has Halved in Only 3 Years // <https://www.kohlenimporteure.de>, accessed 20.12.2019. (InGerm.)

Ivanov A. S., Matveev I. E. 2017. Russia in the World Energy Market. – Drilling and Oil. № 2. P. 11–15. // <https://burneft.ru/archive/issues/2017-02/10>, accessed 19.12.2019. (InRuss.)

Workman D. 2019. Top 15 Crude Oil Suppliers to China // <http://www.worldstopexports.com/top-15-crude-oil-suppliers-to-china/>, accessed 17.12.2019. (InEng.)

China Expects to Increase the Volume of Shale Gas Production to 30 Billion Cubic Meters by 2020 // <https://neftegaz.ru/news/dobycha/216009-kitay-rasschityvaet-k-2020-g-uvelichit-obem-dobychi-slantsevogo-gaza-do-30-mlrd-m3/>, accessed 17.12.2019. (InRuss.)

Андрей ГРОЗИН

КАЗАХСТАНО-КИТАЙСКОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО И РОСТ СИНОФОБИИ В КАЗАХСТАНЕ

В статье представлен ретроспективный анализ история расширения присутствия Китая в топливно-энергетической сфере экономики Казахстана. Проведена оценка основных параметров китайской энергетической стратегии в целом, и в частности по отношению к энергоресурсам стран Центральной Азии. Особое внимание уделено исследованию сопряжённости китайских энергетических стратегий в отношении нефтяных, газовых и инфраструктурных активов Казахстана и собственно национальных интересов РК. Проведён анализ китайского фактора в реализации базовых стратегий экономического и индустриального развития Казахстана. Оценены содержание и влияние растущих негативных общественных настроений в отношении сотрудничества двух стран. Рассматриваются перспективы экономического взаимодействия КНР и РК в условиях быстрого роста синофобских настроений части населения Казахстана, начавшегося в республике процесса транзита высшей власти и общего ухудшения мировой экономической обстановки.

Как дополнительные источники импорта энергии в Китай, страны Центральной Азии (ЦА) за годы суверенного существования играли всё более значимую роль. Регион изначально рассматривался в КНР как более стабильный, чем Ближний и Средний Восток, что позволяло Пекину проводить политику диверсификации импорта нефти. Однако до настоящего времени доля центральноазиатской нефти в структуре импорта нефти КНР остаётся сравнительно небольшой.

ГРОЗИН Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, г. Химки, 141410, пр. Мельникова, д. 2/1. E-mail: andgrozin@yandex.ru. SPIN-код: 5621-8571.

Ключевые слова: Китай, Казахстан, Центральная Азия, синофобия, критика, нефть, кредиты.

Например, по данным таможи Китая, в 2007 г., импорт нефти составил 196,8 млн т, в том числе 45 % нефти импортировалось с Ближнего Востока, 32,5 % – из Африки, 3,5 % – из АТР [Цзябао, 2009]. Первые 5 стран-импортёров в КНР на тот период выглядели так: Саудовская Аравия, Ангола, Иран, Россия и Оман. Как считает большинство китайских специалистов, такая структура импортёров имеет серьёзный риск в обеспечении энергетической безопасности Китая, так как в основных странах-партнёрах КНР по импорту нефти, таких как Иран, Судан, Нигерия, Ливия и пр., существуют нестабильные геополитические факторы, что может в любой неблагоприятный момент негативно повлиять на китайский импорт (события «арабской весны» в странах Северной Африки и Ближнего Востока стали наглядным подтверждением данного тезиса). Проблема в том, что китайская энергетическая зависимость от потенциально взрывоопасного региона сохраняется: уровень импортной нефтяной зависимости экономики КНР во второй половине 2019 г. составлял около 60 %, а более 44 % китайского импорта нефти приходилось на Ближний Восток. Недавний иранский удар по нефтяной промышленности Саудовской Аравии был болезненным напоминанием об уязвимости Китая перед потрясениями в регионе [Кашин, 2019].

Также существовала (и потенциально продолжает существовать) проблема пиратства в ключевых пунктах морского пути, и эти пути могут быть в любой момент перерезаны военными флотами «третьих стран». Данное положение не может быть признано отвечающим национальным интересам КНР, тем более с учётом того, что по информации Государственного океанологического управления Китая, «Поднебесная Империя в настоящее время выдвинулась на лидирующие позиции по показателю грузооборота в морских портах, по темпам и объёмам строительства судов и по объёмам добываемых рыбных ресурсов. 90 % грузоперевозок в КНР осуществляется морским путём, причём сюда входят импортные и экспортные грузы Китайской Республики». Исходя из этого, Китай прилагает многолетние целенаправленные усилия для поиска более стабильных и надёжных источников поставок углеводородов. Естественно, Центральная Азия с богатыми ресурсами попала в поле зрения КНР с момента образования после распада СССР новых независимых государств.

Казахстан и китайская энергетическая стратегия

Угроза «сырьевого голода» была одной из причин, по которым КНР ещё в 1999 г. провозгласила политику «выхода за рубеж». Об этом же говорит и программа развития энергетики на среднесрочную и долгосрочную перспективу (2004–2020 гг.), которая была принята Государственным советом КНР. К ключевым пунктам этой стратегии относились:

- поиск новых месторождений нефти как внутри страны, так и за рубежом;
- увеличение стратегического запаса нефти в связи с непредсказуемостью мирового нефтяного рынка;
- обеспечение безопасности транспортировки нефти по суше и по морю.

В рамках общей стратегии с сентября 1997 г. и до июня 2001 г. применительно к ЦА реализовывался подход, обозначавшийся в китайских источниках как «Этап усиления сотрудничества». В сентябре 1997 г. между КНР и Казахстаном было заключено межправительственное соглашение о сотрудничестве в нефтегазовой области. Это событие стало знаком наступления нового этапа политики Пекина в Центральной Азии.

В этот период ситуация в регионе характеризовалась тем, что по мере усиления влияния движения «Талибан» и ухудшения ситуации в Афганистане расширялась сфера сотрудничества в области безопасности между Китаем и центральноазиатскими республиками с пограничных территорий на всё региональное пространство. В свою очередь, улучшение экономических условий в странах ЦА предоставило благоприятные условия для торгово-экономического сотрудничества между странами региона и КНР.

В конце XX – начале XXI века экономика КНР демонстрировала максимально бурный рост, в результате чего сильно рос спрос страны на энергетические ресурсы для обеспечения устойчивого экономического развития. Центральная Азия стала потенциальным и дополнительным источником энергии для Китая. В этот период, по оценкам китайских исследователей, заметнее становилась тенденция разрыва уровня экономического развития между западной и восточной частями КНР. В целях поддержания стабильности правительство Китая предприняло стратегию «Освоение Запада». В политике Пекина место и роль центральноазиатских государств возросли, страны региона стали важными торгово-экономическими партнёрами именно для Синьцзяна.

При этом надо учитывать, что, несмотря на многочисленные разговоры о переносе производства с востока на запад КНР и программы по «развитию Запада», главные экспортноориентированные кластеры в Поднебесной по-прежнему находятся на восточном побережье страны, а региональные диспропорции сохраняются.

В этой связи Казахстан стал рассматриваться Пекином как удобный партнёр, через территорию которого может осуществляться не только транзит энергоресурсов в КНР из других стран. Одновременно сама РК претендовала на роль прямого поставщика нефти и газа в Китай. Хотя, если посмотреть на цифры, до последнего времени основными покупателями казахстанской нефти являются европейские государства. Почти 70 % добываемой в РК нефти экспортируется в западном направлении через

Каспийский трубопроводный консорциум. А его учредители заявляли, что недавняя модернизация КТК позволит увеличить долю поставок казахстанской нефти до 52–60 млн т в год, а чуть позже и до 67 млн т [Самтаев, 2017б].

Ситуация с нефтяным экспортом РК в КНР выглядит не слишком радужно: с 2013 по 2017 гг. экспорт казахстанской нефти в Китай сократился в 10 раз: с 8,7 млрд долл. в 2013 г. до 853,4 млн долл. в 2017 г. В 2018 г. Казахстан продавал Китаю нефти меньше, чем в Румынию. Более того, за этот же период Китай для Казахстана перестал являться крупнейшим азиатским партнёром. Пальму первенства перехватила Южная Корея, хотя ещё в 2013 г. Сеул вообще не закупал казахстанскую нефть [Никаноров, 2020]. К. Сыроежкин в начале 2019 г. указывал: «Спрос на казахстанскую нефть в Китае падает уже три года подряд. И это нормальная тенденция. Параллельно увеличиваются поставки из России и Латинской Америки. Мы тут не главные — у нас объём внешней торговли с Китаем в 2018 г. составил порядка 18 млрд долл., а объём внешней торговли Китая с миром перевалил за триллион долларов. Хотя для нас эти объёмы и значимы, однако повлиять на что-то мы не можем» [Киселёва, 2019].

Параллельно увеличивался поток трудовых мигрантов из Китая в Казахстан. С 2008 г., согласно статистике, в РК стали активно прибывать граждане КНР для работы. В 2015–2016 гг. число трудовых мигрантов из Китая выросло на 100 % — на 1 июля 2016 г. в Казахстан приехали 11 713 граждан Поднебесной.

С 2013 г. КНР объявила о начале реализации своей мегаинициативы «Один пояс — один путь» (Центральной Азии непосредственно касается главная часть данного суперпроекта — Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП). К настоящему времени инициатива превратилась в базис всей внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности Китая.

В рамках инициативы «Один пояс — один путь» КНР строит нефтяные и газовые магистрали из России и стран Центральной Азии через Пакистан и Мьянму (в обход Малаккского пролива), а также терминалы для нефтяных танкеров и регазификации СПГ из стран Персидского залива, Австралии, РФ, стран ЮВА [Виноградов, 2020]. В целом эта программа должна снизить уязвимость поставок и обеспечить достаточное предложение углеводородов по приемлемой для Китая цене.

При этом китайские аналитики единодушно указывают на обеспеченность инициативы КНР значительным финансовым ресурсом: безусловным фактором превосходства «Экономического пояса Шёлкового пути» над другими проектами является финансовое могущество Китая, который способен финансировать грандиозный замысел. Китай в настоящее время стал ведущим кредитором и инвестором экономик республик ЦА. Только в ходе сентябрьского визита С. Цзиньпина в 2013 г. в четыре страны региона было

подписано контрактов (меморандумов) на общую сумму в более чем 60 млрд долл. В Казахстане, в частности, в ходе визита состоялась «делка с казахской нефтяной корпорацией, разрабатывающей одно из месторождений в Каспийском море, на сумму в 5 млрд долл. [Алымбеков, 2020]. Этот контракт стал одним из серьёзных успехов китайской экономической политики: благодаря тому, что *China National Petroleum Corporation (CNPC)* купила у национальной компании «КазМунайГаз» 8,33 % каспийского месторождения Кашаган, геологические запасы которого оцениваются в 4,8 млрд т нефти [Кондратьев, 2018], Китаю удалось занять довольно выгодную позицию, участвуя в нефтегазовых проектах Каспийского региона, не только в Туркмении, но и на территории Казахстана.

В сентябре 2013 г. Премьер Госсовета КНР В. Цзябао, выступая на форуме китайско-евразийского экономического сотрудничества в Урумчи, заявил, что за последние 10 лет прямые инвестиции Китая в страны Центральной Азии в общей сложности составили порядка 250 млрд долл. [Сампаев, 2013].

Товарооборот между странами в 2018 г. по официальной казахстанской статистике составил 12 млрд долл. В основе казахстанского экспорта в Китай, составляющего более половины от товарооборота: нефть, газ, металлы и зерновые. По оценкам властей РК, из КНР за годы независимости Казахстана поступили около 20 млрд из 330 млрд долл. иностранных прямых инвестиций. По неофициальным оценкам, всего Китай вложил в Казахстан от 50 млрд [Панченко, 2019b] до 80 млрд долл. [Малаев, 2020].

Известный китаевед, бывший главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ), профессор К. Сыроежкин на вопрос «Сколько китайских денег вложено в экономику Казахстана?» в 2018 г. отвечал так: «Трудно сказать. Точные цифры никто не называет. К тому же есть существенная разница между прямыми иностранными инвестициями, есть реинвестиции — деньги, заработанные в стране пребывания, есть кредиты. Если попытаться подсчитать объёмы предоставленных кредитов, то, по различным данным, за все годы независимости они составили 55–80 млрд долл.»

По данным же Комитета по инвестициям Министерства по инвестициям и развитию РК, озвученным осенью 2017 г., за последние 12 лет Китай вложил в экономику Казахстана 14,5 млрд долл. А всего общий объём инвестиций КНР в казахстанскую экономику за все годы независимости РК превысил 42,8 млрд долл. Насколько можно понять, значительная часть китайских инвестиций пошла в нефтегазовый сектор Казахстана, так как странным совпадением является то, что, по заявлению *China National Petroleum Corporation (CNPC)*, за последние 20 лет общая сумма инвестиций компании в нефтегазовые проекты в Казахстане превысила всё те же 42 млрд долл. [Сампаев, 2017a].

Топливо-энергетические активы КНР в Казахстане

Казахские национал-патриоты в 2018 г. произвели подсчёт и оценку активов казахстанского ТЭКа, принадлежащих Китаю на основании озвученной в СМИ РК и не опровергнутой информации. Вкратце ситуация к концу 2018 г. выглядела следующим образом.

Доля китайских компаний составляла около 22 % всей годовой добычи нефти и газоконденсата в Казахстане.

В 1997 г. *CNPC* приобрела 60,33 % акций АО «Актобемунайгаз» (переименовано в «*CNPC* – Актобемунайгаз»). В дальнейшем государственный пакет акций ОАО «*CNPC* – Актобемунайгаз» в размере ещё 25,12 % был продан на Казахстанской фондовой бирже компании, которая принадлежала *CNPC* на 51 %. В августе – сентябре 2003 г. *CNPC* посредством двух сделок приобрела 100 % в месторождении Северные Бузачи (Мангистауская область) у компаний *Nimir Petroleum* (35 %) и американской *Chevron Texaco* (65 %).

В августе 2004 г. компания *Sinopec* приобрела за 160 млн долл. компанию *First International Oil Company (FIOC)*, которой принадлежат 100 % в ТОО «Сазанкурак» (месторождение Сазанкурак в Атырауской обл.); 100 % в ТОО «Прикаспиан Петролеум Компани» (месторождения Мынтеке Южный и Междуреченское в Атырауской обл.); 50 % в ТОО «Адай Петролеум Компани» (месторождение Адайское в Атырауской обл.); 100 % в ТОО «Сагиз Петролеум Компани» (Сагизский участок в Актюбинской обл.); 22,5 % в ТОО «Уралс Ойл и Газ» (нефтегазовый блок Федоровский в Западноказахстанской обл.).

В начале 2005 г. китайская государственная *China National Oil and Gas Exploration and Development Corporation (CNODC)* приобрела 100 % АО «АйданМунай» (переименована в ноябре 2005 г в АО «СНПС – АйДанМунай»). Компания владеет месторождением Арыское в Кызылординской области. В октябре 2005 г. *CNPC* приобрела за 4,18 млрд долл. 100 % акций *PetroKazakhstan Inc.* («ПетроКазахстан»). Последняя является собственником акций (долей участия) в уставном капитале таких недропользователей в РК, как: 99,75 % в АО «ПетроКазахстан Кумколь Ресорсиз»; 50 % в АО «Тургай Петролеум» (через АО «ПетроКазахстан Кумколь Ресорсиз»); 100 % в ТОО «Кольжан»; 75 % в АО «ПетроКазахстан Венчурес Инк.»; 50 % в ТОО «КазГерМунай».

Кроме того, «ПетроКазахстан» владеет группой крупных месторождений в Кызылординской и Карагандинской областях. В результате различных правительственных решений китайский инвестор сохранил за собой 67 % нефтегазодобывающих активов «ПетроКазахстан» и 50 % активов в Шым-

кентском НПЗ*, а 33 % и 50 % соответственно передал в июле 2006 г. национальной компании «КазМунайГаз» на тех же условиях, на которых приобрёл активы в октябре 2005 г. В октябре 2006 г. китайская *CITIC Group* достигла договорённости о приобретении за 1,9 млрд долл. 100 % компании *Nations Energy Company Ltd.*, владеющей 100 % голосующих акций или 94,62 % общего числа акций АО «Каражамбасмунай». Последняя обладает правом разведки и добычи на месторождении Каражамбас в Мангыстауской обл. Сделка была завершена в декабре 2006 г. на условии, что впоследствии 50-процентная доля «Каражамбасмунай» будет передана национальной компании «КазМунайГаз».

В 2008 г. китайцы выкупают ТОО «Потенциал Ойл», обладающее правом добычи нефти на месторождении Бегайдар в Атырауской области. В январе 2009 г. китайская *China Zhenhua Oil Co Ltd.* приобрела за 360 млн долл. 100 % ТОО СП «Куат Амлон Мунай», обладающего правом недропользования на проведение разведки и добычи углеводородного сырья на месторождениях Коньыс и Бектас в Кызылординской области.

В августе 2009 г. компания *Yukon Energy Holdings S. A.*, за которой по имеющейся информации стояла *CNPC*, купила за 164 млн долл. 86,79 % акций АО «Ланкастер Петролеум» (переименовано в АО «КМК Мунай»), обладающего правом на месторождения Кокжиде, Кумсай и Мортук в Актыубинской области. В сентябре 2009 г. китайский государственный инвестиционный фонд *China Investment Corp. (CIC)* приобрёл 11 % акций АО «Разведка Добыча «КазМунайГаз»» за 939 млн долл. В ноябре 2009 г. *CNPC* приобрела 50 % доли в АО «Мангистаумунайгаз» через компанию *Mangistau Investments B. V.*, созданную совместно с «КазМунайГазом» с 50-процентным долевым участием каждой из сторон. «Мангистаумунайгаз» владеет рядом крупнейших месторождений в Мангыстауской области: Каламкас, Жетыбай, Жетыбай Южный, Жетыбай Восточный, Асар, Оймаша, Алатюбе, Аккар Северный, Бурмаша, Карагие Северное, Бектурлы, Придорожное, Ашиагар, Атамбай-Сартюбе, Айрантакыр.

Далее *Sinopes* приобрела 50 % долю участия в компании *Caspian Investments Resources* (бывшая *Nelson Resources Limited*), которая владеет следующими нефтегазодобывающими активами: 50 % в ТОО «Казахойл-Актобе» (месторождения Алибекмола и Кожасай в Актыубинской области); 50 % в месторождении Северные Бузачи в Мангыстауской области (оператор месторождения *Buzach Operating Ltd.*); 100 % в ТОО «Каракудукмунай»

* *CNPC*, таким образом, стала единственным иностранным инвестором, контролирующим значительную часть казахстанской нефтепереработки. При этом, по словам посла КНР в Республику Казахстан Ч. Сяо, «качество нефтепродукта Шымкентского нефтеперерабатывающего завода было повышено с европейского стандарта Евро-II на Евро-IV и Евро-V, таким образом, Казахстан перестал считаться нефтедобывающей страной, которая никогда не могла производить нефтепродукт высокого качества».

(месторождение Каракудук в Мангыстауской обл.); 50 % в ТОО СП «Арман» (месторождение Арман в Мангыстауской обл.); 25 % в ТОО «Жамбай» (месторождения Жамбай Южный и Забурунье Южное в Атырауской обл.). В период с декабря 2009 по конец 2010 г. «КазМунайГаз» передаёт в «Разведка Добыча «КазМунайГаз»», которая принадлежит китайцам на 11 %, свои доли в компаниях «ПетроКазахстан» (33 %), «Казахойл-Актобе» (50 %), «КазТуркМунай» (49 %) и «Мангистаумунайгаз» (50 %).

В феврале 2011 г. китайская *MEI Holdings Corporation* заключила договор на приобретение за 170 млн долл. 100 % доли участия в ТОО «Эмир Ойл», обладающем правом недропользования на месторождениях группы Аксаз, Долинное и Емирблок (АДЕ), нефтегазовом месторождении Кариман, разведочных структурах Борлы и Ессен (Южно-восточный блок), разведочной территории Северо-западного блока, расположенной на побережье Каспийского моря (Мангистауская обл.).

Таким образом, как утверждают критики политики казахстанской власти, в Актюбинской области китайским инвесторам принадлежит основная нефтедобывающая компания «СНПС – Актобемунайгаз», а также вторая и третья по значению «Казахойл-Актобе» и «Ланкастер Петролеум». В совокупности на их долю приходится 97 % добываемой в области нефти и 95 % добываемого газа.

В Кызылординской области китайские производители контролируют ведущее предприятие «ПетроКазахстан» и имеют доли в «КазГерМунае» и «Тургай Петролеуме», контролируя 61 % добычи нефти и газа в области.

В Мангыстауской области китайские инвесторы вошли в «Мангистаумунайгаз», «Каражамбасмунай», «Бузачи Оперейтинг», «Каракудукмунай», контролируя не менее 30 % добычи нефти в области.

В Атырауской области китайские компании работают недавно, хотя и здесь ими уже контролируется 11 % добычи нефти.

Китай и общественные настроения в Казахстане

Одновременно с началом процесса активизации экономического проникновения КНР в РК с середины 90-х гг. XX века, «фактор Китая» начал превращаться в важную составляющую собственно внутривнутриполитической жизни Казахстана. Об этом свидетельствовали социальные конфликты на крупных китайских предприятиях (на нефтяных месторождениях *China National Petroleum Corporation* в Западном Казахстане), локальные акции протеста и конфликты между казахстанскими и китайскими торговцами на рынках.

В этой череде конфликтов первым крупным, приобретшим общереспубликанскую известность, стала история о том, как китайские работодатели из «СНПС-Актобемунайгаз» (месторождение Жанажол в Актюбинской обл.)

якобы заставляли казахстанских рабочих петь утром гимн КНР, а недовольных этим или чем-то иным увольняли. Увольняли и лояльных местных работников, поскольку их рабочие места занимали граждане Китая. Так, в начале «нулевых» сразу было уволено около двух тысяч казахстанских нефтяников «в связи с реорганизацией». Хождения по судебным инстанциям для казахстанских рабочих закончились безрезультатно.

Особенно активно критика китайско-казахстанского экономического партнёрства в топливно-энергетической сфере же несколько десятилетий звучит со стороны национал-патриотов РК. И с каждым годом она только усиливается и получает расширяющуюся общественную поддержку.

«Нацпаты» критикуют власть за «чрезмерный» рост китайского влияния в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК) РК, что, по их мнению, несёт прямую угрозу национальной безопасности страны.

Ещё в начале ноября 2014 г. ряд казахстанских (преимущественно казахскоязычных) СМИ озвучил информацию о том, что доля компаний КНР в нефтяной отрасли республики в 2013 г. превысила 40 %. Согласно же официальным данным того периода, доля национальной компании «КазМунайГаз» (НК КМГ) как мажоритарного акционера в АО «Разведка Добыча КМГ» оставалась неизменной и составляла 57,9 %, а доля *China Investment Corporation* не превышала 11 %. Но эти данные критиковались за то, что существовала «общая доля миноритарных инвесторов АО «РД КМГ», чьи акции (31 %) «находились в свободном обращении». Критики «китайской нефтяной экспансии» подозревают, что под неизвестными миноритариями и имелись в виду подконтрольные *China Investment Corporation* компании.

Критики политики расширения партнёрства с Китаем не доверяют официальным оценкам «китайского присутствия» в ТЭК Казахстана. Например, известный публицист национал-патриотического направления Р. Жумалы, повторяя получившие широкое распространение суждения о рисках, связанные с усилением и закреплением неограниченного влияния китайских компаний в ТЭК Казахстана (от 25 % до 40 %), делает достаточно прямые намёки на значительную коррупционную составляющую, имеющую место в переговорах с КНР по базовым контрактам. С его точки зрения, не может не обращать на себя внимание то обстоятельство, что казахстанская сторона традиционно отдаёт предпочтение на переговорах китайским нефтяным компаниям, хотя их конкуренты часто предлагают более выгодные для Казахстана условия [Алимов, 2014].

Однако казахстанский синолог К. Сыроежкин предлагал обратить внимание и на других иностранных инвесторов. «Активное наращивание присутствия (Китая – *прим. авт.*) началось в 2003 г., и за эти 10 лет с 4 процентов до 24, так скажем, выросла чистая добыча для Китая нефти, по газу где-то с 3 процентов до 13 – то есть за 10 лет существенный прирост. Но есть

несколько «но». Когда мы говорим о присутствии того или иного иностранца в том или ином секторе, надо посчитать всех. Почему-то ни у кого не вызывает страхов, насколько велико американское присутствие. Две компании в нефтянке — это чистые 40 %, а в газовой сфере — 65 %, и никто не говорит об американской экспансии», — отметил экс-эксперт Казахстанского института стратегических исследований.

Точную долю добываемой в Казахстане нефти, которая принадлежит компаниям КНР, даже несмотря на публикацию списка нефтяных компаний с китайским участием, работающих в РК, высчитать сложно (если возможно вообще). Но первые заявления о том, что Китаю уже принадлежит около 40 % нефтегазовых ресурсов РК появились ещё в 2010 г. Тогда об этом заговорили не только представители казахстанской оппозиции, но и некоторые парламентарии, выразившие озабоченность увеличением присутствия китайского бизнеса в казахстанской экономике.

Критики указывают и на то, что казахстанская экономика с каждым годом всё сильнее подсаживается на «иглу» инвестиций и кредитов Китая. Это же в разной степени, относится и ко всем другим государствам Центральной Азии. В Казахстане много говорят о том, что при наличии достаточных средств в Национальном фонде РК (около 63,05 млрд долл. на начало 2017 г.), которые могли бы быть использованы в качестве инвестиций в стратегические проекты, руководство Казахстана до последнего времени предпочитало брать кредиты у Пекина.

Речь при этом идёт в первую очередь о крупных инфраструктурных проектах: строительстве Мойнакской ГЭС в Алматинской области и строительстве нефтепровода «Атасу — Алашанькоу», который в 2014 г. вышел на проектную мощность до 20 млн т ежегодно)*

. Также на китайские кредиты запланировано строительство и развитие названного общенациональным проектом газопровода «Бейнеу — Бозой — Шымкент», где участниками с казахстанской стороны является АО «КазТрансГаз», а с китайской — *Trans-Asia Gas Pipeline Co. Ltd.* Старт заполнения газом участка «Бозой-Шымкент» был дан в сентябре 2013 г. во время визита С. Цзиньпина в Казахстан [Муминов, 2014]. Бывший глава «КазМунайГаза» С. Мынбаев в 2015 г. даже не исключал возможности после завер-

* С момента появления нефтепровода «Казахстан — Китай» у ряда экспертов возникли сомнения в способности РК заполнить эту трубу достаточным количеством сырья. По их оценкам, из-за истощения старых месторождений дефицит нефти для участка «Атырау — Кенкияк» может составить 5–6 млн т, а на участке «Кенкияк — Кумколь» 8–9 млн т. Звучали предложения ликвидировать этот дефицит поставками с месторождений Кашаган и Тенгиз. По официальным данным, сейчас действующая пропускная способность нефтепровода «Атасу — Алашанькоу», который проходит по территории Казахстана, составляет 20 млн т нефти в год, из которых 10 млн используются для транзита объёмов «Роснефти» в 2017 г., а около 2–3 млн т — для экспорта казахстанской нефти [Сампаев, 2017b].

шения строительства части газопроводной системы «Бейнеу – Бозой – Шымкент» поставок в КНР газа с Карачаганака.

Китайская экономика нуждается в энергетических ресурсах, поэтому китайское руководство целенаправленно прилагает усилия по получению доступа к нефтегазовым богатствам региона. Первым шагом в данном направлении стало именно строительство газопровода «Центральная Азия – Китай».

Стоит добавить, что в РК надеялись начать поставки собственного газа в КНР уже в 2017 г. [Михайлов, 2016], «сразу после подписания соответствующих документов», по словам бывшего министра энергетики РК К. Бозумбаева. По его словам, в 2017 г. «проектная мощность газопровода будет доведена до 10 млрд куб. м. Это позволит начать поставки отечественного газа на экспорт в Китай, если будут подписаны соответствующие договоры. Кроме того, рассматривается возможность транзита российского газа в Китай по действующей газотранспортной системе Казахстана» [Елемесов, 2017]. Этого, однако, до настоящего времени не произошло.

Сторонники сворачивания сотрудничества с КНР также считают, что внутренние рынки нефтепродуктов Казахстана могут в перспективе попасть в зависимость от Китая. Сейчас, после модернизации на китайские деньги трёх НПЗ РК снял имевшуюся ранее серьёзную зависимость в этом плане от поставок ГСМ из России, но критики официальной власти обращают внимание на активизацию казахстанских толлинговых операций за рубежом. Для этого в законодательную базу республики были внесены определённые изменения после принятия законов «О магистральном трубопроводе», а также «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам магистрального трубопровода и налогообложения». При внесении данных поправок руководство РК указывало на то, что переработка казахстанской нефти в Китае была вызвана загруженностью республиканских НПЗ. Теперь, согласно договорённостям, толлинговые операции с КНР предполагают переработку казахстанской нефти в Синьцзяне. Ежегодно из республики собираются поставлять в Китай около 1,5 млн т нефти, а обратно получать 1 млн т высокооктанового бензина в год [Сампаев, 2013]. Однако Астана рассматривает возможность толлинговых операций не только с Китаем, но также с Минском, Ашхабадом и Баку, а модернизация казахстанских НПЗ изменила ситуацию с перспективами реализации толлинговых схем.

Экономическое сотрудничество КНР с Казахстаном полностью подчинено задачам развития китайской экономики. Растущий внутренний спрос на энергоресурсы в КНР закрепляет превращение Казахстана в «сырьевой придаток» уже не только западной, но и китайской экономики.

Небывалый экономический рост КНР по многим параметрам сопряжён с растущей потребностью в энергоносителях. Вплоть до 1993 г. Китаю хва-

тало собственной нефти, но затем нарастающий дефицит углеводородного сырья стал постоянным явлением. В силу этого очевидно, что к настоящему времени интересы КНР в Казахстане уже стали важнейшей частью мер по обеспечению энергетической безопасности Китая.

Тема присутствия китайского бизнеса в нефтегазовом секторе республики является одной из дискуссионных и болезненных в казахстанских медиа и области общественного сознания. Можно было бы согласиться с часто высказываемыми в РК опасениями «энергетической экспансии» Китая, если бы за ними не просматривался политический заказ. Эксперты и активисты, поднимающие вопрос об угрозе национальной безопасности от иностранного присутствия в казахстанском нефтегазовом секторе, почему-то всегда говорят о КНР, а желательно было бы посчитать процентное соотношение всех присутствующих в ТЭК страны иностранных инвесторов. Пекин до настоящего времени в этом списке не занимает первые позиции. Например, доля только двух крупнейших в Казахстане газо- и нефтедобывающих компаний, принадлежащих главным образом западным инвесторам — СП ТОО «Тенгизшевройл» и *Karachaganak Petroleum Operating B. V.*, по добыче нефти составляет 40,90 %, а газа — 71,61 % [Сыроежкин, 2010].

Мало кто из критиков официальной позиции казахстанских властей в области сотрудничества в нефтегазовой сфере с КНР рассматривает детали казахстанско-китайского сотрудничества в сфере ТЭК. Существенное значение имеет, какие компании приобрели китайские инвесторы (прогнозируемые и извлекаемые запасы, а также начало эксплуатации месторождений); как эти компании работают при новом инвесторе и, наконец, в чём состоял интерес Казахстана при заключении контрактов.

Ситуация же выглядит так: китайский бизнес часто приобретал зарегистрированные в офшорах частные компании, принадлежащие другим иностранным инвесторам, пришедшим в РК ещё в 90-х гг. XX века. Одновременно, практически все приобретённые Китаем в последние годы месторождения казахстанской нефти имеют небольшие балансовые и извлекаемые запасы, а значительная их часть находится в разработке с конца 1980-х — начала 1990-х гг. и сейчас входит в стадию «затухания» добычи. Также стоит отметить, что казахстанские власти на высшем уровне неоднократно высказывали заинтересованность в диверсификации направлений транспортировки своих углеводородов и желании разнообразить список иностранных инвесторов. В этом плане Китай как близкий сосед и наиболее перспективный рынок поставок углеводородов и вполне платёжеспособное государство, смотрится полностью органично.

Как отмечал Сыроежкин, контракты на недропользование, подписанные с китайскими компаниями, на порядок лучше, чем подписанные с западным бизнесом. При этом, в отличие от западных компаний, работающих на контрактных условиях СРП, все китайские компании работают в соот-

ветствии с действующим в Казахстане налоговым законодательством. В отличие от других иностранных инвесторов, на базе предприятий, приобретённых Китаем, в дальнейшем создаются казахстанско-китайские совместные предприятия, что при грамотном использовании является для экономики Казахстана безусловным плюсом.

Стоит добавить, что если в 2016 г. в РК было зарегистрировано 2500 предприятий с участием китайского капитала, то по состоянию на 1 февраля 2017 г. их количество выросло до 2783, причём 985 из них были сугубо китайскими [Муминов, 2018].

Ещё в 2010 г. тогдашний глава национальной нефтегазовой компании «КазМунайГаз» (КМГ) К. Кабылдин заявил, что нефтегазовому сектору РК экспансия КНР не угрожает. По мнению Кабылдина, доля КМГ в добыче казахстанской нефти в 2010 г. составила 28 %, компаний США – 24 %, КНР – 22 %, Европы – 17 % и России – 9 % [Ермаганбетова, 2010]. Схожей точки зрения придерживался и бывший министр нефтяной и газовой промышленности Казахстана и экс-премьер-министр Нурлан Балгимбаев, который заявлял, что предприятия с китайским участием не имеют значительного ресурсного потенциала в РК. В 2010 г. директор Агентства по исследованию рентабельности инвестиций Кайнар Кожумов вообще заявил, что доля компаний с китайским участием в нефтедобыче в РК должна не увеличиться, а, наоборот, снизиться к 2020 г. до 15 %. Хотя, по мнению Кожумова, этот прогноз должен был сбыться лишь при условии, если Пекин не приобретёт новых активов в нефтегазовой сфере Казахстана. В связи с этим Кожумов высказал оригинальную мысль, что обеспокоенность казахстанской общественности присутствием китайских компаний в РК обусловлена, скорее, «каким-то психологическим фактором или генетической какой-то памятью», чем реальным положением дел. «И дискуссия, которая в обществе продолжается (о китайском присутствии на рынке нефтедобычи РК. – прим. авт.), должна быть направлена не на культивацию и подпитывание этой ксенофобии, а на проблемы определения того, в чём наши интересы заключаются, – заявил он.

Методы Китая по вхождению на мировые энергетические рынки не вызывают удивления. Его стратегия похожа на стратегию других глобальных игроков и в равной степени амбициозна. Китай хочет занять сильные позиции в мировой системе – это новая могучая держава на международных энергетических рынках и таковой она останется, несмотря на фобии и подозрения части казахского общества.

Начало паузы в экономическом сотрудничестве РК и КНР

В последние годы резкому росту панических настроений сильно поспособствовали превращение Китая во вторую по размерам экономику мира,

информационная война против Пекина на тему «преследования казахов» в Синьцзян-Уйгурском районе, рост китайских инвестиций в казахстанскую экономику и негативные публикации в прессе о том, к чему приводит китайская экспансия в развивающихся государствах Африки, Азии и Латинской Америки. На фоне меняющихся массовых настроений власти РК вначале продолжали демонстрировать оптимизм в отношении партнёрства с великим восточным соседом.

На сегодня между Пекином и Нур-Султаном сложился консенсус относительно правил экономического взаимодействия друг с другом. Его суть заключается в том, что казахстанская власть, получая финансирование со стороны Поднебесной, соглашается на ряд стандартных китайских условий, среди которых, как правило, присутствуют: передача долей в проектах китайским компаниям, поставки произведённой продукции в КНР на выгодных условиях и по выгодным для Китая ценам, использование при реализации проектов китайских материалов, технологий, оборудования и рабочей силы. Взамен Пекин финансирует проекты в Казахстане на льготных условиях.

В казахстанском (в первую очередь, казахском) же обществе с рубежа 2015–2016 гг. отчётливо фиксируется быстрый рост синофобских настроений. Уже можно утверждать, что синофобия в силу широкой распространённости становится серьёзной угрозой для внутривнутриполитической стабильности, несмотря на то, что многие страхи основаны на фейковой информации*.

В конце сентября 2016 г. на саммите *G20* в Ханчжоу президент Казахстана Н. Назарбаев заявил, что к 2020 г. на территорию Казахстана из Китая будет перенесено 51 предприятие и осуществлены инвестиции на сумму свыше 20 млрд долл. Глава РК тогда отметил, что два крупных проекта из этой серии – один в строительстве автодорог, а второй – в нефтехимии – уже реализованы.

Вначале перенос касался только топливно-энергетического комплекса, но в дальнейшем планируется перенести 51 объект из других отраслей производства [Ковалёва, 2018].

Позднее слово «перенос» в риторике чиновников было заменено на «реализацию инвестиционных проектов». При этом внутри Китая и для внешних мировых игроков этот процесс показывается казахстанскими чинов-

* Например, поводом для масштабных антикитайских выступлений, охвативших самые разные регионы РК в сентябре 2019 г. стала рассылка в *WhatsApp*, которая была основана на новостях пятилетней давности: рамочном соглашении о 55 совместных проектах РК с КНР, подписанном ещё в 2015 г. Отправлена рассылка была за неделю до первого государственного визита президента Токаева в Китай, а вторая волна протестов (21 сентября) была организована за день до приезда в Казахстан председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР Ли Чжаньшу [Умаров, 2019].

никами именно как перенос производства, а для общественного мнения в Казахстане подавалось местными СМИ как «новые совместные проекты» [Курманов, 2019].

Финансирование проектов, по словам главы Национального агентства по экспорту и инвестициям *Kaznex Invest* Б. Жангуразова, будут осуществлять три банка КНР и китайский инвестиционный фонд «Шёлковый путь». Для этой цели они предоставят льготные кредиты, отмечал Жангуразов [Воробьёв, 2016].

Стоит отметить, что казахстанские чиновники периодически называли другие, отличные от первоначально заявленных Н. Назарбаевым, цифры. Так, по словам вице-министра по инвестициям и развитию РК Е. Хаирова, общая программа сотрудничества в индустриально-инвестиционной сфере предусматривает реализацию 51 проекта с согласованным объёмом китайских инвестиций в 26 млрд долл. По его словам, в первую группу входят около 45 индустриальных проектов, по 25 из них уже подписаны соглашения на общую сумму в 23 млрд долл. «Речь идёт не о переносе действующих производств, а о создании в Казахстане новых производств с использованием новейшего оборудования», – утверждал в 2016 г. Хаиров. Проекты предполагалось реализовать в обрабатывающем секторе и в сфере инфраструктуры, а именно в металлургии, переработке нефти и газа, химической промышленности, машиностроении, энергетике, лёгкой промышленности, переработке сельскохозяйственной продукции, транспорте и логистике, новых технологиях и производстве ТНП.

По оценке К. Сыроежкина, для Казахстана всё вышесказанное звучит привлекательно, однако, «было бы лучше, если бы Министерство по инвестициям и развитию РК опубликовало полный список этих предприятий, а ещё лучше – программу индустриально-инвестиционного сотрудничества Казахстана с Китаем. Во всяком случае, это не только сняло бы массу вопросов, но и предупредило бы возникновение новой волны синофобии». Рост общественного недовольства данным мегапроектом в РК вынудил власти опубликовать список будущих предприятий в 2019 г. Действительно, несмотря на достаточно широкий общественный резонанс китайской инициативы, её содержательная часть остаётся малоизвестной даже для экспертов Казахстана. «По 51 промышленному объекту, запланированному для переноса в Казахстан, никакой внятной информации я до сих пор не встречал. Сложно сказать об отрицательных или положительных последствиях этого решения, не имея представления о специфике предполагаемых к переносу производств, условий и договорённостей между китайской и казахстанской стороной по соблюдению природоохранных норм, о формировании штатного состава работников, о форме собственности и принципах распределения прибыли» [Соколай, 2016], – высказывался по теме «51 проекта» политолог Султанбек Султангалиев. Отсутствие конкретной инфор-

мации по теме несколько лет работало на укрепление и распространение общественных опасений и подозрений в том, что «власть что-то скрывает».

Провластные исследователи убеждали население, что с «переносом» будут связаны исключительно положительные моменты. По словам научного сотрудника Казахстанского института стратегических исследований, при Президенте РК Б. Сыздыкова, в 2017 г. была начата реализация двенадцати из них. «Преимущественно это обрабатывающая промышленность. Среди них наиболее крупные – это строительство медеплавильного завода в Восточно-Казахстанской области, завода по выпуску полипропилена в Атырауской области и модернизация Шымкентского нефтеперерабатывающего завода. В целом реализация проектов позволит создать дополнительно 15 тысяч рабочих мест, а также существенно повысить квалификацию казахстанских рабочих», – объяснял выгоды для казахстанской стороны эксперт. Основным инвестором этих проектов является КНР. «В рамках инициативы «Экономический пояс Шёлкового пути» планируется реализация проектов, в том числе финансируемых Фондом Шёлкового пути и Азиатским банком инфраструктурных инвестиций. Общая программа сотрудничества предусматривает реализацию 51 проекта с согласованным объёмом китайских инвестиций в 26 миллиардов долларов» [Масанов, 2017], – пояснял Сыздыков.

От чрезмерного оптимизма в связи с ожидаемым «переносом» ещё в 2017–2018 гг. предостерегали независимые казахстанские политологи и экономисты. Например, по мнению политолога М. Шибутова, у КНР существуют сложившиеся приоритетные и неприоритетные сферы взаимодействия с Казахстаном. Транзит газа и поставка урана, нефти некоторых металлов – важные для Китая направления, и по ним сотрудничество двух стран продолжится вне зависимости от мировой экономической конъюнктуры. Во всех остальных областях чётких договорённостей пока нет. «Надо понимать, что Китай будет вкладывать деньги только в те сферы, где будут гарантии сбыта и получения прибыли – этих сфер у нас не так много», – полагает Шибутов. Он также отмечает, что несырьевые китайские компании выступают в Казахстане только как обслуживающие сырьевых производителей: «Так что я бы ставил целью хотя бы сохранить прежние объёмы сотрудничества с Китаем на прежнем уровне, а о бурном росте в ближайшее время думать лучше не надо» [Мазоренко, 2016].

Резкий всплеск синофобских настроений в казахстанском обществе в 2018–2019 гг., наложившийся на начавшийся в марте 2019 г. процесс транзита высшей власти в РК (без понимания того, когда и в каких формах он может завершиться), а затем эпидемия коронавируса 2020 г. породили «эффект паузы» в экономических отношениях РК и КНР. При этом всё большей общественной критике в Казахстане подвергается именно тема «переноса производств».

Этим переносом производства китайские государственные корпорации достигали сразу нескольких целей, а именно: близость источников сырья, дешёвая рабочая сила, наличие рынка ЕАЭС и близость к Восточной Европе, а также налоговые преференции и либеральное отношение казахстанского правительства к экологическим нормам.

Не меньшей проблемой в двусторонних отношениях является неравномерность темпов китайских инвестиций в Казахстан. Если до кризиса нефтяных цен в 2015 г. наблюдался устойчивый приток прямых иностранных инвестиций в РК, в последние годы фиксируется отток. Впрочем, официальные данные по ПИИ не в полной мере отражают инвестиционную активность китайского бизнеса, который заходит в РК через офшорные территории [Бугаенко, 2020].

По мнению главного научного сотрудника КИСИ при президенте РК Вячеслава Додонова, со времени объявления об инициативе «Один пояс – один путь» (2013) товарооборот Казахстана с Китаем значительно снизился – с 14 до 6 млрд долл. (в 2018). «Наш внешнеторговый оборот зависит от цен на нефть, составляющей 80 % экспорта. И это снижение идёт в русле общих трендов торговой ситуации в Казахстане. Не только объёмы, но и доля снижается – в основном за счёт экспорта, с 18 до 11,4 %. ...Несмотря на прогресс в реализации инициативы «Один пояс – один путь», мы видим не рост, а обратную тенденцию» [Панченко, 2019b], – отмечает Додонов.

Даже на высшем политическом уровне становится очевидным исчерпание идей для инвестиционного сотрудничества Ак-Орды и Чжуннаньхая: в ходе визитов в КНР первого президента Н. Назарбаева в 2018 г. и действующего главы государства К.-Ж. Токаева в сентябре 2019 г. новых инвестиционных соглашений подписано не было. Ряд казахстанских экспертов объясняет это обилием уже подписанных инвестиционных соглашений, которых с 2012 г. накопилось уже 127, на общую сумму 67 млрд долл. Касаются они в основном проектов в нефтегазовом комплексе и обрабатывающей промышленности. С каждым годом растут сомнения в том, что все эти соглашения будут выполнены в заявленном объёме. Ряд казахстанских экспертов говорит, что принимаемые договорённости с Китаем часто плохо продуманы. Прямым доказательством тому может служить пример с договорённостями о переносе 51 предприятия на территорию РК. С момента подписания соглашения с Китаем полностью завершены и сданы в эксплуатацию всего лишь 7 объектов. Некоторые проекты, как было обнаружено, не отвечают потребностям рынка либо географическому расположению регионов Казахстана (его транспортно-логистическим связям), перенос предприятий затягивается или уже прямо отменяется (ситуация вокруг проекта лёгкого рельсового транспорта (*LRT*) в столице страны). К концу 2019 г. власти РК заявляли, что запущено 10 проектов из всех заявленных

по планам 55 производств. Наиболее значимым из реализованных проектов стала осуществлённая при помощи Китая модернизация Шымкентского нефтеперерабатывающего завода, что позволило Казахстану закрыть потребность внутреннего рынка в бензине АИ-92 [Розов, 2019]. Наряду с модернизацией на деньги КНР и двух других казахстанских НПЗ, благодаря которой отрасль практически удвоилась и возник профицит бензина [Панченко, 2019а], это стало позитивным примером использования китайских инвестиций в Казахстане.

Реализация экономической стратегии Китая в Прикаспии уже позволила Пекину получить статус активного участника каспийских геоэкономических процессов, поэтому в ближайшее время ожидать каких-либо прорывов в нефтегазовой сфере РК не приходится. Китай, по всей видимости, в близкой перспективе будет уделять большее внимание развитию транскаспийских грузоперевозок.

При этом, поскольку главным приоритетом для китайского руководства остаётся обеспечение энергетической безопасности самого Китая, она будет реализовываться за счёт импорта сырья из разных регионов мира. Поэтому в ближайшие годы у Китая будет сохраняться интерес к расширению доступа к зарубежным нефтегазовым месторождениям, в том числе казахстанским, при параллельном сокращении присутствия на старых месторождениях, которые уже прошли пик своей добычи. Одновременно КНР будет усиливать активность и в других направлениях, например, закрепляя ранее полученные позиции на казахстанском рынке поставок нефтегазового оборудования, и в предоставлении услуг в сфере ТЭК. Это станет одной из будущих серьёзных проблем для казахстанских компаний, пытающихся работать в этом сегменте национальной экономики.

Очевидно, что все указанные обстоятельства скажутся и на партнёрстве Нур-Султана и Пекина в топливно-энергетической сфере и указанный эффект общего замедления сотрудничества двух стран продлится как минимум до 2021 г.

Список литературы

Цзябао В. 2009. Доклад о работе правительства на 2-й сессии ВСНП 11-го созыва (Полный текст) // http://russian.china.org.cn/china/archive/lianghui-09/2009-03/13/content_17439858.htm, дата обращения 20.03.2020.

Алимов М. 2014. Убить дракона... в себе // <https://camonitor.kz/13545-ubit-drakona-v-sebe.html>, дата обращения 10.02.2020.

Алымбеков М. 2014. Киргизия и Великий шёлковый путь: сочетаемость концепций // <http://old.kabar.kg/kabar/full/83451>, дата обращения 10.02.2020.

Бугаенко А. 2020. Ёмкость «Пояса»: сколько может «впитать» инфраструктура Казахстана? // <https://ekonomist.kz/bugayenko/emkost-poayasa/>, дата обращения 09.03.2020.

Воробьёв А. 2016. Экономические узы Астаны и Пекина становятся крепче // http://www.ng.ru/courier/2016-11-14/11_6858_peekin.html, дата обращения 15.01.2020.

Елемесов М. 2017. Казахстан с 2017 г. планирует экспортировать газ в Китай // <http://www.ca-portal.ru/article:33311>, дата обращения 01.12.2019.

Ермаганбетова Д. 2010. Нефтегазовому сектору Казахстана не угрожает экспансия Китая // <https://zonakz.net/articles/28291>, дата обращения 02.02.2020.

Кашин В. 2019. Зачем Китаю Ближний Восток // <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fopinions%2F2019%2F9%2F25%2F999656.html>, дата обращения 15.03.2020.

Киселёва Т. 2019. Китайская экономика слабеет: есть ли риски для Казахстана и тенге? // <https://365info.kz/2019/01/kitajskaya-ekonomika-slabeet-est-li-riski-dlya-kazahstana-i-tenge-eksperty/>, дата обращения 14.03.2020.

Ковалёва А. 2018. Киргизия и Казахстан: китайские объятия всё более тяжёлы // <https://www.ritmeurasia.org/news-2018-02-04-kirgizija-i-kazahstan-kitajskie-objatija-vse-bole-tjazhely-34778>, дата обращения 28.12.2019.

Кондратьев В. 2018. Как Китай укрепляется на Каспии // <http://vzglyad.az/news/103101>, дата обращения 12.02.2020.

Курманов А. 2019. Китай действует в Казахстане как колонизатор, грабитель и поработитель // <https://news-front.info/2019/09/10/ajnur-kurmanov-kitaj-dejstvuet-v-kazahstane-kak-kolonizator-grabitel-i-porabotitel/>, дата обращения 10.09.2019.

Мазоренко Д. 2016. Сырьевая монотонность: Стоит ли ожидать бума в экономических отношениях Казахстана с Китаем? // <https://vlast.kz/jekonomika/15576-syreva-monotonnost-stoit-li-ozidat-buma-v-ekonomiceskih-otnoseniah-kazahstana-s-kitaem.html>, дата обращения 21.02.2020.

Малаев М. 2019. Пришёл, увидел, прикупил: Китай в странах СНГ // <https://www.kommersant.ru/doc/4112133>, дата обращения 18.03.2020.

Масанов Ю. 2017. Сопряжение без напряжения: сможет ли экономика Казахстана опереться на Шёлковый путь? // <http://www.pcsu-ca.ru/сопряжение-без-напряжения-сможет-ли-э>, дата обращения 19.01.2020.

Михайлов Г. 2016. «Это очень грубо, это унижение»: Китай и Средняя Азия // <https://regnum.ru/news/polit/2115193.html>, дата обращения 19.12.2019.

Муминов А. 2014. Поднебесная играет всё большую роль в Центральной Азии // <https://stanradar.com/news/full/9986-podnebesnaja-igraet-vse-bolshuju-rol-v-tsentralnoj-azii.html>, дата обращения 18.12.2019.

Муминов А. 2018. Китайский язык начал вытеснять в Казахстане русский? // <https://samonitor.kz/31187-kitayskiy-yazyk-nachal-vytesnyat-v-kazahstane-russkiy.html>, дата обращения 13.03.2020.

Панченко Т. 2019а. Казахстан. Антикитайские митинги просто повышают процент по кредитам // https://forbes.kz/process/expertise/ekspert_antikitayskie_mitingi_prosto_povyishayut_prosent_po_kreditam/, дата обращения 12.01.2020.

Панченко Т. 2019б. Казахстану бояться надо не Китая // https://forbes.kz/process/expertise/ekspertyi_boyatsya_nado_ne_kitaya_a_sobstvennoy_syirevoy_zavisimosti/, дата обращения 17.01.2020.

Розов М. 2019. Антикитайские настроения в Казахстане. Версии и факты // <https://www.ritmeurasia.org/news-2019-09-15-antikitajskie-nastroenija-v-kazahstane.-versii-i-fakty-44863>, дата обращения 10.01.2020.

Сатпаев Д. 2013. Китайская экспансия: мифы и реалии // https://forbes.kz/process/expertise/kitayskaya_ekspansiya_mifyi_i_realii, дата обращения 17.01.2013.

Сатпаев Д. 2017а. Кто окучивает финансовые грядки в Центральной Азии // http://ratel.kz/outlook/kto_okuchivaet_finansovye_grjadki_v_tsentralnoj_azii, дата обращения 14.11.2019.

Сатпаев Д. 2017б. Что Китаю хорошо, то Казахстан должно насторожить // http://ratel.kz/outlook/chto_kitaju_horosho_to_kazahstan_dolzno_nastorozhit, дата обращения 05.12.2017.

Соколай О. 2016. Актуальный акцент казахстанской экономики: нихао, Поднебесная! // <http://www.ritmeurasia.org/news-2016-11-22-aktualnyj-akcent-kazahstanskoj-ekonomiki-nihao-podnebesnaja-26987>, дата обращения 23.12.2019.

Сыроежкин К. 2010. Китайское присутствие в Казахстане: мифы и реальность // <http://www.rodon.org/polit-100420143355>, дата обращения 11.03.2020.

Умаров Т. 2019. Антикитайская осень. Почему власти Казахстана не справляются с протестами против Китая // <https://carnegie.ru/commentary/80155>, дата обращения 29.10.2019.

ANDREY V. GROZIN,

Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

Address: 2/1 Melnikov Ave., 141410, Khimki, Russian Federation.

E-mail: andgrozin@yandex.ru

SPIN-code: 5621-8571

KAZAKHSTAN-CHINA ENERGY PARTNERSHIP AND THE GROWTH OF XENOPHOBIA IN KAZAKHSTAN

Keywords: China, Kazakhstan, Central Asia, xenophobia, criticism, oil, loans.

Abstract

The article analyzes the history of China's expanding presence in the fuel and energy sector of the economy of Kazakhstan. The content and impact of the growing negative public attitudes towards cooperation between the two countries are assessed. Discusses the prospects for economic cooperation between China and Kazakhstan in the rapid growth of xenophobic attitudes of the population of Kazakhstan, which began in the republic of transit higher power and a general deterioration in global economic environment.

References

Jiabao W. Report on the Work of the Government at the 2nd Session of the NPC of the 11th Convocation (Full text) // http://russian.china.org.cn/china/archive/lianghui-09/2009-03/13/content_17439858.htm, accessed 20.03.2020. (InRuss.)

Alimov M. 2014. Kill the Dragon... in Yourself // <https://camonitor.kz/13545-ubit-drakona-v-sebe.html>, accessed 10.02.2020. (InRuss.)

Alymbekov M. 2014. Kyrgyzstan and the Great Silk Road: Compatibility of Concepts // <http://old.kabar.kg/kabar/full/83451>, accessed 10.02.2020. (InRuss.)

Bugaenko A. 2020. Capacity of the «Belt»: How Much Can the Infrastructure of the Republic of Kazakhstan Absorb? // <https://ekonomist.kz/bugayenko/emkost-poyasa/>, accessed 09.03.2020. (InRuss.)

Vorobyov A. 2016. Economic Ties Between Astana and Beijing Are Becoming Stronger // http://www.ng.ru/courier/2016-11-14/11_6858_pekini.html, accessed 15.01.2020. (InRuss.)

Elmesov M. 2017. Kazakhstan Plans to Export Gas to China in 2017 // https://liter.kz/ru/articles/show/29399-kazahstan_s_2017_goda_planiruet_eksportirovat_gaz_v_kitai, accessed 01.12.2019. (InRuss.)

Ermaganbetova D. 2010. Kazakhstan's Oil and Gas Sector Is Not Threatened by China's Expansion // <https://zonakz.net/articles/28291>, accessed 02.02.2020. (InRuss.)

Kashin V. 2019. Why China Needs the Middle East // <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fopinions%2F2019%2F9%2F25%2F999656.html>, accessed 15.03.2020. (InRuss.)

Kiseleva T. 2019. The Chinese Economy is Weakening: Are there Risks for Kazakhstan and the Tenge? // <https://365info.kz/2019/01/kitajskaya-ekonomika-slabeet-est-li-riski-dlya-kazahstana-i-tenge-eksperty/>, accessed 14.03.2020. (InRuss.)

Kovaleva A. 2018. Kyrgyzstan and Kazakhstan: Chinese Hugs Are Getting Heavier // <https://www.ritmeurasia.org/news-2018-02-04-kirgizija-i-kazahstan-kitajskie-objatija-vse-bole-tjazhely-34778>, accessed 28.12.2019. (InRuss.)

Kondrat'ev V. 2018. As China Becomes Stronger in the Caspian Sea // <http://vzglyad.az/news/103101>, accessed 12.02.2020. (InRuss.)

Kurmanov A. 2019. China Acts in Kazakhstan as a Colonizer, Robber and Enslaver // <https://news-front.info/2019/09/10/ajnur-kurmanov-kitaj-dejstvuet-v-kazahstane-kak-kolonizator-grabitel-i-porabotitel/>, accessed 10.09.2019. (InRuss.)

Mazorenko D. 2016. Raw Material Monotony: Should We Expect a Boom in Economic Relations Between Kazakhstan and China? // <https://vlast.kz/jekonomika/15576-syrevaa-monotonnost-stoit-li-ozidat-buma-v-ekonomiceskih-otnoseniah-kazahstana-s-kitaem.html>, accessed 21.02.2020. (InRuss.)

Malaev M. 2019. Came, Saw, Bought: China in the CIS // <https://www.kommersant.ru/doc/4112133>, accessed 18.03.2020. (InRuss.)

Masanov Yu. 2017. Interfacing Without Tension: Will the Economy of Kazakhstan Be Able to Rely on the Silk Road? // <http://www.pcsu-ca.ru/сопряжение-без-напряжения-сможет-ли-э>, accessed 19.01.2020. (InRuss.)

Mikhailov G. 2016. «It's Very Rude, It's Humiliating»: China and Central Asia // <https://regnum.ru/news/polit/2115193.html>, accessed 19.12.2019. (InRuss.)

Muminov A. 2014. China Plays an Increasing Role in Central Asia // http://www.kursiv.kz/news/vlast/podnebesnaya_igraet_vse_bolshuyu_rol_v_tsentralnoy_azii/, accessed 18.12.2019. (InRuss.)

Muminov A. 2018. Chinese Language Began to Replace Russian in Kazakhstan? // <https://camonitor.kz/31187-kitajskiy-yazyk-nachal-vytesnyat-v-kazahstane-russkiy.html/>, accessed 13.03.2020. (InRuss.)

Panchenko T. 2019a. Kazakhstan. Anti-Chinese Rallies Simply Raise the Interest on Loans // https://forbes.kz/process/expertise/ekspert_antikitajskie_mitingi_prosto_povyishayut_protsept_po_kreditam/, accessed 12.01.2020. (InRuss.)

Panchenko T. 2019b. Kazakhstan Should Not Be Afraid of China // https://forbes.kz/process/expertise/ekspertyi_boyatsya_nado_ne_kitaya_a_sobstvennoy_syirevoy_zavisimosti/, accessed 17.01.2020. (InRuss.)

Rozov M. 2019. Anti-Chinese Sentiments in Kazakhstan. Versions and Facts // <https://www.ritmeurasia.org/news-2019-09-15-antikitajskie-nastroenija-v-kazahstane-versii-i-fakty-44863>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Satpayev D. 2013. Chinese Expansion: Myths and Realities // https://forbes.kz/process/expertise/kitayskaya_ekspansiya_mifyi_i_realii, accessed 17.01.2013. (InRuss.)

Satpayev D. 2017a. Who is Hoing Financial Beds in Central Asia // http://ratel.kz/outlook/kto_okuchivaet_finansovye_grjadki_v_tsentralnoj_azii, accessed 14.11.2017. (InRuss.)

Satpayev D. 2017b. What is Good for China, Kazakhstan Should Be Alerted // http://ratel.kz/outlook/chto_kitaju_horosho_to_kazahstan_dolzno_nastorozhit, accessed 05.12.2017. (InRuss.)

Sokolay O. 2016. Current Focus of Kazakhstan's Economy: Nihao, China! // <http://www.ritmeurasia.org/news-2016-11-22-aktualnyj-akcent-kazahstanskoj-ekonomiki-nihao-podnebesnaja-26987>, accessed 23.12.2019. (InRuss.)

Syroezhkin K. 2010. Chinese Presence in Kazakhstan: Myths and Reality // <http://www.rondon.org/polit-100420143355>, accessed 11.03.2020. (InRuss.)

Umarov T. 2019. Anti-Chinese Autumn. Why the Kazakh Authorities Are Not Coping with the Protests Against China // <https://carnegie.ru/commentary/80155>, accessed 29.10.2019. (InRuss.)

Владимир **НОВИКОВ**

АБХАЗСКАЯ НЕФТЬ: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Основной предмет рассмотрения статьи – это история и современное состояние разведки и разработки нефтяных залежей на абхазском участке шельфа Чёрного моря и на территории самой Абхазии. Как показывает автор, данная проблема уходит корнями ещё в советские времена, когда первый раз был поднят вопрос о геологоразведке и нефтегазразработке в Абхазии. Как показано в статье, тогда данным работам мешали как позиция Тбилиси, так и противоречия между закавказскими союзными республиками, в частности между Азербайджаном и Арменией. Баку выступал союзником Тбилиси в деле торможения нефтегазразработки и геологоразведки в Абхазии. Причина – появление абхазской нефти приводило к снижению значимости Азербайджана как нефтедобывающего региона, а также к уменьшению энергетической зависимости Армении от Азербайджана. Распад СССР и грузино-абхазская война 1992–1993 гг. поставили точку в вопросе о нефтегазразработке в Абхазии.

Однако после окончания грузино-абхазской войны у абхазских элит вновь возник интерес к нефтяной теме. Причина – блокада Абхазии (в том числе – введённые в 1996 г. по инициативе Грузии санкции со стороны государств-членов СНГ). В результате Абхазия оказалась в зависимости от поставок нефти и нефтепродуктов из Турции.

Кроме того, в период 1997–1998 гг. определённые международные круги, заинтересованные в транспортировке на Запад каспийских энергоносителей, хотели вовлечь Абхазию в сферу транспортировки каспийской нефти и с помощью этого шага создать условия для грузино-абхазской реинтеграции и нейтрализовать усилия российских элит по противодействию использованию территории Грузии для транспортировки грузинской нефти.

Следующий этап интереса к абхазской нефти возник после признания независимости Абхазии Россией и некоторыми другими странами в 2008 г. В 2009–2010 гг. в Абхазию вошла российская государственная компания «Роснефть» и получила права на разведку и разработку нефти. В результате в стране сложился пул сторонников и противников нефтедобычи. Мотивация как сторонников, так и противников отдельно рассматривается в статье.

НОВИКОВ Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кавказа Института стран СНГ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119180, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3. E-mail: novik222@mail.ru

Ключевые слова: Абхазия, Грузия, черноморский шельф, нефть. Владислав Ардзинба, Леонид Лакербая, Александр Анкваб, Кристина Озган, «Лукойл», «Роснефть», «Апсны-Ойл».

Введение

Вопрос о наличии залежей нефти на абхазском участке черноморского шельфа и на побережье является предметом обсуждения весь постсоветский период истории этой страны. Абхазская нефть не изменит кардинальным образом не только мировой, но и региональный топливный баланс. Однако эта тема интересна с нескольких точек зрения.

Во-первых, с собственно экономической (как источник если не инвестиций, то просто живых денег в экономику страны в очень короткий срок). Эта проблема особенно актуальна для экономики Абхазии, которая, по мнению аналитиков, нуждается в доинвестировании [Муханов, Новиков, 2015 : 51]. По оценкам министра экономики Абхазии в 2011–2014 гг. Д. Ирадяна, «бюджет Абхазии мог получать 6 млрд рублей только от налога на добычу полезных ископаемых...» [Кривенюк, 2019].

Во-вторых, с точки зрения российско-абхазских отношений совершенно очевидно, что самостоятельно, без помощи крупных российских нефтяных компаний Абхазия не сможет разработать такие объёмы нефти.

В-третьих, тема нефтедобычи – это ещё и серьёзная абхазская внутриполитическая тема. В стране есть как сторонники, так и противники нефтедобычи.

Мы фактически не имеем никаких официальных данных за советский период. Точнее, есть данные, которыми оперируют заинтересованные лица, но пока не было представлено ни одного архивного документа. Некоторые эксперты говорят о 200–210 млн т на морском шельфе длиной в 7–15 км [Чичкин, 2008]. По другим данным, речь идёт о 300–350 млн т [Коробейникова, 2009]. В 2017 г. бывший президент Абхазии А. Анкваб озвучил следующие цифры: 120–150 млн условного топлива в Гудаутском районе, и 30–40 млн т – в Очамчёрском [Уставшее от проблем общество... 2017].

Таким образом, данные разнятся. Однако как у местных политиков, так и у внешних игроков существует интерес к проблеме.

Абхазская нефть: предыстория вопроса

Вопрос о наличии залежей нефти в Абхазии поднимался ещё в советское время. Данные исследований этого периода показали, что основные залежи находятся в так называемой Гудаутской впадине – на территории от Сухума до Гагры. К концу советского периода было пробурено 22 скважины¹.

¹ «Мы должны разрешить россиянам приобретать первичное жильё». Президент Абхазии С. Багапш об успехах и провалах в отношениях с Россией, 2010 // <https://www.kommersant.ru/doc/1521447>, дата обращения 10.01.2020.

Однако вопрос о разведке и разработке нефти упирался сразу в несколько проблем. Одна из них – экологическая безопасность и экономическая рентабельность. Так некоторые эксперты указывают, что, например, скважина в селе Окум Ткуарчалского (до 1994 г. – Гальского) района могла давать от 10 до 15 млн т нефти в сутки. Однако это не оправдывало возможного экологического риска [Статейнов, 2019].

Но были и политические аспекты вопроса. Абхазия в советское время была автономией Грузинской ССР, в которой постоянно возникали политические споры о её статусе. Обнаружение нефти и начало её разработки резко повысило бы статус если не самой республики, то её руководства в общесоюзной иерархии (Сухум начал бы решать основные вопросы с Москвой, минуя Тбилиси, или даже ставить вопрос о повышении статуса республики).

Некоторые эксперты утверждают, что тогдашние грузинские власти просили своих союзных коллег не начинать работ по нефтеразработке, чтобы не провоцировать возможный пересмотр статуса республики. А в случае начала таких работ, привлекать к ним в основном специалистов-грузин. Тбилиси просил Центр учесть приоритетные потребности республики в нефти [Чичкин, 2009].

Однако существовал и более сложный региональный экономический расклад. У каждой из трёх республик советского Закавказья была своя чёткая ниша. Армянская ССР была центром высокотехнологической промышленности и добычи некоторых видов ископаемых. Грузинская ССР – курортом, производителем сельхозпродукции и основной базой добычи марганца. Азербайджанская ССР – всесоюзным центром добычи углеводородного сырья.

Появление абхазской нефти лишало Баку энергетической монополии в регионе, что накладывалось на определённые противоречия, в первую очередь армяно-азербайджанские. В Баку справедливо полагали, что разработка абхазской нефти приведёт к утрате привилегий Азербайджана и, соответственно, к снижению политико-экономического веса республики внутри СССР. А в Ереване столь же справедливо считали, что появление нефти из Абхазии приведёт к диверсификации поставок углеводородов в Армению и её независимости в этом вопросе от Азербайджана [Чичкин, 2009].

Процесс распада СССР и последовавшая за ним грузино-абхазская война 1992–1993 гг. привели к обнулению всех абхазских нефтяных проектов общесоюзного значения.

Абхазская нефть от окончания грузино-абхазской войны до признания независимости Абхазии

Последствия грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. сделали актуальным вопрос об обеспечении Абхазии нефтью и нефтепродуктами для соб-

ственных нужд. Более того, с 1 января 1996 г. решением Совета глав государств СНГ против Абхазии по инициативе грузинской стороны вводились жёсткие санкции, в том числе морская и сухопутная блокада границы.

Абхазия фактически оказалась в зависимости от поставок нефти и нефтепродуктов из Турции, которые также были нерегулярными, и это привело к расконсервированию известных нефтяных скважин. Как утверждал второй президент Абхазии С. Багапш в одном из интервью, «...во время войны, когда была блокада, я одну из них вскрыл, в Гальском районе. У нас была тяжёлая ситуация, бензин нам не разрешали завозить, а он нужен был. Я её вскрыл, оттуда под напором нефть пошла... анализ нефти мы сделали — она высочайшего качества»².

Вскоре последовала институционализация нефтяной отрасли в республике. 31 августа 1995 г. Кабинет Министров Республики Абхазия принял постановление «О создании хозрасчётного опытного производственно-экспериментального участка по изучению возможностей добычи и переработки углеводородного сырья» [Лакербая, 2019].

Важно отметить, что в период 1996–1998 гг. нефть стала предметом и геополитической игры. Летом 1996 г. Абхазию посетила американская делегация во главе с послом США в Грузии У. Кортни, которая обсуждала возможность постройки в районе озера Скурча в Очамчырском районе нефтяного терминала и соединения его с нефтепроводом Баку – Новороссийск [Маан, 2013 : 33–34].

В марте 1998 г. был выпущен доклад Международной экспертной комиссии ООН по оценке ситуации в Абхазии, в котором в числе прочего были даны кратко- и среднесрочные рекомендации по стабилизации в социально-экономической сфере. В том числе и о строительстве вышеуказанного морского терминала в порту Очамчыра [Лакербая, 2019]. Планировалось соединить западную ветку трубопровода Баку – Супса с северной веткой, идущей в Новороссийск [Лакоба, 2001 : 98].

23 июля 1998 г. указом В. Ардзинба была создана «Абхазская международная нефтяная корпорация» (и. о. руководителя назначен Э. Капба) [Лакербая, 2019].

Все эти планы были частью тогдашних манёвров вокруг маршрутов транспортировки каспийской нефти в Европу. Как указывал абхазский политик Станислав Лакоба, для их реализации «требовалось решить грузино-абхазский конфликт и заинтересовать Россию» [Лакоба, 2001 : 98].

Если бы они были реализованы, то возникала следующая комбинация. Грузия и Абхазия были бы связаны веткой нефтепровода со всеми возмож-

² «Мы должны разрешить россиянам приобретать первичное жильё». Президент Абхазии С. Багапш об успехах и провалах в отношениях с Россией, 2010 // <https://www.kommersant.ru/doc/1521447>, дата обращения 10.01.2020.

ными последствиями, в первую очередь в виде заинтересованности элит обеих республик в невозобновлении военных действий. Отметим, что на тот же период пришлось и инициативы по политическому урегулированию: российскими и международными посредниками инициировались планы по созданию грузино-абхазского общего государства. Наконец, включение в каспийско-черноморские трубопроводные проекты Абхазии в какой-то мере было формой нейтрализации противодействия России планам превращения Грузии в евразийский транзитный коридор для углеводородов.

Однако на пути реализации данного процесса стояло два препятствия.

Во-первых, грузинское руководство решилось на развязывание военных действий в Гальском районе Абхазии в мае 1998 г., что поломало абхазо-грузинский диалог по «трубопроводной прагматике».

Во-вторых, против такой прагматики выступила влиятельная часть абхазской элиты во главе с Л. Лакербая [Лакербая, 2019].

Отметим, что 1998 г. была предпринята попытка решения судьбы нефтяного шельфа. Правительство Грузии договорилось с американской компанией *Anadarko Petroleum* о передаче ей прав на его разработку (понятно, что речь шла именно об абхазском шельфе). Два года спустя – в 2000 г. – было создано американо-грузинское *Anadarko Georgia* (СП *Anadarko Petroleum* и «Грузнефти»), которое получило лицензию на разведку и разработку нефти сроком на 25 лет [Кисин, 2009]. Но это соглашение реализовать не удалось по причине физического отсутствия доступа к шельфу.

Абхазская сторона пыталась также привлечь иностранные (в первую очередь российские) компании для разработки нефти. В 2003–2004 гг. при премьерстве Р. Хаджимба велись переговоры с российской компанией «Лукойл» [Лакербая, 2019]. Они шли в русле политики «Лукойла», президент которого В. Алекперов заявлял об интересе к шельфам Азовского и Чёрного морей³.

Однако в том же 2004 г. переговоры с «Лукойлом» были свёрнуты. Официальная причина – непризнанный статус Абхазии как государства. Но Л. Лакербая намекает, что причиной свёртывания переговоров стал конфликт внутри абхазских элит за право контролировать проект [Лакербая, 2019].

Не будем абсолютизировать данную версию, укажем лишь, что в 2005 г. переговоры между руководством Абхазии и компанией «Лукойл» были возобновлены. К тому моменту в республике произошли политические перемены. У власти оказался тандем С. Багапш – Р. Хаджимба, который появился в результате компромисса в ходе кризиса осени 2004 г. Однако в сентябре 2006 г. председатель комитета по внешним связям парламента Грузии К. Га-

³ Грузия не подпустит «Лукойл» к абхазской нефти, 2005 // <https://lenta.ru/news/2005/09/06/lukoil/>, дата обращения 10.01.2020.

башвили заявил, что грузинские власти не позволят «Лукойлу» добывать нефть у берегов Абхазии⁴.

В этой ситуации вопрос о возможной нефтеразработке и нефтедобыче был заморожен. К вопросу вернулись лишь после признания Абхазии в 2008 г.

Абхазский нефтяной вопрос после признания Абхазии в 2008 г.

Признание независимости Абхазии в августе 2008 г. дало возможность вновь вернуться к вопросу о добыче нефти.

Весной 2009 г. на абхазский рынок вошла российская государственная нефтяная компания «Роснефть». 26 мая 2009 г. Министерство экономики Абхазии и «Роснефть» подписали в Сухуми соглашение о сотрудничестве сроком на пять лет, которое предполагало два направления сотрудничества:

- создание розничной сети реализации нефтепродуктов;
- поиск, разведка и разработка нефти и газа на шельфе.

Под это два направления должны были быть созданы два предприятия: одно – по строительству и эксплуатации АЗС; второе – по разведке и добыче на шельфе [Кучуберия, 2009].

Важно отметить, что соглашение абхазского Министерства экономики с «Роснефтью» было тут же подвергнуто критике со стороны оппозиции президенту Багапшу [Кучуберия, 2009].

Несколько месяцев спустя (24 декабря 2009 г.) Министерство экономики Абхазии и компания «РН-Шельф» подписали Договор об условиях геологического изучения для поиска и оценки месторождений углеводородного сырья в пределах Гудаутского участка недр [Тесемникова, 2009.]. В 2013 г. абхазские власти дали компании «Роснефть – Шельф Абхазии» лицензию о предоставлении на 45 лет прав на разработку Гудаутского участка шельфа [Заводская, 2014].

В начале 2014 г. на абхазском нефтяном поле появился новый игрок – «Апсны-Ойл», «дочка» «Независимой нефтяной компании» (ННГ) Э. Худайнатов (в 2010–2012 гг. – глава «Роснефти»). В мае 2014 г. «Апсны-Ойл» получило лицензию на недропользование на Восточно-Абхазском участке шельфа. Компания заявила, что намерена провести комплексную программу геологоразведки⁵.

В начале 2014 г. вопрос о разведке и добыче нефти стал предметом политического спора, который продолжается до сих пор.

⁴ Там же.

⁵ У берегов Абхазии начнут искать нефть, 2014 // <https://vestikavkaza.ru/news/U-beregov-Abkhazii-nachnut-iskat-neft.html>, дата обращения 10.01.2020.

Абхазская нефть: внутриполитический аспект

Вопрос об абхазской нефти – это ещё и вопрос абхазской внутренней политики. Фактически в абхазской элите сложилось «два с половиной лагеря»: противников разработки нефти, её сторонников и сторонников частичной разработки.

Ещё в марте 2010 г. Общественная палата Абхазии создала рабочую группу по изучению вопроса и провела по этому поводу слушания, в ходе которых было обращено внимание на два аспекта:

- необходимость соблюдения различных экологических норм;
- выявленные пробелы в абхазском законодательстве [*Кучуберия*, 2010].

Также были выработаны рекомендации по необходимости оценки экологических рисков, разработки соответствующей нормативной базы, а также закона об охране окружающей среды и недрах [*Есиава*, 2019].

В феврале 2014 г. Общественная палата вновь провела слушания по вопросу о нефтедобыче, в которых приняли участие вице-премьер Б. Эшба и руководитель Госкомэкологии Р. Дбар. Эшба заявил, что речь идёт пока не о нефтедобыче, а о разведке сырья. А сами промышленные запасы нефти, возможно, не будут обнаружены [*Заводская*, 2014].

Через месяц – в марте 2014 г. – в абхазском парламенте прошло совместное расширенное заседание по нефтяной проблеме трёх комитетов: по экономической политике, реформам и инновациям; по бюджету, кредитным организациям, налогам и финансам; по аграрной политике, природным ресурсам и экологии. Законодателей интересовали возможные экологические последствия и исполнение положений закона «О недрах» [*Народное Собрание – Парламент Республики Абхазия*, 2014].

События 27 мая 2014 г. привели к отставке президента А. Анкваба, премьер-министра Л. Лакербая и вице-преьера Б. Эшба, которых считали наиболее последовательными сторонниками нефтяного проекта. Новым президентом Абхазии был избран Р. Хаджимба, который, как и его партия ФНЕА, скептически относился к возможности добычи нефти.

Всё время его правления шла полемика по вопросу о нефти между властью и оппозицией. При этом противником нефтедобычи выступила также партия «Айнар», которая с определённого момента пыталась стать альтернативой как власти, так и оппозиции.

Однако эта дискуссия не помешала отношениям властей Абхазии с нефтяными компаниями – «Роснефтью» и «Апсны-Ойл». В июне 2015 г. власти Абхазии продлили срок геологоразведочных работ для компании «РН-Шельф Абхазии». В марте 2018 г. были продлены сроки и для работы компании «Апсны-Ойл». К поискам нефти присоединилась компания «ТНГ-АлГИС» из Татарстана [*Есиава*, 2019].

Тема нефтедобычи стала одной из тем предвыборных дебатов в ходе президентской кампании 2019 г. Один из кандидатов в президенты – А. Джапуа (бывший фактический лидер партии «Айнар») активно использовал нефтяную тему. Он пытался обвинить окружение как Р. Хаджимбы, так и А. Анкваба в наличии у них общих интересов в сфере нефтедобычи. При этом известно, что Анкваб является активным сторонником разведки и нефтедобычи. Эту позицию он занимал и будучи во власти, и по возвращению в политику в 2017 г. (например, его выступление на съезде партии «Амццара» летом 2017 г. [Уставшее от проблем общество..., 2017]). За нефтедобычу Анкваб выступал и в ходе предвыборной кампании 2019 г., в которой поддерживал кандидата в президенты О. Аршбу [Шария, 2019].

В свою очередь Джапуа обвинял компанию «Апсны-Ойл» в том, что она оформлена на подставное лицо [Заводская, 2019а]. Кроме того, он называл А. Анкваба предполагаемым бенефициаром сделки с «Апсны-Ойл» [Заводская, 2019б].

Ещё одну позицию выразил руководитель «Священной митрополии Абхазии» отец Дорофей (Дбар), предложивший запретить добычу нефти на морском шельфе, но разрешить её в материковой части. Он назвал сделку с «Апсны-Ойл» аферой абхазских политиков, предложив организовать специальный фонд, в котором аккумулировать средства на социальные выплаты [Дбар, 2019 : 105-106].

Таким образом, можно выделить условные «две с половиной партии» по вопросу о нефти:

Партия № 1. Сторонники разработки: экс-президент А. Анкваб, экс-премьер Л. Лакербая, Б. Эшба, К. Озган.

Партия № 2. Противники нефтедобычи: депутат А. Джапуа и группирующиеся вокруг него сторонники движения «Общее дело», а также партия ФНЕА.

Однако цитированная выше позиция отца Дорофея (Дбара) свидетельствует о появлении некоего центристского подхода (добывать не на шельфе, а на материке с обязательным прозрачным распределением расходов).

Заключение

Тема абхазской нефти до нынешнего момента ещё не была темой научного анализа. Однако, исходя из проведённого исследования, можно наметить определённый задел для дальнейшего изучения.

Если говорить об имеющихся в настоящее время теоретических подходах к изучению проблем мировой энергетики, то эта проблема может быть рассмотрена с точек зрения геополитического и неореалистского подхода к вопросам мировой энергетики [Боровский, Трачук, 2015 : 89-90].

С точки зрения геополитического подхода участие российского бизнеса на паях с абхазским правительством усилит российские позиции в борьбе

за освоение черноморских нефтяных и газовых запасов с Турцией, Румынией и другими странами региона. Отметим, что в январе 2020 г. правительство Грузии заявило, что ищет инвестора для разработки собственных нефтяных ресурсов в своих территориальных водах [Орагвелидзе, 2020].

Что касается неореалистского подхода, то, как известно, сторонники такого подхода в числе прочего рассматривают вопросы ресурсного национализма. Эту проблему они изучают сквозь призму двух процессов – попыток правительства контролировать национальные углеводородные компании и политики тех же правительств по ограничению доступа иностранного капитала к ресурсам своих стран. В качестве примера страны-проводника политики ресурсного национализма можно привести Венесуэлу [Боровский, Трачук, 2015 : 89-90].

Если рассматривать абхазскую нефтяную проблематику с этих позиций, то данная тема высвечивает сразу несколько не только экономических, но и социально-политических проблем.

В принципе, освоение запасов абхазской нефти могло бы стать одним из драйверов экономики страны именно в контексте ресурсного национализма. Однако этому мешают несколько обстоятельств.

Во-первых, наличие в стране общественных настроений против нефтедобычи, которые обусловлены возможными экологическими рисками, а также непониманием обществом рентабельности проекта.

Во-вторых, в республике отсутствует база для создания полноценной нефтегазовой компании. А значит, Абхазия будет зависеть от налаживания хороших контактов с иностранными (в данном случае, российскими) партнёрами.

В-третьих, мешает оформлению идеологии «ресурсного национализма» и то обстоятельство, что в абхазской элите и обществе вопрос о нефти воспринимается ещё и как проблема клановая. Так это или не так – вопрос отдельный. Но у части общества это воспринимается именно так. По словам одного из экспертов, тот факт, что наиболее заинтересованной стороной в нефтедобыче является окружение А. Анкваба, означает, что «на потенциально самый финансовоёмкий ресурс страны претендует лишь одна из многочисленных политико-силовых группировок. К тому же не находящаяся сейчас у власти... в сложившихся в Абхазии реалиях все другие группировки никогда не допустят концентрации такого ресурса в одних руках» [Кривенюк, 2019].

То есть вопрос о нефти – это вопрос концентрации существенных экономических ресурсов, которые рано или поздно станут ресурсами в политической борьбе.

Однако некоторые признаки (например, появление позиции того же отца Дорофея по вопросу о нефти) говорят о том, что в ближайшем времени в абхазском обществе тема нефти начнёт рассматриваться именно с точ-

ки зрения «ресурсного национализма». Если такое мнение получит распространение в обществе и получат подтверждение данные о рентабельных запасах абхазской нефти, то идеология «ресурсного национализма» станет фактором абхазской политики со всеми вытекающими последствиями, включая общественное давление с целью пересмотра структуры нефтяных сделок.

Список литературы

Лакоба С. З. 2001. Грузия де-юре или Абхазия де-факто: о политике России в Абхазии в постсоветский период. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. 111 с. *Маан О. В.* 2013. Междуречье – низовья реки Кодор. Ростов н/Д. 160 с. Народное Собрание – Парламент Республики Абхазия. 2014. // http://www.parlamentra.org/rus/about/info/news/?ELEMENT_ID=795, дата обращения 10.01.2020.

Боровский Ю. Трачук К. 2015. Исследования энергетики в теории международных отношений – Международные процессы. Т. 13 № 4. С. 86–98.

Муханов В. М., Новиков В. В. 2015. К вопросу об инвестиционном климате в Абхазии и перспективах его улучшения – Международная аналитика. № 1 (11). С. 49–62.

Анкваб А. 2017. «Уставшее от проблем общество нельзя подвергать новым стрессам» (Выступление на IX съезде политической партии «Амцахара». Сухум, 29 июня 2017 г.) // <http://www.amtsakhara.org/ru/events/publication/840/>, дата обращения 10.01.2020.

Архимандрит Доротея (Дбар). 2019. Абхазия сегодня. Что делать? // <https://anyha.org/dorotheos-dbar-what-is-to-be-done/>, дата обращения 13.04.2020.

Есиава Б. 2019. Добыча нефти в Абхазии стала предметом разговора в Общественной палате // <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20190206/1026549021/Dobycha-nefti-v-Abkhazii-stala-predmetom-razgovora-v-Obschestvennoy-palate.html>, дата обращения 10.01.2020.

Заводская Е. 2014. Нефтяная судьба Абхазии // <https://www.ekhokavkaza.com/a/25254499.html>, дата обращения 10.01.2020.

Заводская Е. 2019а. Александр Анкваб: «Я – достаточно информированный человек» // <https://www.ekhokavkaza.com/a/29777177.html>, дата обращения 10.01.2020.

Заводская Е. 2019б. Фирмы-матрёшки и нефтяное лобби // <https://www.ekhokavkaza.com/a/29755266.html>, дата обращения 10.01.2020.

Кисин С. 2009. «Роснефть» признала Абхазию // <http://expert.ru/2009/08/25/rosnanhaz/>, дата обращения 10.01.2020.

Коробейникова С. 2009. Ушат абхазской нефти на голову Грузии // <https://www.rosbalt.ru/main/2009/08/26/666553.html>, дата обращения 10.01.2020.

Кривенюк А. 2019. Абхазия не будет нефтяной державой // <https://eadaaily.com/ru/news/2019/02/20/abhaziya-ne-budet-neftyany-derzhavoy-net-politicheskoy-i-silovoy-podderzhki>, дата обращения 10.01.2020.

Кучуберия А. 2009. «Роснефть» займётся исследованием нефтяных месторождений в Абхазии // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/154636/>, дата обращения 10.01.2020.

Кучуберия А. 2010. Общественность Абхазии опасается экопроблем в связи с разработкой месторождений нефти // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/167062/>, дата обращения 10.01.2020.

Лакербая Л. 2019. Добыча нефти. Нужна ли она вообще? // <http://abkhazinform.com/tochka-zreniya/item/8522-leonid-lakerbaya-o-voprosakh-neftedobychi-v-abkhazii>, дата обращения 10.01.2020.

Орагвелидзе И. 2020. Грузия ищет инвестора для добычи нефти в Чёрном море // <https://www.ekhokavkaza.com/a/30379313.html>, дата обращения 17.01.2020.

Статейнов Д. 2019. Есть ли в Абхазии нефть — и почему столько споров вокруг проекта её разведки? // <https://jam-news.net/есть-ли-в-абхазии-нефть-и-почему-столь-/?lang=ru>, дата обращения 10.01.2020.

Тесемникова Е. 2009. Зачем «Роснефть» обосновалась на абхазском шельфе? // <https://vestikavkaza.ru/articles/13540.html>, дата обращения 10.01.2020.

Чичкин А. 2008. Сухумская шкатулка // <https://rg.ru/2008/09/09/abhaziya.html>, дата обращения 10.01.2020.

Чичкин А. 2009. Абхазия может стать «новым Кувейтом»? // <https://rg.ru/2009/06/04/abhazia-neft-site.html>, дата обращения 10.01.2020.

Шария В. 2019. Качать или не качать: предвыборные дебаты о нефти // <https://www.ekhokavkaza.com/a/30102113.html>, дата обращения 10.01.2020.

«Мы должны разрешить россиянам приобретать первичное жильё». Президент Абхазии С. Багапш об успехах и провалах в отношениях с Россией. 2010 // <https://www.kommersant.ru/doc/1521447>, дата обращения 10.01.2020.

Грузия не подпустит «Лукойл» к абхазской нефти. 2005 // <https://lenta.ru/news/2005/09/06/lukoil/>, дата обращения 10.01.2020.

У берегов Абхазии начнут искать нефть. 2014 // <https://vestikavkaza.ru/news/U-beregov-Abkhazii-nachnut-iskat-neft.html>, дата обращения 10.01.2020.

VLADIMIR V. NOVIKOV,

candidate of historical Sciences, head of the Caucasus Department of the Institute of CIS countries.

Address: 7/10 b. 3 B. Polyanka str., 119180, Moscow, Russian Federation.

E-mail: novik222@mail.ru

ABKHAZIAN OIL: POLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS

Keywords: Abkhazia, Georgia, Black sea shelf, Oil, Vladislav Ardzinba. Enver Kapba, Leonid Lakerbaya, Alexander Ankvab, Kristina Ozgan, «Lukoil», «Rosneft», «Apsny-Oil».

Abstract

The main subject of the article is the history and current state of the situation with the exploration and development of oil deposits on the Abkhazian section of the black sea shelf and on the territory of Abkhazia itself. As the author shows, this problem has its roots in the Soviet times, when the question of exploration and oil development in Abkhazia was first raised. As shown in the article, then these works were hindered by both the position of Tbilisi and the contradictions between the Transcaucasian Union republics. In particular, between Azerbaijan and Armenia. Baku has been an ally of Tbilisi in slowing down oil development and exploration in Abkhazia. The reason is that the appearance of Abkhazian oil led to a decrease in the share of Azerbaijan as an oil-producing region, as well as to a decrease in Armenia's energy dependence on Azerbaijan. The collapse of the USSR and the Georgian-Abkhazian war of 1992–1993 put an end to the issue of oil processing in Abkhazia.

However, after the end of the Georgian-Abkhazian war, the Abkhazian elites again became interested in the oil issue. The reason is the blockade of Abkhazia (including the sanctions imposed in 1996 on the initiative of Georgia by the CIS member States). As a result, Abkhazia was dependent on the supply of oil and oil products from Turkey.

In addition, during the period 1997–1998, certain international circles interested in transporting Caspian energy resources to the West wanted to involve Abkhazia in the sphere of transporting Caspian oil. And with this step, create conditions for Georgian-Abkhazian reintegration and neutralize the efforts of Russian elites to counter the use of the territory of Georgia for the transportation of Georgian oil.

The next stage of interest in Abkhazian oil arose after the recognition of Abkhazia's independence by Russia and some other countries in 2008. In 2009–2010, the Russian state company Rosneft entered Abkhazia and obtained the rights to explore and develop oil. As a result, the country has a pool of supporters and opponents of oil production. The motivation of both supporters and opponents is considered separately in the article.

References

Lakoba S. Z., 2001. Georgia De Jure or Abkhazia De Facto: About Russia's Policy in Abkhazia in the Post-Soviet Period. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. 111 p. (InRuss.)

Maan O. V. 2013. Interfluve of the River Kodori. Rostov n/D. 160 P. (InRuss.)

People's Assembly – The Parliament of the Republic of Abkhazia. 2014. // http://www.parlamentra.org/rus/about/info/news/?ELEMENT_ID=795, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Borovsky Yu., Trachuk K. 2015. Energy Research in the Theory of International Relations – International Processes. Vol. 13. № 4. Pp. 86–98. (InRuss.)

Mukhanov V. M., Novikov V. V. 2015. On the Issue of Investment Climate in Abkhazia and Prospects for its Improvement – International Analytics. № 1 (11). Pp. 49–62. (InRuss.)

Ankvab A. 2017. «Society Tired of Problems Should not be Subjected to New Stresses» (Speech at the IX Congress of the Political Party «Amsakhara». Sukhum, June 29, 2017) // <http://www.amsakhara.org/ru/events/publication/840/>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Archimandrite Dorotheus (Dbar). 2019. Abkhazia Today. What to Do? // <https://anyha.org/dorotheos-dbar-what-is-to-be-done/>, accessed 13.04.2020. (InRuss.)

Yoshiawa B. 2019. Oil Production in Abkhazia Became the Subject of Conversation in the Public Chamber // <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20190206/1026549021/Dobycha-nefti-v-Abkhazii-stala-predmetom-razgovora-v-Obschestvennoy-palate.html>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Zavodskaya E. 2014. Oil Fate of Abkhazia // <https://www.ekhhokavkaza.com/a/25254499.html> and address date 10.01.2020. (InRuss.)

Zavodskaya E. 2019a. Alexander Ankvab: «I Am a Well-informed Person» // <https://www.ekhhokavkaza.com/a/29777177.html>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Zavodskaya E. 2019b. Company-Matryoshka doll and the Oil Lobby // <https://www.ekhhokavkaza.com/a/29755266.html>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Kisin S. 2009. Rosneft Recognized Abkhazia // <http://expert.ru/2009/08/25/rosnanzh/>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Korobeynikova S. 2009. Tub of Abkhazian Oil on the Head of Georgia // <https://www.rosbalt.ru/main/2009/08/26/666553.html>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Krivenyuk A. 2019. Abkhazia Will Not Be an Oil Power // <https://eadaily.com/ru/news/2019/02/20/abhaziya-ne-budet-neftyanoy-derzhavoy-net-politicheskoy-isilovoy-podderzhki>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Kuchuberia A. 2009. Rosneft Will Be Engaged in Investigation of Oil Deposits in Abkhazia // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/154636/>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Kuchuberia A. 2010. The Public of Abkhazia is Afraid of Environmental Problems in Connection with the Development of Oil Fields // <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/167062/>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Lakerbaia L. 2019. Oil Production. Is It Even Necessary? // <http://abkhazinform.com/tochka-zreniya/item/8522-leonid-lakerbaya-o-voprosakh-neftedobychi-v-abkhazii> and address date 10.01.2020. (InRuss.)

Oragvelidze I. 2020. Georgia is Looking for an Investor for Oil Production in the Black Sea // <https://www.ekhokavkaza.com/a/30379313.html>, accessed 17.01.2020. (InRuss.)

Statenow D. 2019. Is There Oil in Abkhazia – And Why are There so Many Disputes over Its Exploration Project? // <https://jam-news.net/есть-ли-в-абхазии-нефть-и-почему-столь/?lang=EN>, date accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Tesemnikova E. 2009. Why did Rosneft Settle on the Abkhazian Shelf? // <https://vestikavkaza.ru/articles/13540.html>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Chichkin A. 2008. Sukhumi Box // <https://rg.ru/2008/09/09/abhaziya.html> and address date 10.01.2020. (InRuss.)

Chichkin A. 2009. Can Abkhazia Become the «New Kuwait»? // <https://rg.ru/2009/06/04/abhazia-neft-site.html> and address date 10.01.2020. (InRuss.)

Sharia V. 2019. To Swing or not to Swing: A Pre-Election Debate about Oil // <https://www.ekhokavkaza.com/a/30102113.html> and address date 10.01.2020. (InRuss.)

«We Should Allow Russians to Purchase Primary Housing». President of Abkhazia S. Bagapsh on the Successes and Failures in Relations with Russia. 2010 // <https://www.kommersant.ru/doc/1521447> and address date 10.01.2020. (InRuss.)

Georgia Will Not Allow LUKOIL to the Abkhazian Oil. 2005 // <https://lenta.ru/news/2005/09/06/lukoil/>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

They Will Start Searching for Oil off the Coast of Abkhazia. 2014 // <https://vestikavkaza.ru/news/U-beregov-Abkhazii-nachnut-iskat-neft.html>, accessed 10.01.2020. (InRuss.)

Оскар АРНУ

МОЖЕТ ЛИ УКРАИНА ДОСТИЧЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ПУТЁМ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ?

Украина сегодня является одной из стран, наиболее зависимых от электроэнергии, поставляемой атомными электростанциями. Однако в условиях хаотичных международных отношений в этом секторе ещё есть возможности для совершенствования с целью удовлетворения растущих потребностей страны. Адаптация к рыночной экономике имеет много недостатков, что делает экономику Украины относительно хрупкой. Кроме того, недавние конфликты с Россией и на востоке страны усугубили кризис. В настоящее время Украина разрывается между Востоком и Западом и борется за развитие атомной отрасли, которая, кажется, является единственной гарантией её независимости в условиях спроса на энергию, заставляя лидеров страны зависеть от внешних игроков в снабжении населения электроэнергией, газом и нефтью.

Введение

Угледорода — самая большая часть энергетической отрасли России. Однако запасы ограничены, и их использование приводит к слишком большому загрязнению, чтобы в долгосрочной перспективе предполагать их эксплуатацию на нынешнем высоком уровне.

В настоящее время рассматривается лучшая альтернатива — производство электроэнергии на атомных электростанциях. Единственное необходимое топливо — уран, а электростанция может снабжать большое количе-

АРНУ Оскар, магистр Университета Дружбы Народов и Institut d'Etudes Politiques de Bordeaux.
Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 7, блок 3. E-mail: oscar.arnoux@free.fr.

Ключевые слова: атомная энергетика, Росатом, Westinghouse, Украина, Энергоатом, Россия, США, Франция, Areva.

ство домов. Больше половины электроэнергии на Украине в настоящее время (с 2014 г.) производится на атомных электростанциях [Geslin, Gobert, 2015]. Страну обеспечивают энергией 15 реакторов [Kasperski, 2017 : 101-125], все они ещё советского производства. Россия и Украина имеют большой опыт в этой области, благодаря передовым советским ядерным программам.

Однако после распада Советского Союза атомная энергетика на Украине и России пошла разными путями. Политика этих двух государств в области управления энергией значительно отличается. Украина лавирует между Европой, Россией, и США по очевидным геополитическим причинам, т. е. вынуждена делать выбор между Востоком и Западом. Идеальным вариантом, конечно, было бы сотрудничество со всеми, но энергоресурсы являются жизненно важным рынком для крупных держав, в первую очередь для России, тем более, что они представляют собой политико-дипломатический, даже военный, аргумент, так как связаны с безопасностью страны.

Никогда ещё термин «энергетическая безопасность» не был так чётко сформулирован, как в случае Украины, которая зависит от внешних сил в обеспечении своих потребностей, выживании своего населения и развитии своей экономики. С момента своего первого применения и по настоящее время ядерная энергетика занимает центральное положение среди вопросов контроля над энергетикой в Восточной Европе. Мы предлагаем проанализировать её историю, в частности на Украине, и её геополитическую роль в современных условиях. Мы ограничимся анализом гражданской атомной энергетике.

Может ли Украина достичь энергетической независимости путём развития национальной атомной энергетике?

Прежде всего, вспомним историю российско-украинской советской атомной энергетике.

Во-вторых, проанализируем энергетическую зависимость Украины от России.

На третьем этапе мы представим постепенное изменение парадигмы, в результате которого в игру вступают новые действующие лица.

Атомная энергетика на Украине: общая история с Россией

Гражданской атомной энергетике сейчас более 60 лет. Более полувека строительства реакторов и добычи урана как в мирных, так и в военных целях. Все эти годы научных экспериментов (параллельно с экономическими и политическими) выстраивались специфические отношения между различными государствами и республиками, участвующими в проекте атомной электрификации. Мы представим этот процесс в хронологическом порядке.

Появление ядерной энергетики: 1950-1970-е гг.

Пуск первой в мире атомной электростанции состоялся в Обнинске в 1954 г. [Kasperski, 2017 : 101-125]. При Советском Союзе были введены в эксплуатацию 33 производственных реактора, в том числе 16 на Украине (включая Чернобыль). Однако в послевоенный период реконструкция осуществлялась в основном за счёт развития газовой, нефтяной и угольной промышленности. Атомная энергетика была на втором месте и не пользовалась единоклюшной поддержкой. В 1970 г. на долю атомной энергетики в сочетании с гидроэнергетикой приходилось лишь 3 % от общего объёма энергии. Развитие гражданской атомной энергетики было оправдано, прежде всего, одним из главных аргументов: большое расстояние, отделяющее углеводородные месторождения от основных населённых пунктов. Поскольку большая часть ресурсов находится на востоке России, то их эксплуатация обходится дороже, прежде всего, транспортировка. Преимущество АЭС заключается в том, что помимо передовых технологий ей нужны только два основных ресурса: уран и водоём. Поэтому их было выгодно построить на Украине и на западе России, обеспечив нужды населения.

Развитие ядерной энергии: 1970–1990 гг.

Развитие атомной промышленности действительно возросло в 1970-х гг.: потребление выросло с 900 МВт в 1970 г. до 12 500 МВт в 1980 г., а затем до 28 100 МВт в 1985 г. Хотя это бесспорный рост, его следует рассматривать в перспективе по отношению к другим источникам энергии: в течение этих лет атомная энергетика удерживала основную долю в общем производстве энергии и постоянно росла. Более того, именно благодаря экспорту сырья СССР смог накопить валюту, необходимую для реализации своих многочисленных проектов по строительству АЭС. Примерно в 1983 г. экспорт энергоносителей СССР составил 53,2 % от общего объёма экспорта (при этом три четверти экспортируемых энергоносителей приходилось на нефть).

Таким образом, рынок углеводородов подтолкнул советских лидеров к поиску заменителей для удовлетворения потребностей местного населения в энергоресурсах, чтобы сохранить как можно больше нефти и газа на экспорт. Проекты по строительству ядерных реакторов осуществлялись в основном в Восточной Европе. Впоследствии Советский Союз ввёл в эксплуатацию более 10 новых реакторов в период 1986–1990 гг., в том числе 4 на Украине [Kasperski, 2017 : 101-125]. Это расширение атомной отрасли было частью реализации грандиозных проектов, часто сокращаемых на практике.

Постсоветские годы: энергетический (и политический) переход

В течение 90-х гг. и после аварии на Чернобыльской АЭС многие протестные движения выступали против развития гражданской атомной энергетики. В Советских Социалистических Республиках протесты были в основном националистическими претензиями к советскому «колонисту». После распада Союза бывшие советские республики, напротив, присвоили ядерную энергию как инструмент эмансипации и самообеспечения. Экономический кризис, последовавший за развалом СССР в 1991 г., стал основным фактором замедления и приостановки советской ядерной программы.

Поскольку производство других энергоносителей также снизилось, остро ощущался дефицит валюты. Строительство реакторов было приостановлено, и лишь немногие из них были построены до следующего десятилетия. Россия и Украина должны были создать новые национальные, постсоветские институты для надзора за своей ядерной промышленностью. В России министерство по атомной энергии (Минатом) было создано в 1992 г. при операторе «Росэнергоатом».

На Украине в 1993 г. был создан Государственный комитет по использованию ядерной энергии (Госкоматом), а в 1996 г. — оператор «Энергоатом». Кроме того, в каждой стране создан регулирующий орган. Затем эти организации с годами будут менять свои названия и статус. Но российский оператор «Росатом» — госкорпорация, созданная в 2007 г., будет контролировать большую часть атомной отрасли на постсоветском пространстве.

Украина всё ещё очень зависима от России, даже если система изменилась

С момента распада СССР Украина является государством, экономика которого сильно зависит от импорта российской нефти и газа (в 1991 г. около 54 % импорта углеводородов на Украину осуществляла Россия). В целом его деятельность тесно связана с торговлей с Россией. Атомный сектор не является исключением, тем более, что в настоящее время он сосредоточен вокруг российских институтов, которые унаследовали полномочия и функционал бывших советских органов управления энергетикой.

Энергетическая зависимость от России и строительство различных структур (особенно в области атомной энергетики)

В настоящее время российская атомная промышленность сосредоточена вокруг основанной в 2007 г. компании «Росатом», которая пришла на смену прежним российским и советским операторам атомных станций. Это конгломерат более 400 компаний, чья деятельность охватывает несколько

континентов. Её цель – глобальная экспансия российской гражданской атомной отрасли¹. С украинской стороны: национальному оператору «Энергоатом» трудно реализовывать собственные проекты без внешней помощи. Страна располагает запасами урана, но не имеет возможностей для его обогащения или производства топлива. Атомная отрасль требует значительных средств, поэтому очень немногие игроки в мире могут позволить себе участвовать в ней. Основные конкуренты на мировом рынке – французы с компанией *Areva*, американцы с компанией *Westinghouse* (сейчас дочерняя компания *Toshiba*) и русские с «Росатомом». На Украине до 2014 г. именно «Росатом» и его дочерняя компания «ТВЭЛ» отвечали за основные реакторные проекты [*Geslin, Gobert, 2015*]. Более того, поставку топлива может осуществлять только Россия, так как реакторы, уже присутствующие на Украине, – это советские модели ВВЭР с водой под давлением. Даже недавние поставки из *Westinghouse* привели к инцидентам [*Kasperski, 2017 : 101–125*] [*Бойко, 2019 : 75–85*]. Кроме того, Россия отвечает за извлечение отработанного топлива с украинских реакторов и его платное хранение на своей территории.

Политические препятствия для развития Украины

Зависимость Украины от России обусловлена не только попытками России занять украинский рынок. Действительно, Украина испытывает большие трудности с момента перехода к рыночной экономике. Её валюта слаба, её промышленность была захвачена олигархами, когда распался советский блок. Такое положение вещей в каком-то смысле привело страну к разорению. В период правления Виктора Януковича украинское государство закупало тепловую энергию из угольных шахт восточной Украины у олигарха Рината Ахметова, мощного сторонника президента страны. Цены были в выигрыше от личных дел последних: они были выше, чем на рынке, и в три раза выше, чем (себестоимость энергии, вырабатываемой на атомных электростанциях [*Geslin, Gobert, 2015*]). Поэтому в этот период у атомной отрасли и её официального органа – «Энергоатома» – возникла большая задолженность. Украина столкнулась с ситуацией, в которой она не могла стать хозяйкой положения. Она не имела опыта реализации национальных проектов в атомной отрасли: это была работа централизованной советской власти. С 90-х годов и до сегодняшнего дня она, в отличие от России, никогда не получала выгоду от массового притока капитала из-за отсутствия массового экспорта. Более того, размер страны, с экономической точки зрения, не позволяет ей массово финансировать крупномасштабные проекты.

¹ *Rosatom. International Relations* // <https://www.rosatom.ru/en/about-us/international-relations/>, дата обращения 04.03.2020.

Тем не менее Украина занимает третье место в мире по доле электроэнергии от атомной отрасли (около 50 %) ². Это доказательство того, что ставка на половину удачна: несмотря на то, что она не полностью владеет сферой атомной энергетики, она в значительной степени снабжает население и предоставляет серьёзную альтернативу производству загрязняющих энергоносителей и, возможно, в долгосрочной перспективе, импорту российского газа.

Смена парадигмы и новые акторы

Украинская промышленность подвержена капризам мировой экономики, на которую влияют геополитические потрясения. Изменение ориентации внешней политики украинских лидеров ведёт к выходу на энергетический рынок новых игроков. Последние исполняют различную роль в зависимости от их географической близости и общих целей. Всё это приводит к постепенному изменению ситуации на Украине и сказывается на её отношениях (как политических, так и экономических) с Российской Федерацией.

Кризис 2014 г.: политический конфликт, ведущий к поиску новых партнёров, и необходимость в энергетической независимости

В 2014 г., после присоединения Республики Крым к Российской Федерации, «Энергоатом» разрывает несколько контрактов с «ТВЭЛом» [Geslin, Gobert, 2015], дочерним предприятием «Росатома», которое поставяет топливо для реакторов украинских электростанций. Топливо будет поставляться иностранной компанией *Westinghouse* [Kasperski, 2017 : 101-125]. В 2016 г. около 60 % импортируемого топлива поступило из России, 40 % из Швеции (площадка завода *Westinghouse*). Также был приостановлен проект строительства завода по сборке топлива стоимостью 500 млн долл. Это была одна из крупнейших инвестиций российской компании на Украине.

Более того, приход к власти П. Порошенко перетасовывает политические карты страны: олигархи в пользу власти уже не те. Конфликт на Донбассе ставит под угрозу производство угольных электростанций, что делает ещё более важным развитие атомной энергетики для компенсации потерь и ограничения импорта.

Роли различных внешних игроков: ЕС, Франция, США, соседи

Украина, не имея самодостаточности, вынуждена искать партнёров за границей, чтобы обеспечить себя электроэнергией. Соглашение с Европей-

² *Nuclear Share of Electricity Generation in 2018* // <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/NuclearShareofElectricityGeneration.aspx>, дата обращения 05.03.2020.

ским Союзом предусматривает выделение средств для обеспечения безопасности украинских электростанций. Европейский банк и «Евратом» предоставили кредит в размере 600 млн евро после катастрофы на Фукусимской электростанции на модернизацию украинских электростанций [Geslin, Gobert, 2015].

Реконструкция бывших в употреблении электростанций, и в частности Чернобыльской АЭС, с проектом арки хранения (проект стоимостью 2 млрд евро) также поддерживается ЕС и является предметом договоров с французской компанией *Areva NP. Westinghouse* и *Areva*, прямые конкуренты «Росатома» на мировом рынке, находятся в поиске возможностей, которые открывает украинская атомная энергетика в свете политического конфликта с Россией. Тем более что ЕС, Франция и Соединённые Штаты с 2014 г. политически втягивают Украину в конфликт с Россией, в частности, посредством санкций против Российской Федерации. Кстати, расширение санкций против России может нанести серьёзный ущерб компании «Росатом», которая имеет 16 реакторов в Евросоюзе и только 9 в России (в 2015 г.). Атомная энергетика является ключевым вопросом: её развитие, как мы видели, может гарантировать энергетическую независимость Украины, заставить её повернуться лицом к Западу и стать всё более оторванной от бывшего советского блока и, в первую очередь, от России.

Пока Украина вынуждена получать энергоносители извне, поскольку отечественного производства недостаточно или оно экспортируется. Предусмотрен контракт с Белоруссией, готовой продавать от 5 до 6 млрд кВт.ч в год для увеличения импорта белорусской электроэнергии (на данный момент – 840 млн кВт.ч)³. Пока ничего не подписано, но Украина всё равно должна импортировать определённое количество электроэнергии. На рынке малых модульных реакторов (ММР) американская компания *NuScale Power* переходит от «Росатома» к поставкам для украинских электростанций⁴.

Вопрос отработанного топлива остаётся проблемой и для Украины: его транспортировка и хранение всё ещё зависит от России.

Основным предприятием, осуществляющим диверсификацию источников атомной энергии Украины, является «Росатом». Несмотря на то, что компания всё ещё присутствует, с возобновлением контрактов для своей дочерней компании «ТВЭЛ», она теряет долю рынка в стране, которая исторически всегда находилась под руководством централизованного органа в России. Выход Украины из состава российской компании может приостано-

³ Белоруссия готова поставлять Украине порядка 5-6 млрд кВт.ч электроэнергии ежегодно // <http://www.atominform.ru/news/a0825.htm>, дата обращения 04.03.2020.

⁴ *Rosatom. International Relations* // <https://www.rosatom.ru/en/about-us/international-relations/>, дата обращения 04.03.2020.

новить реализацию проекта по продлению срока эксплуатации 15 существующих реакторов до 2030 г. и запланированных дополнительных реакторов (объявлено 5-7) [Kasperski, 2017 : 101-125]. В долгосрочной перспективе зависимость Украины от внешних компаний никогда не будет гарантировать ей реальную энергетическую безопасность: она всегда будет зависеть от политической ситуации и мирового рынка. Урегулирование конфликтов с Россией представляется беспроектной ситуацией: «Росатом» сможет продолжать расширяться, а Украина – постепенно, мирно и устойчиво продолжать своё энергетическое развитие. Проекты, осуществляемые российской компанией, в среднем более надёжны, чем проекты компании *Westinghouse* (безопасность которых часто критикуется) [Бойко, 2019 : 75-85], и менее затратны (и гораздо более верны прогнозам). Тем не менее технология, предложенная «Росатомом», менее развита, чем у его конкурентов, а реакторы – менее мощные. Но сегодня Украина ищет стабильный энергетический сектор, достаточный для её нужд и освобождающий страну от внешнего давления и ограничений.

С другой стороны, экономический кризис, последовавший за отказом ОПЕК обуздать добычу нефти, привёл к падению цен на нефть, сократив приток иностранной валюты в Россию. Это отразилось на бюджете, выделяемом на развитие атомной энергетики, который в 2016 г. сократился на 48 % [Kasperski, 2017 : 101-125]. Это замедление может навредить развитию «Росатома», особенно на Украине, и ещё раз доказывает важность глобального экономического контекста и тот факт, что атомная энергетика, как и полвека назад, является не заменителем, а дополнением к таким сырьевым ресурсам, как нефть или газ.

Заключение

Украина борется за развитие своей ядерной энергетики. Эта отрасль должна была получить новое развитие после распада СССР, но поддержка России создала зависимость, которая мешает украинской экономике. Кроме того, имели место внутренние олигархические манёвры и различные конфликты. Однако международная политическая ситуация может допускать новые подходы: урегулирование конфликтов для взаимовыгодных обменов. Российский оператор «Росатом» мог бы в долгосрочной перспективе создать условия для развития национальной энергетики Украины, что принесло бы пользу России, окружающей среде и отношениям между двумя странами.

Однако этот сценарий в настоящее время сталкивается со всеми упомянутыми нами проблемами. Связь между геополитикой и энергетикой по-прежнему имеет большое значение и свидетельствует о том, что одна проблема не может быть решена без решения другой и что для достижения

устойчивого развития необходимы взаимные усилия. Одним словом, будущее Украины с точки зрения ядерной энергетики всё ещё остаётся неопределённым, но усилия страны по развитию отечественного производства должны быть освещены и тщательно контролироваться.

Список литературы

Kasperski T., 2017. Une transition vers plus de nucléaire? Analyse comparée des politiques énergétiques russe et ukrainienne – Revue internationale de politique comparée, 1, Vol. 24, p. 101–125. DOI: 10.3917/ripc.241–242.0101 // <https://www.cairn.info/revue-internationale-de-politiquecomparée-2017-1-page-101.htm>, дата обращения 02.03.2020.

Бойко А. А. 2019. Перспективные направления сотрудничества ЕАЭС на региональном и глобальном рынке технологий и оборудования ядерного топливного цикла – Геоэкономика энергетики. № 4. С. 75–85.

Geslin L., Gobert S. 2015. Sur le front de l'uranium. L'Ukraine en quête de souveraineté énergétique // <https://proxysciencespobordeaux.fr/3768/2015/03/GESLIN/52720>, дата обращения 03.03.2020.

Белоруссия готова поставлять Украине порядка 5–6 млрд кВт.ч электроэнергии ежегодно // <http://www.atominfo.ru/newsz/a0825.htm>, дата обращения 04.03.2020.

NuScale Power подписала соглашение с украинским ГНТЦ ЯРБ // <http://www.atominfo.ru/newsz01/a0079.htm>, дата обращения 04.03.2020.

IAEA, Power Nuclear Information System, 2020. Nuclear Share of Electricity Generation in 2018 // <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/NuclearShareofElectricityGeneration.aspx>, дата обращения 05.03.2020.

Bureau Business France de Kiev, Nuclear Power in Ukraine // <https://www.businessfrance.fr/1-electronucleaire-en-ukraine>, réf: B1904330 A, дата обращения 02.03.2020

Rosatom. International Relations // <https://www.rosatom.ru/en/about-us/international-relations/>, дата обращения 04.03.2020.

OSCAR ARNOUX,

Master's Degree Student of RUDN University and Institut d'Etudes Politiques de Bordeaux.

Address: 7, block 3, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.

E-mail: oscar.arnoux@free.fr.

CAN UKRAINE ACHIEVE ENERGY INDEPENDENCE BY DEVELOPING NATIONAL NUCLEAR ENERGY?

Keywords: Nuclear Energy, Rosatom, Westinghouse, Ukraine, Energoatom, Russia, USA, France.

Abstract

Ukraine is today one of the countries most dependent on electricity supplied by nuclear power plants. However, there is still room for improvement in this sector to meet the country's growing needs in a context of chaotic international relations. Adaptation to market economy has had many shortcomings, making the country's economy relatively fragile. Moreover, recent conflicts with Russia and in the eastern regions of the country have aggravated the crisis in Ukraine. Now, the country is torn between East and West and struggles to develop a nuclear industry which seems to be its only guarantee of independence and sovereignty regarding energy demand, forcing its leaders to depend on external actors to supply the population with electricity, gas and oil.

References

Kasperski T., 2017. A Transition Towards More Nuclear Energy? Comparative Analysis of Russian and Ukrainian Energetical Politics – International Journal of Comparative Politics, 1, Vol. 24, p. 101–125. DOI: 10.3917/ripc.241.0101. // <https://proxy.sciencespobordeaux.fr:2061/revue-internationale-de-politique-comparee-2017-1-page-101.htm>, accessed 02.03.2020. (InFrench)

Boyko A. A. 2019. Promising Areas of Cooperation of the EAEU in the Regional and Global Market of Nuclear Fuel Cycle Technologies and Equipments – Geopolitics of Energy. № 4. С. 75–85. (InRuss.)

Geslin L., Gobert S. 2015. On the Uranium Front Ukraine in Search of Energy Sovereignty // <https://proxy.sciencespobordeaux.fr:3768/2015/03/GESLIN/52720>, accessed 03.03.2020. (InFrench)

NuScale Power Signed a Contract With Ukrainian SSTC NRS // <http://www.atominfo.ru/newsz01/a0079.htm>, accessed 04.03.2020. (InRuss.)

Belarus is Ready to Supply Ukraine for About 5–6 Billions Kilowatt-hours Every Year // <http://www.atominfo.ru/newsz/a0825.htm>, accessed 04.03.2020. (InRuss.)

IAEA, Power Nuclear Information System, 2020. Nuclear Share of Electricity Generation in 2018 // <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/NuclearShareofElectricityGeneration.aspx>, accessed 05.03.2020. (InEng.)

Bureau Business France de Kiev, Nuclear Power in Ukraine // <https://www.businessfrance.fr/l-electronucleaire-en-ukraine>, réf: B1904330 A, accessed 02.03.2020. (InFrench)

Rosatom, International Relations // <https://www.rosatom.ru/en/about-us/international-relations/>, accessed 04.03.2020. (InEng.)

Марина БАРАННИК

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В данной статье автор рассматривает процесс региональной интеграции как один из главных элементов российской внешней политики. В статье показывается, что региональная интеграция важна для России как с точки зрения её стратегических интересов, так и для имиджа страны. Основное внимание уделяется евразийской интеграции как одной из важных инициатив российской внешней политики. Автор полагает, что ЕАЭС имеет все предпосылки стать одним из ключевых элементов современной глобальной экономической архитектуры. Евразийский интеграционный проект не только обрёл юридическую независимость и международно признанное влияние, но и стал активным и заметным игроком на мировой арене. В статье описывается применение «мягкой силы» в странах СНГ. В качестве инструментов «мягкой силы» выступают русский язык и культура, а также признание российских СМИ и российского интернета в качестве наиболее надёжных источников информации и средств распространения новых идей по всему постсоветскому пространству, особенно в странах с более жёсткими политическими режимами. В статье анализируется роль БРИКС и ШОС в качестве платформы для продвижения региональной интеграции. В статье показано, что имеется возможность для реализации обозначенных в рамках БРИКС и ШОС задач энергетики, носящих межгосударственный характер. В процессе исследования автор обращался к следующим методам: контент-анализу и ивент-анализу, применявшимся при обработке массива данных и мониторинге международных процессов. Применённые методы позволили провести объективный всесторонний анализ исследуемой темы, сформулировать обоснованные выводы и рекомендации.

БАРАННИК Марина Андреевна, магистр Кафедры теории и истории международных отношений РУДН. *Адрес:* Российская Федерация, г. Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д 10, корп. 2. *E-mail:* marinabarannik@mail.ru. *SPIN-код:* 3127-0971

Ключевые слова: региональная интеграция, постсоветское пространство, евразийская интеграция, СНГ, ЕАЭС, БРИКС, ШОС, «мягкая сила», новые вызовы, имидж, энергетический сектор.

Введение

Региональная интеграция – один из стратегических интересов российской внешней политики с момента распада СССР. Региональная интеграция также важна для имиджа России. Москва стремится использовать данный процесс для демонстрации, что она по-прежнему является центром притяжения для стран СНГ и способна осуществлять успешные инициативы на постсоветском пространстве. Россия также хотела показать, что она является независимым игроком на международной арене и способна создавать свои собственные региональные группировки, подобные тем, которые существуют в других частях земного шара (ЕС, НАФТА, АСЕАН и МЕРКОСУР). Региональная экономическая интеграция является ключевым трендом в мировой экономике, будущее которого во многом зависит от эффективности интеграции групп глобального диалога и их внутренней стабильности.

Важной проблемой для постсоветского пространства является фактическая конкуренция интеграционных блоков, когда новые интеграционные проекты запускаются на основе незавершённых старых соглашений. Экономическая интеграция в формальных рамках СНГ в настоящее время считается практически невозможной из-за большого расхождения институциональных систем постсоветских стран. СНГ, скорее, используется для обозначения региона, чем для описания существующего интеграционного блока. В первые годы после распада Советского Союза Россия провозгласила всё постсоветское пространство зоной своих стратегических интересов и попыталась доминировать на политической арене стран СНГ. Идеальным сценарием развития СНГ считалось превращение его в военно-политический союз (при ведущей роли России), признанный международным правом. Однако эта политика привела к натянутым отношениям практически со всеми постсоветскими государствами, которые пытались проводить сбалансированную многофакторную политику с целью нейтрализации претензий России на лидерство.

Интеграция как фактор внешней политики России

Российская политика в отношении новых независимых государств начала меняться в 1999 г. К этому времени стали очевидны новые угрозы исламского фундаментализма для постсоветских государств. Страны Южного Кавказа и Центральной Азии стали испытывать серьёзные трудности в отношениях со своими соседями. В этих условиях стабилизирующая роль России в этих регионах резко возросла. Политическая и экономическая составляющие сотрудничества России с этими странами либо равноценны (Белоруссия, Казахстан), либо политическая составляющая превышает

экономическую значимость (Армения, Киргизия, Таджикистан). Внешние угрозы представляют собой важный фактор, сближающий эти страны с Россией [Енин, 2006 : 100–145].

В отношениях с другими странами экономическая составляющая важнее политических факторов. Но даже здесь есть большие различия. Азербайджан и Узбекистан тесно сотрудничают с Россией. Азербайджан нуждается в поддержке России в пограничном споре с Туркменией, в поиске приемлемого решения конфликта с Арменией. Узбекистан нуждается в военно-политической поддержке России в борьбе с исламскими радикалами [Михайлова, 2015 : 454–456]. Россия продолжает играть ключевую роль в системе отношений между постсоветскими странами. Она является основным поставщиком энергоресурсов в страны бывшего СССР, важной транзитной страной для экспорта и импорта, крупным потребителем продукции, производимой в этих странах, и привлекательным источником рабочих мест, желанных для граждан новых независимых государств. Россия в настоящее время выступает в качестве крупного потребителя транзитных услуг в ряде новых государств, обеспечивая им взамен значительный устойчивый доход. В целом за последние три года мы наблюдаем тенденцию к усилению политического влияния РФ на постсоветском пространстве. Таким образом, политический фактор начинает уравниваться с экономическим влиянием России.

Дальнейшее развитие на постсоветском пространстве будет определяться в будущем многими факторами, действующими в противоположных направлениях. Во всех направлениях центральной фигурой в конфликте интересов является Россия. Дальнейшие события на постсоветском пространстве во многом будут зависеть от того, сумеет ли она преодолеть разрыв, отделяющий её от ведущих стран мира, и превратиться в растущую и процветающую часть мировой экономики. Любой прогресс по каждому из направлений интеграции требует значительных интеллектуальных усилий и финансовых ресурсов. По мере роста экономической и политической мощи России конфигурация отдельных региональных групп может меняться. Эти изменения могут включать участие в уже существующих альянсах или формирование новых альянсов. Вполне вероятно, что СНГ вновь активизируется. Однако для этого потребуются очень конкретная и реалистичная экономическая и политическая мотивация. Так или иначе, если России придётся решать колоссальные проблемы, беспрецедентные по своим масштабам и сложности, то в качестве первого шага она должна будет найти новую модель сотрудничества, более соответствующую современным условиям. Новая модель должна функционировать на микроэкономическом уровне, признавая решающую роль отдельных предприятий в развитии экономических связей внутри СНГ. В новых обстоятельствах государства должны оказывать влияние на развитие экономических связей между стра-

нами СНГ, главным образом путём создания необходимых условий для успешного взаимодействия хозяйствующих субъектов и формирования транснациональных экономических институтов (финансово-промышленных групп, трестов, корпораций, совместных предприятий).

Роль ЕАЭС в стратегии развития России

Стратегия развития России имеет первостепенное значение для дальнейшего развития всего СНГ. Для того чтобы играть позитивную интегрирующую роль в альянсах, Россия должна выработать сбалансированный и последовательный стиль отношений со странами-партнёрами. Очень важно правильно определить те экономические интересы данных стран, которые имеют отношение к сотрудничеству с Россией, и поддерживать их всеми доступными средствами. Цель состоит в том, чтобы переломить сложившуюся тенденцию и максимально использовать потенциал взаимодействия России с её ближайшими соседями, разделяющими общую историческую судьбу и несущими схожие тяготы в новых условиях. РФ должна играть роль донора для своих экономически менее развитых партнёров. В связи с этим важно чётко определить приемлемую степень «донорской» деятельности и обозначить конкретные направления помощи своим соседям [Дадабаева, 2012]. Главным вопросом остаётся, принесёт ли такая стратегия в долгосрочной перспективе экономические или геополитические преимущества. Тем не менее дальнейшее политическое сближение России с другими странами СНГ, в первую очередь с Казахстаном и Белоруссией, действительно происходит. В условиях уже начавшейся экономической интеграции Астана, Минск и Москва постепенно развивают общие интересы, что требует более тесной координации политики. Казахстан и Белоруссия выходят на российский рынок. Россия также получает значительные выгоды от доступа к активам на территории стран-партнёров.

9 июня 2009 г. президент России В. Путин после встречи с лидерами Белоруссии и Казахстана объявил, что эти три государства приступили к созданию Таможенного союза (ТС) [Мещеряков, 2012] [Договор о создании..., 2007]. Новая инициатива отличалась несколькими важными элементами.

Во-первых, проекты соглашений готовились гораздо тщательнее. Они были более конкретные и охватывали более широкий круг вопросов. Политическая решимость России осуществить их также возросла.

Во-вторых, Россия пошла на уступки своим партнёрам в стремлении заинтересовать их в реализации договорённостей.

В-третьих, были предприняты усилия для того, чтобы соглашения ТС в большей степени основывались на международных стандартах. Новую инициативу и предыдущие объединяет предположение о том, что она будет

реализовываться поэтапно, а также амбициозность проекта, который из Таможенного союза вскоре приведёт к созданию Единого экономического пространства, а затем Евразийского экономического союза. Таможенный союз был первым этапом в процессе интеграции этих стран, его организовали в соответствии с утверждённым планом действий. К 2010 г. была создана необходимая правовая база для функционирования Союза. Россия, Белоруссия и Казахстан ввели на своих территориях единый таможенный тариф и товарную номенклатуру. Следующим этапом интеграции стало создание Единого экономического пространства (ЕЭП). Это означало достижение так называемых «четырёх свобод», т. е. свободного движения товаров, капитала, услуг и людей в рамках ЕЭП [Договор о создании Евразийского экономического союза, 2014].

Важным шагом на пути создания региональной интеграции является формирование ЕАЭС. Евразийский экономический союз был создан в ответ на экономическое и политическое влияние Европейского Союза и других западных стран. Страны выразили желание развивать торгово-экономическое сотрудничество, создать зону свободной торговли. Расширение торгово-экономических связей придаёт импульс укреплению роли Евразийского экономического союза в мире. ЕАЭС имеет все предпосылки стать одним из ключевых элементов современной глобальной экономической архитектуры. Евразийская интеграция делает внутренний рынок более прозрачным для предпринимателей и инвесторов, способствуя его дальнейшему расширению. Развитие экономической интеграции в условиях замедления глобального экономического роста может стать одним из основных стимулов диверсификации и экономического развития государств-членов. Страны стремятся занять наилучшие позиции в новой структуре мировой экономической системы, складывающейся в последние годы, продвигая свой проект экономической интеграции. Договор о создании Евразийского экономического союза, вступивший в силу 1 января 2015 г., закрепил ЕАЭС в качестве полноправного участника глобальных экономических отношений [Евразийский экономический союз]. Кроме того, этот документ заложил прочную основу для международных отношений Союза с другими субъектами – третьими лицами, их интеграционными объединениями, международными организациями. Евразийский экономический союз как международная организация региональной экономической интеграции обладает правосубъектностью и наделён правом заключать международные договоры с другими участниками международных отношений и принимать на себя обязательства, соответствующие статусу международной организации [Договор о создании Евразийского экономического союза, 2014]. Евразийский интеграционный проект не только обрёл юридическую независимость и международно признанное влияние, но и стал активным и заметным игроком на международной арене.

Культурные вопросы говорят о реальной потребности России в «мягкой силе». Наиболее подходящей площадкой для реализации сравнительных преимуществ России в этой сфере является СНГ. Русский язык и культура являются одним из традиционных инструментов «мягкой силы». Эффективность российской «мягкой силы» в СНГ можно было бы также повысить за счёт признания российских СМИ и российского интернета в качестве наиболее надёжных источников информации и средств распространения новых идей по всему пространству СНГ, особенно в странах с более жёсткими политическими режимами.

Роль БРИКС и ШОС в интеграционной политике РФ

Под руководством Владимира Путина Россия стала играть всё более активную роль в региональных и глобальных делах, стремясь восстановить статус великой державы. Участие в международных организациях стало важной стратегией для России. Среди них особо важное место занимает Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Её ведущие члены – Россия и Китай являются крупнейшими экономическими, военными и политическими державами. Важность ШОС во многом обусловлена её полезностью как для Пекина, так и для Москвы в качестве механизма управления их конкурирующими интересами в Центральной Азии. Она также выступает платформой для продвижения евразийской интеграции. Шанхайская организация сотрудничества способна обеспечить институциональную платформу для широкого регионального экономического сотрудничества в контексте евразийского развития, реализации новых национальных стратегий членами ШОС, совместных усилий по дальнейшей интеграции и развитию ЕАЭС и реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь» с потенциалом формирования более широкого партнёрства в Евразийском экономическом пространстве. Ещё одной многосторонней организацией для продвижения российской внешней политики выступает БРИКС. Созданная по инициативе российского руководства в 2006 г. БРИКС стала значимым фактором в мировой политике и мировой экономике [Стратегия экономического партнёрства БРИКС, 2015].

БРИКС – это и символ растущей тенденции к многополярному миру, и главный драйвер этой тенденции. Приверженность укреплению БРИКС во всех отношениях, отражённая в Концепции внешней политики Российской Федерации, является одним из ключевых элементов российской внешней политики. Главной целью Российской Федерации в БРИКС является постепенное превращение организации из диалогового форума и инструмента согласования позиций по ограниченному кругу вопросов в полномасштабный механизм стратегического сотрудничества по ключевым вопросам мировой политики и мировой экономики. Эта цель будет достиг-

нута путём последовательного расширения спектра направлений сотрудничества, активного продвижения общих интересов стран БРИКС на международной арене, создания разветвлённой системы механизмов взаимодействия, прежде всего, в финансово-экономической сфере, которые постепенно будут трансформироваться в конкретные институты. Всё это призвано поднять БРИКС на уровень важного элемента глобальной системы управления в XXI веке. Отсюда следует, что эти организации призваны подчеркнуть, что Москва сохраняет международный авторитет и что у неё есть дипломатические средства для противодействия расширению западного влияния.

Страны БРИКС играют важную роль в глобальной системе энергетической безопасности. Они имеют значительный вес как в производстве, так и в потреблении мировых энергоресурсов. Учитывая роль Российской Федерации как ключевого экспортёра нефти и газа, российский энергетический сектор имеет определяющее значение для экономического успеха страны, а также для мировых энергетических рынков. В энергетическом секторе представители России в БРИКС будут продвигать ранее предложенную инициативу по созданию платформы сотрудничества в области совместных энергетических исследований (нефти, газа и энергоэффективности).

Столкнувшись с обвинениями Запада в агрессивном поведении в сфере энергетики, Москва в поисках более дружественных партнёров. Одним из них может стать Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Было выдвинуто российское предложение о создании регионального «энергетического клуба» [Васильев, Румянцев, 2007]. Теоретически такой клуб мог бы превратиться в действительно глобальную группировку, если бы он позволил государствам со статусом наблюдателя в организации стать полноправными членами. Россия рассматривает энергетический альянс на базе ШОС как потенциальную стратегию противодействия западному давлению.

Заключение

Таким образом, региональная интеграция стала мировой реакцией на глобальный финансовый кризис. Устранение барьеров и ограничений, а также создание единого рынка являются единственными драйверами, которые могут дать импульс для новой жизни мировой экономики. Интеграция носит фрагментарный характер и охватывает лишь отдельные сектора экономики, участвующие в этом процессе. Страны стоят перед прагматичным выбором на основе экономической мотивации: пытаться минимизировать экономические риски самостоятельно или в рамках Союза. В современных условиях резко возросли требования к обоснованности решений по вопросам межгосударственного сотрудничества в энергетической сфере.

В последнее время на постсоветском пространстве произошёл ряд событий, последствия которых привели к серьёзным экономическим и политическим потерям. Тем не менее анализ сложившейся ситуации показывает, что «окно возможностей» не закрыто и имеются основания для реализации обозначенных в рамках БРИКС и ШОС задач энергетики.

Реальные предпосылки для превращения СНГ в жизнеспособный региональный блок появятся только тогда, когда придут конкретные цели, вытекающие из конкретных коллективных интересов. Если Россия иницирует комплексную программу реструктуризации постсоветской экономики на основе тщательно выбранных приоритетов и широкого распространения современных технологий, то этот интерес возникнет без всякого принуждения. Можно обозначить это как интерес к развитию конкурентоспособных транснациональных корпораций, способных быть субъектами, а не объектами глобализации, в рамках СНГ. СНГ должно оставаться важным внешнеполитическим приоритетом Российской Федерации. Отношения между Россией и независимыми государствами, возникшими после распада Советского Союза, изменятся. Но из-за географической близости, случайной этнокультурной общности и тесных исторических связей, эти отношения, вероятно, сохраняют свой особый характер. Российская политика в отношении отдельных стран СНГ будет определяться практически интересами и потребностями российских лидеров, а также меняющейся обстановкой. Новые вызовы России в XXI веке требуют качественно новых подходов со стороны её политической элиты, представителей экономических кругов и гражданского общества. Настало время запустить новую модель экономического развития, которая породила бы современную экономику. В этой связи 2020 г. должен стать периодом, определяющим судьбу России в дальнейшем, а также её статус в СНГ и мире в целом.

Список литературы

Договор о создании Евразийского экономического союза, 2014 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/, дата обращения 12.01.2020.

Договор о создании единой таможенной территории и Таможенного союза от 6 октября 2007 г. // <http://www.evrazes.com/customunion/eepr>, дата обращения 15.03.2020.

Евразийский экономический союз // <http://www.eaeunion.org>, дата обращения 11.01.2020.

Стратегия экономического партнёрства БРИКС, 2015 // <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/КТ0SBHnIZjOpIuAj2АОXCnszNQA8u7HL.pdf>, дата обращения 12.11.2019.

Васильев Л. Е., Румянцев Е. И. 2007. Шанхайская организация сотрудничества. Документы и материалы. М.: РАН.

Дадабаева З. А. 2012. Интеграционные возможности межгосударственных объединений на постсоветском пространстве – Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7. ч. 1.

Енин Ю. И. 2006. Международные интеграционные объединения, опыт, проблемы, перспективы. Мн., МИТСО. С. 100–145.

Кнобель А. 2016. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия – Вопросы экономики. № 3. С. 87–108.

Мансуров Т. А. 2012. Евразийская экономическая интеграция: опыт и перспективы – Экономические стратегии. № 1 (99). С. 6–11.

Мещеряков К. Е. 2012. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России. СПб: Скифия-принт.

Михайлова Я. В. 2015. Интеграционные объединения на постсоветском пространстве – Молодой учёный. № 3. С. 454–456.

Пивовар Е. И. 2008. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. – СПб.: Алетейя, 2008.

MARINA A. BARANNIK,

Master's Degree Student of the Department of Theory and History of International Relations RUDN University.

Address: 10/2, Miklouho-Maclay st., Moscow, 117198, Russian Federation.

E-mail: marinabarannik@mail.ru

SPIN-code: 3127-0971

REGIONAL INTEGRATION AS AN IMPORTANT ELEMENT OF RUSSIAN FOREIGN POLICY

Keywords: regional integration, post-Soviet space, Eurasian integration, CIS, Eurasian Union, BRICS, SCO, soft power, new challenges, image, energy sector.

Abstract

In this article, the author considers the process of regional integration as one of the main elements of Russian foreign policy. In the article, the author identifies that regional integration is an important for Russia in terms of its strategic interests and for the country's image. The author devotes to the Eurasian integration as one of the important initiatives of the Russian foreign policy. The author points out that the Eurasian Union has all the prerequisites to become one of the key elements of the modern global economic architecture. The Eurasian integration project has not only acquired legal independence and internationally recognized influence, but has also become an active actor in international relations. The article describes the soft power tool in the CIS space. The Russian language and culture are soft power tools, as well as the recognition of the Russian media and the Russian Internet as the most reliable source of information and a means of spreading new ideas throughout the CIS, especially in countries with more stringent political regimes. The article analyzes the role of BRICS and the SCO as a platform for promoting regional integration. In the article, the author reveals that there are grounds for the implementation of the tasks of energy designated within the framework of the BRICS and the SCO of an interstate nature. In this research, the author turned to the methods of content analysis and event analysis used in processing of sources and monitoring international processes. Methods allow conducting comprehensive analysis of the research topic and formulating conclusions and recommendations.

References

Agreement on the Establishment of the Eurasian Economic Union, 2014 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/, accessed 12.01.2020.

Agreement on the Creation of a Single Customs Territory and the Customs Union of 6 Oct. 2007 // <http://www.evrazes.com/customunion/eepr>, accessed 15.03.2020.

Eurasian Economic Union // <http://www.eaeunion.org>, accessed 11.01.2020. (InRuss.)

The Strategy of Economic Partnership of BRICS, 2015 // <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/KT0SBHnIZjOpIuAj2AOXCnszNQA8u7HL.pdf>, accessed 12.11.2019. (InRuss.)

Vasiliev L. E., Rumyantsev E. I. 2007. Shanghai Cooperation Organization. Documents and Materials. M.: RAS. (InRuss.)

Dadabayeva Z. A. 2012. Integration opportunities of intergovernmental associations in the post-Soviet space – Russia: trends and prospects of development. Yearbook. Vol.7, part 1. (InRuss.)

Enin Y. I. 2006 International Integration Associations, Experience, Problems, Prospects – International University MITSO. Pp. 100–145. (InRuss.)

Knobel A. 2016. Eurasian economic Union: Prospects for Development and Possible Obstacles. № 3. Pp. 87–108. (InRuss.)

Mansurov T. A. 2012. Eurasian Economic Integration: Experience and Prospects. Economic Strategies. № 1 (99). Pp. 6–11. (InRuss.)

Meshcheryakov K. E. 2012. Integration Processes in the Post-Soviet Space and Russia's Participation. – SP: Scythia-print. (InRuss.)

Mikhailova Y. V. 2015. Integration Associations in the Post-Soviet Space – Young scientist. № 3. Pp. 454–456. (InRuss.)

Pivovarov E. I. 2008. Post-Soviet Space: Alternatives to Integration. Historical essay. – SP.: Aletheia. (InRuss.)

CONTENTS

EDITORIAL	4
GLOBAL AND REGIONAL ENERGY MARKETS	
I. YUSHKOV, Y. DROZDOVA. <i>OPEC+ 2020 Deal: Background and Interests of Participants</i>	6
GEOPOLITICS AND ENERGY SECURITY	
D. KHARITONOVA. <i>Geopolitical and Geoeconomic Condition of Makran and Its Cooperation with the SCO Countries in the Energy Sphere</i>	21
INTERNATIONAL COOPERATION	
S. LAVRENOV. <i>New Stage of Russia and Moldova Gas Relations</i>	41
E. SHAVINA, V. PROKOF'EV. <i>Energy Potential and Directions of Cooperation of BRICS Countries with Russia</i>	56
ENERGY POLICY	
I. MATVEEV. <i>Assessment of China's Energy Sector and Prospects for Russia-China Energy Cooperation. Part II</i>	72
A. GROZIN. <i>Kazakhstan-China Energy Partnership and the Growth of Xenophobia in Kazakhstan</i>	88
V. NOVIKOV. <i>Abkhazian Oil: Political and Economic Aspects</i>	111
YOUNG RESEARCHER	
O. ARNOUX. <i>Can Ukraine Achieve Energy Independence by Developing National Nuclear Energy?</i>	125
M. BARANNIK. <i>Regional Integration as an Important Element of Russian Foreign Policy</i>	136

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция не ведёт переписку с авторами. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Геоэкономика энергетики» обязательна.

Научно-аналитический журнал «Геоэкономика энергетики»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75848
выдано 13 июня 2019 года

Возрастная категория: 16+

Подписной индекс 33321 на полугодие
в интернет-каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ»
№ 1 (9) 2020

Издательство Институт стран СНГ
Адрес издательства и редакции: г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10 стр. 3
Телефоны: (499) 799-81-49, (499) 799-81-62
E-mail: info@geoenergy-journal.ru
Сайт: <http://geoenergy-journal.ru>

Подписано в печать 23.04.2020
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная
Тираж по заказу

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Диона».
111674, г. Москва, ул. Липчанского, д. 4, оф. 24.

